

Р.К. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ

Как
стать
переводчиком?

МОСКВА «ГОТИКА» 1999

Миньяр-Белоручев Р.К.

**Как стать переводчиком? / Ответственный редактор
М.Я. Блох. — М.: «Готика», 1999. —176 с.**

Книга «Как стать переводчиком?» предназначена для студентов и школьников, решивших приобщиться к профессии переводчика. Из этой книги они узнают, как готовить себя к переводу письменному и устному, синхронному и последовательному; познакомятся с особенностями работы переводчика-синхрониста на международных конференциях и форумах; получат представление о том, что такое художественный перевод. Кроме того, они узнают, из чего складывается жизнь профессионального переводчика, как следует поступать, работая с президентом или министром, с видным ученым или высокопоставленным военным; как вести себя, сталкиваясь с аборигенами Ганы или бесцеремонными студентами Вашингтона и т. д. В книге приведены факты из личного богатого профессионального опыта автора, которые будут интересны не только для учащихся, но и для широкого круга читателей.

ISBN 5-7834-0035-1

© Миньяр-Белоручев Р.К., 1999

© Оформление. Издательство «Готика», 1999

СОДЕРЖАНИЕ

1. Переводчик — это звучит гордо?.....	4
2. Компетентность и компетенции.....	8
3. Почему переводчику мало одной культуры?.....	11
4. Переводчик — слуга всех господ?.....	14
5. Что такое хорошо и что такое плохо в переводе.....	18
6. Чей переводчик лучше?.....	25
7. Переводчик — раб или соперник?.....	29
8. Как обрести свободу от языка оригинала.....	33
9. Переводчик — турист или нянька?.....	38
10. Нужна ли переводчику смысловая память?.....	50
11. Составители толковых словарей — переводчики? ..	55
12. Трансформации — суть профессии переводчика.....	58
13. Навыки механизма билингвизма.....	63
14. За что переводчику-международнику платят большие деньги?.....	69
15. С чего начинается успех оратора.....	76
16. Несколько штрихов к культуре речи.....	82
17. Немного об этикете в работе переводчика.....	86
18. Как готовить себя к профессиональному аудированию.....	93
19. В поисках переводческой скорописи.....	99
20. Женевская школа переводчиков и переводческая скоропись.....	104
21. Система записей в последовательном переводе.....	109
22. Подготовительные упражнения к переводческой скорописи.....	118
23. Блеск и нищета синхронного перевода.....	123
24. «Секретное оружие» синхрониста.....	135
25. Для чего нужна теория перевода?.....	140
26. Что такое теория несоответствий в переводе.....	148
27. Единицы перевода, которые следует знать.....	151
28. Перевод и мировоззрение переводчика.....	157
Краткий словарь переводческих терминов.....	164
Что еще читать о переводе.....	176

1. ПЕРЕВОДЧИК — ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО?

В начале октября 1949 года я, старший лейтенант Советской Армии, выпускник Военного института иностранных языков, прибыл в штаб Группы советских оккупационных войск в Германии для прохождения дальнейшей службы. Бывшему летчику, сменившему профессию в результате ранения во время штурмовки войск противника, новая специальность далась сравнительно легко, и назначение переводчиком-референтом в отдел внешних сношений не вызвало огорчения. Первое испытание меня ожидало сразу же после вступления в должность. Телефонный звонок адъютанта командующего Группы войск вызывал переводчика французского языка срочно в штаб, где с минуты на минуту ожидали приезда начальника французской военной миссии. Принимать его должен был заместитель командующего генерал-полковник И. Высокий чин генерала смущал меня в ту пору гораздо больше, чем первая профессиональная проба сил.

И действительно, общение с французским полковником, хорошо воспитанным и образованным человеком, особых трудностей не вызывало. В конце приема он передал генерал-полковнику письмо от командующего французскими оккупационными силами в Германии, которое, повертев в руках, мой высокий начальник отдал мне со словами: «Читай!». Я вспомнил своих славных учителей с французской кафедры Военного института, которую возглавлял человек большой культуры и большого опыта работы на военно-дипломатическом поприще — полковник Маркович СБ. Его подчиненные настойчиво добивались от нас безукоризненного перевода с листа, одного из труднейших видов устного перевода, при котором переводчик обязан предъявленный ему иностранный текст прочесть без запинки на родном языке. Все это вихрем пронеслось в моей голове в то время, как генерал-полковник передавал полученное им письмо, которое он держал

почему-то вверх ногами. Первый взгляд, брошенный на текст письма, придал мне уверенность: текст был печатный и разбираться в незнакомом почерке не требовалось. Остальное было делом «техники», письмо было прочитано по-русски без запинки и без спасительных «эканий» и повторов. Французский полковник и его переводчик (в официальных встречах представителя каждой стороны сопровождает свой переводчик) переглянулись, а затем я услышал пакет комплиментов, обращенных в мой адрес французами. Тут же последовала реплика генерала: «А за что я ему деньги плачу?!»

Запомните этот эпизод и сравните с тем, что со мною случилось позже.

В мае 1966 года в моем кабинете начальника кафедры французского языка Военного института иностранных языков раздался телефонный звонок. В трубке зазвучал хорошо поставленный командный голос: «Товарищ полковник, Вы поступаете в распоряжение главкома ракетных войск маршала Советского Союза Н.И. Крылова. Завтра Вам надлежит прибыть на военный аэродром для вылета на космодром в Байконур».

На следующий день ситуация прояснилась. В июне в Москву с официальным визитом прибывал президент Франции генерал де Голль. Он был первым иностранным политическим лидером, кому решено было показать наши космические достижения непосредственно на знаменитом космодроме. Это было оглушительно! Впервые перед официальным представителем Запада приоткрывалась завеса советской «сверхсекретности».

Допуск в святая святых нашей космонавтики был строго ограничен, поэтому и количество лиц, сопровождающих французского президента, было сведено до минимума. Одновременно решено было обязанности переводчика возложить на военного, имеющего соответствующий допуск. Выбор пал на мою персону.

Наша первая (и, естественно, без французских гостей) поездка в Байконур продолжалась дня три. Проходили бесчисленные репетиции будущего приема президента Франции

вплоть до парадного обеда в помещении огромного ангара, где продолжалась работа над космическими спутниками для будущих запусков. К сожалению, за обильный и даже изысканный обед, с переменной не только блюд, но и вин, с нас взыскали приличные суммы.

Не знаю, как для других лиц из команды приема Шарля де Голля, но для меня дни, проведенные на космодроме, оказались полезными. Беглое знакомство с ракетами, стартовыми площадками, «космическим сленгом» пополнили мой запас русских терминов, французские эквиваленты которых предстояло найти в Москве в военных французских журналах. Правда, в бытовом плане дни, проведенные на Байконуре, оказались тяжелыми. Несмотря на май месяц, космодром представлял собой раскаленную сковородку с температурой воздуха в районе 40°C. При этом ни в гостинице, ни в других помещениях не было кондиционеров, которые бы создавали нормальные условия для работы и отдыха. Местные офицеры утверждали, что кондиционеры имеются только в помещениях, где расположены приборы, требующие постоянных умеренных температур. Я невольно вспоминал свое недавнее посещение Индии, где наша делегация выходила на улицы погреться после прохладных номеров гостиницы.

Вполне понятно, что возвращение в майскую прохладу Москвы было особенно приятным. Но в июне нас ждала уже не репетиция, а рабочая поездка для встречи президента Шарля де Голля. На этот раз южное солнце было более гостеприимным, и мы ощущали даже утреннюю прохладу в тот момент, когда встречали французского гостя на аэродроме Байконур.

Встречающих было много, но главными лицами были, безусловно, генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин, председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, министр обороны СССР Р.Я. Малиновский и уже упомянутый мною П.И. Крылов. В этой компании оказался и я, как необходимое связующее звено между носителями русского и французского языков. Позже, играя в шахматы с мар-

шалом Р.Я. Малиновским в его самолете на обратном пути в Москву, я узнал, что и ему французский язык был не совсем чужд. В годы первой мировой войны он, оказывается, находился во Франции в составе экспедиционных войск, посланных туда Россией в военных целях. Но этого было явно недостаточно для свободного общения с французами. Вот в таком окружении пришлось мне работать в течение этого необычного дня: в поездках по космодрому, во время запуска очередного спутника, в беседах де Голля с руководством СССР. Правда, эти беседы проходили в основном между де Голлем и Л.И. Брежневым, так как Н.В. Подгорный во время этих бесед только подхихикивал, а А.Н. Косыгин сумрачно молчал. Что касается Л.И. Брежнева, то он много шутил и выглядел веселым радушным хозяином.

Вечером мы провожали генерала де Голля. Последнее рукопожатие, и я перевожу следующие слова президента Франции: «Уважаемый генеральный секретарь, Франция никогда не забудет, что ее президент был первым иностранцем, посетившим центр великих космических достижений советского народа. Позвольте за это принести глубокую благодарность Вам, как руководителю государства, маршалу Крылову, как хозяину космодрома, и полковнику, чье великолепное знание французского языка и космической науки (!?) сделало мое пребывание в Байконуре особенно полезным...»

Дальнейшие подробности можно опустить, поскольку речь идет не о воспоминаниях переводчика, а об отношении должностных лиц нашего государства и Франции к профессиональному мастерству своих специалистов. И это прослеживалось на всем моем долгом пути «полупридворного» переводчика. Если для всего цивилизованного человечества в любой профессии главное — компетентность и мастерство, то у нас все еще на первый план выходят чины и должность. И этому можно противопоставить только одно: такую компетентность и такое мастерство, которые бы отодвигали на второй план и чины, и должность, и прочие анкетные данные, столь драгоценные для одних и убийственные для других в условиях разнообразных тоталитарных режимов.

2. КОМПЕТЕНТНОСТЬ И КОМПЕТЕНЦИИ

Итак, компетентность; но что это такое, когда речь идет о переводчике? Компетентность — это сумма знаний и соответственно навыков и умений в профессиональной области. Для переводчика — это языковые знания и речевые навыки и умения во всех основных видах речевой деятельности. А точнее, переводчик должен обладать по меньшей мере языковой и речевой (коммуникативной) компетенциями, а также навыками и умениями письменного и устного перевода, ораторской речи и, наконец, литературным талантом. Требования немалые, не правда ли? Поэтому давайте рассмотрим постепенно все эти компетенции, навыки и умения — короче, все то, что составляет компетентность переводчика.

Начнем с языковой и речевой компетенции. Чаще всего думают, что речь идет просто о знании иностранного языка. Это, конечно, важно, но не менее важно знать не только иностранный, но и родной язык. Между тем все мы, имея относительно приличную речевую компетенцию, обладаем явно недостаточной языковой компетенцией в своем родном языке. Вы, не задумываясь, сумеете выразить свою мысль по-русски, но будете испытывать трудности, если от вас потребуют сформулировать правила употребления сослагательного наклонения, обозначения категории определенности/неопределенности существительных или найти в тексте относительные местоимения. С другой стороны, многие из вас хорошо знают грамматические или словообразовательные правила иностранного языка, но с трудом выражают на нем свои мысли в незнакомой ситуации.

Так вот, знание лексики, грамматики и фонетики и составляет языковую компетенцию, а умение свободно выражать свои мысли на том или ином языке — речевую компетенцию человека. Напомним вам, что язык — это система, которую сумели открыть, а элементы которой разложить по полочкам ученые-лингвисты, внимательно анализирував-

шие речь человека. А речь — это реализация языка как системы в повседневном общении. И тот, кто владеет речью, владеет и речевой компетенцией. Поэтому речевую компетенцию в родном языке имеет подавляющее число живущих на земле людей. Они овладели ею, поскольку это заставила сделать их жизнь, языковое окружение.

Когда мы начинаем учить иностранный язык, дело обстоит сложнее. Его изучают обычно в своей стране, и у человека нет насущной необходимости изъясняться на иностранном языке. Попытки искусственно создать такую среду особого успеха не имеют. Поэтому преподаватели чаще всего растолковывают ученикам правила превращения иностранного языка в речь, которые те и заучивают, а в результате отдельные, особенно прилежные школьники приобретают не речевую, а языковую компетенцию.

Ну, а если для изучения иностранного языка поехать в страну, где все говорят на этом языке? Тогда можно добиться больших успехов, но и при этом важно не общаться с находящимися там соотечественниками. Впрочем, все равно вы будете долго, а может быть и всю жизнь делать грубые ошибки в речи под влиянием родного языка. Такие ошибки вызываются интерференцией (т. е. столкновением) навыков, сформированных ранее, со вновь обретенными.

В свое время мне приходилось неоднократно работать с нашим замечательным писателем и публицистом Ильёй Григорьевичем Эренбургом. Первый раз мы с ним столкнулись на встрече Н.С. Хрущева с делегацией сторонников мира Франции. Имя Н.С. Хрущева в то время было очень популярно, потому что он впервые за много лет советской истории открыл страну для иностранцев. В то же время он был незаурядным оратором. В своем выступлении Н.С. Хрущев привел слова В.И. Ленина о том, что при коммунизме люди будут строить из золота нужники. При переводе на французский язык слово «нужник» я перевел как «туалет». После приема И.Г. Эренбург подошел ко мне и упрекнул в неточности перевода. Мы немного поспорили по этому поводу, но это не помешало возникшим между нами отношениям доверия.

Позже в Варшаве, где происходило очередное заседание сторонников мира, И.Г. Эренбург пригласил меня поужинать в ресторане нашей гостиницы. Коротая свободный вечер за столиком, вокруг которого сновали польские официанты европейской школы сервиса, И.Г. Эренбург, не жалея злотых, которые он получил за издание своей книги в Польше, рассказал мне, как он выучил французский язык. Оказывается, сразу после окончания гимназии ему взбрело в голову отправиться в Париж, не имея ни сантима (мелкая денежная единица Франции) за душой. В Париже ему ничего не оставалось делать, как соглашаться на любую, самую малопривлекательную работу, чтобы выжить. В результате он познал самые сокровенные тонкости французского языка, который понимал всю жизнь, как прирожденный француз. В то же время он допускал во французском языке элементарные грамматические ошибки в роде существительных, согласовании времен, которые бы никогда не простили своим ученикам строгие экзаменаторы из наших учебных заведений.

Так вот, И.Г. Эренбург, узнав о моих повседневных поисках на поприще преподавания французского языка, сказал: «Молодой человек, не мудрите, не придумывайте особых методов обучения; для того чтобы выучить иностранный язык, надо очутиться в чужой стране и выжить!». Потом он, улыбаясь, добавил: «В крайнем случае посоветуйте своим студентам найти подружек, говорящих только на французском языке, это тоже может помочь».

Мое знакомство с удивительным человеком И.Г. Эренбургом, которое длилось несколько лет в различных командировках, запечатлено в книге, которую я храню в своей библиотеке, с загадочной надписью: «A Monsieur Rurik le Main blanc. Cordialement. I. Erenbourg». Загадочной, потому что артикль мужского рода перед словом женского рода в ней напоминает то ли о несовершенстве языковой компетенции, то ли о высокой речевой компетенции писателя, и уж во всяком случае — об их тесной взаимосвязи. И если простительны естественные языковые орехи в иностранном языке не-

профессионалам, то они вопиют в работе переводчика, знание двух языков и свободное владение ими для которого и определяют его компетентность.

3. ПОЧЕМУ ПЕРЕВОДЧИКУ МАЛО ОДНОЙ КУЛЬТУРЫ?

Как вы уже понимаете, компетентность переводчика не ограничивается языковой и речевой компетенциями. Перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует. Язык отражает национальное видение окружающего мира, его своеобразие, связанное с географическим положением страны, ее историей, религией, традициями и обычаями. Так, у французов суп едят только вечером, а днем в обеденное время он не значится ни в каких меню. Американские студенты без зазрения совести валяются на полу самых престижных университетов, и профессуре, проходя по коридору, приходится перешагивать через их тела. В Бельгии считается неприличным чихать в городском транспорте. И т. д., и т. п. И с такими «мелочами» сталкиваешься на каждом шагу, хотя иногда они и ставят иностранца в неудобное положение.

Помню, как в 1980 году нашу небольшую делегацию послали во Францию для того, чтобы на встречах с членами Общества дружбы Франция — СССР разьяснить необходимость ввода советских войск в Афганистан. Как всегда, делегация состояла в основном из идеологических работников, знание французского языка для которых считалось второстепенным делом. Для их подкрепления в делегацию включили и меня. Не знаю почему, но мне и еще одному члену делегации визы вручили с опозданием. В Париже на аэродроме «де Голль» нас специально встречали два местных функцио-

нера. Ими я был срочно доставлен на вокзал для отправки поездом в Нант. В чем дело? Оказывается, глава делегации вместе с редактором одного московского журнала уже находятся в Нанте, обмениваются улыбками со своими хозяевами, но «вести разъяснительную работу» среди населения Франции не могут, так как не знают французского языка.

Встретившие меня функционеры покупают мне билет на экспресс «Париж — Нант» и объясняют, что я могу войти в любой вагон и занять любое свободное место. Надо сказать, что для меня это была далеко не первая поездка во Францию. Поэтому я достаточно самоуверенно выбрал вагон в середине состава и уселся на одно из наиболее, с моей точки зрения, удобных мест. За несколько минут до отхода поезда в вагон входит симпатичная француженка и направляется ко мне. Самодовольный от неожиданного успеха, я приподнимаюсь с готовностью внимать ее словам. Ее слова достаточно категоричны: она просит, чтобы я освободил кресло, поскольку оно забронировано несколько дней тому назад. Не оказывая симпатичной француженке сопротивления, я все же задаю вопрос, каким образом мне должно было быть об этом известно? Ее указующий перст все объясняет. С задней стороны спинки кресла в кармашек вложена небольшая картонка, на которой написано «Réservée», т. е. забронировано. Так была поколеблена моя лингвострановедческая компетенция в области железнодорожного транспорта Франции.

В любой стране имеются свои достопримечательности, которые могут не знать жители другой страны. Вряд ли все москвичи знают, что такое Елисейские поля, буйабес или мистраль во Франции, Прадо или Гвадалквивир в Испании, Сан-Суси или «мессершмиты» в Германии. Все эти музеи, супы или самолеты представляют собой национальные реалии, которые хорошо известны и дороги жителям Франции, Испании и Германии. Они должны быть если не дороги, то хотя бы известны профессионалам, работающим с французским, испанским или немецким языком. В то же время в каждой стране есть национальные реалии, ставшие достоянием всего человечества, и любой образованный человек

должен знать Белый дом в США, гениального итальянца Леонардо да Винчи или город Хиросиму в Японии. Совершенно очевидно, что их знает и всякий уважающий себя переводчик, независимо от его рабочего языка. Но наш переводчик знает, к сожалению, и кое-что другое. Он знает, что в своей практике ему приходится сталкиваться с соотечественниками, которым, несмотря на их высокое положение в обществе, приходится расшифровывать вошедшие в золотой фонд человечества имена. Свидетельством тому может служить эпизод из моей жизни, когда в конце 50-х годов мне выпало счастье впервые попасть в Париж, сопровождая крупного специалиста, руководителя одного из ведущих медицинских учреждений Москвы.

Приезд в Париж для человека, связавшего свою вторую по времени специальность с французским языком, с Францией, ее литературой, искусством, историей, всегда остается крупным событием. Как замороженный хожу по вечным улицам Парижа и непрерывно говорю, говорю своему спутнику о том, что вижу, что узнаю, как невероятно знакомое, пережитое и вдруг осязаемое. Мой спутник слушает меня внимательно и время от времени перебивает мою речь вопросами. Вот некоторые из них.

Возле Эйфелевой башни расположено Марсово поле, и я, захлебываясь, рассказываю о том, что раньше здесь проходили военные парады. Вопрос: А при чем тут планета Марс?

Идем дальше по бывшему полю, которое было названо в честь древнеримского бога войны Марса и где сейчас разбит красивый парк с прямыми аллеями. Читаю название одной из таких аллей: Аллея Анатоля Франса. Вопрос: А это что, их военачальник?

Выходим к Лувру по мосту через Сену, и далее возникает памятник Жанне д'Арк. Привлекаю к памятнику внимание своего подопечного. Вопрос: А за что этой бабе памятник поставили?

И эти вопросы задавал не просто партokrat, а хороший специалист в своей области, который, наверное, помнил достаточно твердо, когда и где состоялся VI съезд партии боль-

шевиков и какие вопросы на нем рассматривались, но никогда не знакомился с именами Росси или Бородина, Анатоля Франса или Жанны д'Арк. Без всякого сомнения, существуют планетарные реалии, которые обязан знать всякий человек, получивший хотя бы среднее образование, и национальные реалии, особенно дорогие для одного народа, но которые должны знать все те, кто делает язык этого народа своей профессией. Вот почему переводчику не пристало ограничиваться родной культурой, он должен присвоить, сделать вторым «я» и культуру того народа, на языке которого ему выпала честь работать. И только тогда с полным основанием говорят о лингвострановедческой компетенции переводчика.

4. ПЕРЕВОДЧИК — СЛУГА ВСЕХ ГОСПОД?

Моему первому знакомству с Парижем предшествовал обстоятельный визит в Бельгию, где пришлось рядом со своим временным «шефом» знакомиться с медицинскими учреждениями Брюсселя. Следует сказать, что сопровождал я одного из лучших хирургов Москвы, которого пригласили к себе его бельгийские коллеги. Дома для поездки в Бельгию не нашли ни одного «достойного» медика, свободно владеющего французским языком, и эту роль возложили на меня, предупредив, что я должен выдавать себя за врача. Поездка проходила вполне благополучно, тем более что мой подопечный понимал медицинские тонкости с полупамятка, а мои терминологические ляпсусы на французском языке прощались как русскому. Помню свое удивление организацией приема больных в брюссельских клиниках, где врач ни минуты не терял на бесконечные записи в истории болезни, а просто наговаривал в диктофон все необходимые данные. Это был 1957 год, и я наивно верил, что после визитов наших медицинских

светил в страны Западной Европы то же самое будет заведено и в наших поликлиниках. Увы, минуло уже почти полвека, а воз и ныне там.

Но вот наступил момент, которого я опасался более всего. Нашему известному хирургу решили продемонстрировать сложную операцию по удалению опухоли на щитовидной железе. Нас пригласили в предоперационную, где на стульях была выложена спецодежда для присутствия на операции, при этом вежливо предупредив, что брюки переодевать не обязательно. И вот тут я оказался на высоте, догадавшись остановить своего шефа в тот момент, когда он по старой привычке решил разоблачиться полностью, чтобы натянуть на себя повешенные на стул серо-зеленые штаны и такую же распашонку, которые напомнили бы сегодня омовское одеяние, но которые приняты для хирургических операций во всем мире. А остановил я его потому, что знал, как может шокировать скромных бельгийских медсестер демонстрация советских мужских трусов, получивших печальную славу на Западе после визита Ива Монтана в Москву.

Однако через несколько минут в поддержке нуждался уже я сам. Оперирующий хирург попросил меня встать рядом с ним, так как собирался давать объяснения, естественно на французском языке, которые я должен был переводить. В это время стало особенно ясно, что если бы на моем месте стоял настоящий медик, то он сумел бы извлечь из этой операции гораздо больше полезного, чем специалист во французском языке, которому впервые в жизни демонстрировали наяву кровавые экзекуции над человеком.

Начало было ошеломляющим.

Холеный хирург, с картинно поднятыми руками, стал, подобно отпетому злодею, резать шею милой женщине, как бы стремясь отделить ее голову от туловища. Полилась яркая, неправдоподобно красная кровь, которая прикрыла оперируемое пространство и вызвала помутнение в моих неподготовленных мозгах. Хирург тихо вещал по-французски, а я подавленным голосом изрекал что-то неумное и очевидное, вроде «он ее режет», «кровь все заливает» и т. п. Тут мне на

помощь пришел московский хирург. Он сказал: «Не волнуйся, говори что-нибудь, мне все понятно и так». Все закончилось благополучно, и не только для оперируемой, но и для самозванца-медика.

В профессии переводчика часто приходится переключаться с космических кораблей на скальпель хирурга, с мудреных сентенций кинодеятелей на отбойный молоток шахтера, с тонкостей парижской кухни на предродовые схватки. И все это сказано не для красного словца, а взято из собственной практики автора этих строк. В 1959 году в Вене мне пришлось вытягивать из омута потонувшие в профессиональном метаязыке мысли кинорежиссера С. Герасимова, чуть позже защищать в кабине синхронного переводчика интересы французских шахтеров, а потом искать в своем воспаленном мозгу акушерский термин «родовые схватки», так как нужно было «комментировать» молодым русским врачам роды несчастной французженки.

Что же из этого следует? Нужно изучать тибетскую медицину, творчество режиссера Годара, квантовую физику, агротехнику топинамбура, заканчивать курсы кулинарных работников? Это невозможно, так же как невозможно подготовить переводчиков для всех специальностей, зафиксированных в бюрократических анналах. Возможно и целесообразно другое: сообщать переводчикам о тематике его будущей работы заранее и снабжать их одновременно соответствующими тематическими материалами. Для переводчиков-профессионалов этого достаточно. Почему? Останемся на этом вопросе несколько подробнее.

Все вы, наверное, замечали, как легко болтать со своими друзьями о делах своей школы, училища, о любимом виде спорта, о своем театральном кружке. Но как трудно поддерживать разговор о лечении артрита или яловом поголовье скота. И это происходит потому, что у вас в голове уже сложились так называемые словники по повседневной тематике, но их нет у вас для проблематики, не входящей в круг ваших интересов. Вы играете в теннис — значит, вы свободно оперируете выражениями: «Чья подача?», «Вто-

рой мяч», «У него больше», «Мяч задел сетку» и т. п. Вы каждый день пьете дома чай — следовательно, в вашем распоряжении постоянно находятся словосочетания типа «заварить чай», «слабый/крепкий чай», «долить кипятка», «положить сахар» и т. д. Если у вас созданы словники на родном языке, то ничего не стоит за несколько дней создать соответствующие им словники или семантические поля на иностранном языке, которым вы владеете. Подключение семантического поля одного языка к семантическому полю другого языка происходит у опытного переводчика, если он установит между ними знаковые связи, т. е. найдет иноязычные эквиваленты или, как их называют в теории перевода, соответствия. Следовательно, создание семантического поля в иностранном языке — это не есть просто изучение тематической лексики, а ее изучение в словосочетаниях, т. е. не просто «чай», «сахар», а «налить чай», «заварить чай», «положить сахар», «пить чай без сахара» и т. п. Таким образом, создание семантического поля для перевода есть наложение семантического поля на одном языке на семантическое поле на другом языке.

При этом важно учитывать, что наложение семантического поля одного языка на семантическое поле другого языка у неквалифицированного переводчика не произойдет, так как у него не сформирован навык переключения. И еще одно замечание: все сказанное о приобретении «тематической компетенции» справедливо лишь для устных переводчиков. Серьезную книгу по специальности без соответствующих знаний не переведешь. Вот почему научные книги и статьи чаще всего переводят филологи, искусствоведы, физики, экономисты и другие профессионалы, знающие иностранный язык.

Итак, отвечая на вопрос, поставленный в заголовок этой главы, можно сказать, что переводчик может и должен обслуживать любые специальности и все направления науки и искусства, но до известных пределов. И если он слуга всех господ, то есть и у него задачи, где профессионализм господина оказывается ему так же нужен, как и самому господину.

5. ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО В ПЕРЕВОДЕ

Наши разговоры о профессии переводчика не могут пройти мимо ответа на вопрос, что такое перевод и что такое деятельность переводчика? Очевидно, что переводчик — это прежде всего посредник, который нужен всякий раз, когда возникает необходимость передать чьи-то мысли, высказывания. Но передача мыслей, высказываний — это функция чуть ли не универсальная. Учитель, который пересказывает школьникам законы физики или биографию Н. Гоголя, артисты, разыгрывающие комедию Бомарше, журналист, напечатавший интервью с президентом страны, — все они передают чьи-то мысли, но разве называют их переводчиками? Конечно нет, так как переводчик — это не просто носитель чужих идей, а профессионал, передающий сообщение, закодированное на одном языке, с помощью другого. Что такое другой язык, понимают все, а что такое сообщение?

Сообщение — это информация, предназначенная для передачи. В квартире возник пожар, ее хозяин выбегает на балкон и кричит «пожар»! Ему нужно, чтобы об этом узнали окружающие, так как таким образом может прийти помощь. Какими словами это сообщение будет передано в пожарную часть, ему безразлично.

Поэт написал стихотворение, в котором его настроение передают ритмика, повторяющиеся сочетания звуков:

Сидели, галдели, балдели,
и лилась и речь, и вино.
И знали — на этой неделе
Златое отыщется дно
И древний философ камень,
И юный, как бог эликсир...
Казалось, касались руками
Орфеевых лютен и лир.

Вадим Крайд. «Октябрь». 1990 г.

Для поэта важно передать свое настроение именно этим поэтическим приемом, другой прием будет характеризовать уже другого поэта. Поэтому для него информацией, предназначенной для передачи, будет не столько содержание, сколько структура стихотворения, включающая ритмику, рифму, ассонансы, диссонансы и др.

Писатель написал книгу и сдает ее в издательство. До выхода книги в свет ему предстоит немало встреч с редактором, который будет подвергать сомнению некоторые строчки, строфа, а иногда целые главы. Писатель будет бороться не только за свои мысли, переживания, принципы, но и за слова, словосочетания, метафоры и диалектизмы. Для писателя важно передать читателю и содержание, и форму своего произведения, это и есть для него сообщение.

Вообще в любом сообщении могут сосуществовать три вида информации: семантическая, ситуационная и информация о структуре. Семантическую информацию ищут в значении слов. Вам говорят «собака», и вы понимаете, о каком животном идет речь. Но вот вы подходите к калитке чей-либо дачи и читаете полустертую надпись: «Осторожно, злая...» Вы сразу же понимаете, что на участке вас может покусать собака, хотя слово «собака» было стерто на надписи. В данном случае понять полунаписанное предостережение помогает ситуационная информация. Всем нам известно, что обычно пишут на воротах дач. В художественном произведении очень часто на первый план выходит структура высказывания, которая выступает в качестве стиля речи, подбора метафор, сравнений, эпитетов, архаизмов или неологизмов, ритмики повествования или стиха. В этом случае приходится говорить не о смысловой, а о структурной информации (информации о структуре) текста. Ее значение для переводчика гораздо шире, чем просто индивидуальный стиль автора. Ведь с разными структурами в разных языках мы встречаемся постоянно. Англичанин скажет: I have a brother — «Я имею брата», у грузина такая же фраза звучит иначе: мкавс дзма — «имею (я) брата», по-русски мы говорим: «У меня есть брат». Существующую эквивалентность структур

нас учат соблюдать с первых шагов изучения языка, нельзя «смешивать французский с нижегородским». Но это ограниченное число грамматических структур, их легко заучить и помнить при переводе. А индивидуальную структуру речи каждого писателя или поэта не заучишь. И если автор произведения считает необходимым донести до адресата не только его смысл, но и его структуру, то сообщение будет включать и этот вид информации.

Уяснение термина «сообщение» позволяет сделать вывод о том, что подготовка переводчика должна включать умение различать границы сообщения в каждом отдельном случае. Это сделать не трудно, и мы вернемся к этому вопросу, когда научимся отличать письменного переводчика от устного. Сейчас же полезно остановиться на экстремальных случаях, в которые попадает переводчик. Вот некоторые из них.

Моя служба в Группе советских оккупационных войск в Германии оставила в памяти один поучительный эпизод, действующим лицом которого был уже упомянутый полковник, начальник французской военной миссии. В то время советские воины за рубежом были в центре внимания как освободители Европы от гитлеровского фашизма. Многие из лиц, контактирующих с нашими представителями, старались выучить русский язык. Учил русский язык, и небезуспешно, и начальник французской военной миссии. И вот однажды, когда вместе с французским полковником мы пересекали в машине очередной контрольно-пропускной пункт, советский сержант после проверки документов изрек: «Езжай, старый черт!». Наш француз разволновался и стал выяснять, за что его оскорбил советский сержант? Сидевшая рядом с нами переводчица сделала удивленный вид и сказала: «Что Вы, господин полковник, наоборот, он назвал Вас ласково... старичок!». Инцидент был исчерпан, все были довольны.

Другой случай из моей собственной практики. В 1958 году я был ангажирован вместе с группой московских синхронистов обслуживать проходящий в Ташкенте съезд писателей Азии и Африки. Работа была трудной главным образом потому, что рабочими языками, кроме русского, были

английский и французский, которыми писатели Азии и Африки не всегда владели в достаточной степени. А переводить выступления следовало синхронно, т. е. сидя в кабине и принимая речь выступающего в наушники, произносить параллельно перевод в микрофон. К этому времени синхронный перевод прочно вошел в практику общественных форумов, поскольку он позволял сэкономить несколько дней и соответственное количество валюты при проведении таких мероприятий.

В описываемом мною эпизоде предстояло выступление писателя из Камбоджи. Выступать он хотел только на кхмерском языке, хотя сам прилично говорил по-французски. Приехавший с камбоджийскими писателями переводчик на французский язык синхронно переводить не умел. Камбоджийский писатель не без основания считал, что кхмерский язык имеет такие же права звучать на международном форуме, как французский или английский, и настаивал на своем. Был предложен такой выход: писатель говорит по-кхмерски, а в это время в кабине переводчика передо мной лежит французский текст, с которого я перевожу речь с листа на русский язык. При этом переводчик кхмерского языка пальцем указывает мне место в тексте, которое соответствует произносимым словам оратора. Это решение понравилось всем.

И вот камбоджийский писатель взобрался на трибуну и начал свою речь. Мой коллега из Камбоджи начинает водить пальцем по французскому тексту, с которого я перевожу на русский язык в микрофон. Оратор продолжает с воодушевлением говорить, его соотечественник водит своим перстом по французскому тексту, я выдаю русский текст, на остальные рабочие языки с моего текста переводят другие синхронисты. Все идет как будто по разработанному сценарию, меня настораживает только появляющееся недоуменное выражение лица оратора в те моменты, когда в зале раздаются аплодисменты или смех. Я привязан к тексту, вернее к пальцу кхмерского переводчика, и исправить что-либо не в силах. В это время указующий перст моего коллеги подходит к концу

текста. Нужно провозглашать пару лозунгов против империализма и за процветание Камбоджи. Но я этого не делаю: в тоне оратора не появляется никаких патетических нот. Палец моего помощника исчезает с текста выступления, и он смущенно пожимает плечами. Что делать? Переворачиваю французский текст и начинаю переводить его во второй раз. В зале не чувствуется недоумения. Никто не замечает, что он слушает уже слышанное. (И это естественно, так как в большинстве речей повторялись дежурные фразы о необходимости единства писателей мира в борьбе с империализмом и т. п.) Вдруг начинаю улавливать торжественные нотки в речи оратора. Нахожу «мостик» к заключительным лозунгам и вслед за выступающим заканчиваю перевод его речи. Все довольны, а председательствующий писатель Константин Симонов отмечает в заключительном слове четкую работу переводчиков.

Наконец, третий эпизод имел место на самом высшем уровне. 1959 год, совещание руководителей коммунистических партий, прибывших в Москву со всех континентов. Только что выступил Энвер Ходжа, руководитель албанских коммунистов. Он резко критиковал Никиту Сергеевича Хрущева за то, что компартия Советского Союза сокращает помощь Албании в связи с тем, что Албания пытается прокладывать в политике самостоятельный курс. Н.С. Хрущев краснеет, его небольшие глазки становятся все более колючими. В тот момент, когда я сажусь в будку синхронного перевода, он встает и, еле сдерживая себя, начинает тихо говорить. Чувствуется, что говорить спокойно ему чрезвычайно трудно. Его речь представляет собой сплошное крещендо, и после перечисления всех видов помощи, которую КПСС оказывает Албании, происходит взрыв. Хрущев кричит о черной неблагодарности, обвиняет Э. Ходжу во всевозможных грехах и в заключение, теряя самообладание, взрывается окончательно: «И этот человек обос...л нас с ног до головы, туды его мать!». Я все это обязан переводить, но на последней фразе у меня происходит, естественно, запинка и в микрофоне на французском языке возникает вариант значительно меньшей

по резкости тональности: «И этот человек покрыл нас грязью с ног до головы». После речи Хрущева объявляется перерыв, и я выхожу из кабины. Меня ждет референт международного отдела ЦК КПСС, который курирует французскую службу совещания и который прилично разбирается во французском языке. Он холодно смотрит на меня и спрашивает: «Кто Вам разрешил поправлять генерального секретаря нашей партии?». Я пожимаю плечами и отвечаю: «Решение я принял сам, у меня не было времени для консультаций». Референт, с которым у меня были всегда хорошие отношения, пробормотав: «Вам придется за это отвечать», круто поворачивается и уходит. Минут через десять он появляется с Хо Ши Мином, генеральным секретарем компартии Вьетнама, который благодарит французскую бригаду синхронистов за работу. Цековский референт отводит меня в сторону и доверительно шепчет: «Никита Сергеевич велел поблагодарить Вас, он не хотел, чтобы его грубые выражения звучали на всех языках».

Рассмотрим все три случая с точки зрения работы переводчика, который, как нам стало известно, призван неписаными законами профессии в первую очередь передать сообщение. В первом из них слова «старый черт» были переданы как «старичок». Налицо явное искажение, и тем не менее переводчица была права. Слова «старый черт» не были для нее сообщением, так как сержант на контрольно-пропускном пункте не предназначал их французскому полковнику, он был уверен, что француз русского языка не поймет. А это значит, что международный ляпсус при проверке документов следовало не сохранять, а исправлять.

Во втором случае сообщением для переводчика был не устный текст писателя на кхмерском языке, а его письменный вариант на французском языке. Когда французский текст под управлением дирижерской палочки личного переводчика оратора был передан на русском языке, синхронному переводчику оставалось либо замолчать и дать какое-либо объяснение в зал, что не послужило бы на пользу камбоджийской делегации и организаторов конференции, либо придумать

за оратора продолжение речи. Последнее могло привести к искажению сообщения и вызвать серьезные неприятности. По-видимому, наименьшим злом оказался повторный перевод части текста, что не выходило за рамки сообщения.

Лишь в третьем случае можно говорить о неточной передаче сообщения: в переводе не было грубых ругательств. Виной здесь может быть либо замешательство переводчика, либо его интуиция, поскольку грубость могла быть сказана в экстазе, а потому и не предназначаться в «открытый эфир». В данном случае неточная передача сообщения была вызвана и замешательством переводчика, и его интуицией. Высокопоставленные лица недаром предпочитают иметь своих переводчиков, они в этом случае менее напряжены и уверены, что переводчик их «подправит». Так, в 60-е годы с президентами Франции постоянно работал Андроников, потомок российских князей, он блестяще переводил и к тому же подчеркнуто демонстрировал аристократические манеры. Его работа оставляла сильное впечатление, хотя его высокомерие и стоило ему некоторых «ляпов» в переводе. Так, он часто употреблял слово «происшествие» вместо «событие»: «Происходящая в эти дни встреча в верхах представляет собой крупное происшествие (!)...» — говорил он самоуверенно, посматривая на своих коллег с высоты своего величия придворного переводчика, и никто не осмеливался его подправить. Но чаще он умело и вовремя приходил на помощь власть имущим в их беседах с советскими политическими деятелями.

В заключение этой главы можно сказать: даже приведенные примеры показывают, что переводчик далеко не всегда раб того сообщения, которое он получает, в практике его работы нередко приходится искать ответ на вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо?».

6. ЧЕЙ ПЕРЕВОДЧИК ЛУЧШЕ?

Мы уже говорили, что в работе переводчика главное — найти в исходном тексте информацию, предназначенную для передачи, и представить ее адресату в доступном для него виде. Причем информацией, предназначенной для передачи, может быть и только семантическая информация, и только ситуационная информация, и только информация о структуре. Ею могут быть и различные комбинации из информации и, в том числе, все три информации в целом.

Задача поиска и передачи информации имеет свои сложности. Искать информацию приходится не только в письменных текстах, сидя в кресле своего рабочего кабинета и имея под рукой набор словарей и справочников. Искать ее приходится и в искаженных звуках наушников со всеми обычными и необычными помехами, и в полуграмотном выступлении делегата бывших колоний, вынужденного говорить на чужом языке, и в блиндаже под аккомпанемент артиллерийского огня при допросе военнопленного. Передавать информацию можно также различными путями: в микрофон, нашептывая своему соседу на ухо, с трибуны международного конгресса, излагая ее на бумаге. И делать всё перечисленное умеет не такое уж большое число людей, знающих два языка.

Даже среди дипломированных переводчиков есть квалификационные ступени. Вот как их различает Женевская школа переводчиков, одно из старейших и лучших учебных заведений такого типа, которая принимает на первый курс только лиц, владеющих двумя иностранными языками (одним из них свободно): успешное завершение двухлетнего обучения — диплом письменного переводчика, еще год обучения — диплом письменного и устного переводчика, дополнительный год — переводчик международных конференций.

Что означает диплом письменного переводчика? Не думайте, что он дает немедленное право на перевод Шекспира,

Лермонтова, Ремарка или стихотворений В. Гюго. Такое право дает только литературный талант, это удел избранных. Диплом письменного переводчика — это право перевода повседневной корреспонденции, бюрократических бумаг, перевода и реферирования статей, брошюр, книг по специальности. Всё это, конечно, нужно, и мы еще поговорим по этому поводу.

Диплом письменного и устного переводчика говорит о том, что его обладатель способен, кроме письменного перевода текущих бумаг, сопровождать своих соотечественников за рубежом или иностранцев в своей стране, помогая им общаться в иноязычной среде.

Диплом переводчика международных конференций (у нас — переводчик-референт) не ограничивает права его держателя и предполагает владение тайнами как синхронного, так и последовательного перевода с записями.

Есть ли такие возможности в нашей стране? Есть, и в чем-то значительно большие, а в чем-то, увы, меньшие. Об этом сейчас я скажу поподробнее на опыте своей работы не только в отечественных заведениях, но и знакомства с Женевской школой переводчиков, Парижской Сорбонной и Джорджтаунским университетом в Вашингтоне.

Вот то, что делает обучение на переводческих факультетах в западных университетах особенно эффективным:

— правила приема, требующие хорошего знания двух иностранных языков до поступления на учебу;

— плата за обучение (от 8000 до 20 000 долларов в год в США в 1990 году), дополнительная плата за каждую передачу экзамена (Женева) и высокие стипендии талантливым студентам;

— технические средства обучения, безотказно функционирующие в любую минуту дня и ночи, круглый год.

Помню, как в 1960 году меня познакомили с лингафонным кабинетом Женевского университета, в состав которого входит школа переводчиков. Это большая аудитория с оборудованными ларингофонами столами и 6-8 кабинами, в которых расположена необходимая для синхронного перевода аппаратура. В

лингфонном кабинете сидят несколько студентов, которые получили на кафедре задания работать с пленками, где записаны выступления носителей языка. В лингфонном кабинете не видно лаборанта, нет непреременных у нас техников, которые что-то исправляют, клеют, ремонтируют. Сопровождающий меня преподаватель объясняет: все оборудование — дар дома Рокфеллеров — работает безукоризненно, раз в месяц сюда приходит техник из Европейского отделения ООН, все проверяет, проводит смазку и снова исчезает, студенты тренируются самостоятельно, раз в неделю проводим здесь учебные конференции с переводом.

В конце 70-х годов в Сорбонне оборудование было еще лучше, а в коридорах на каждом шагу стояли ксероксы, в которые достаточно было опустить мелкую монету, чтобы они выдали необходимое количество отпечатанных копий учебных текстов.

В 1990 году в Вашингтоне технических проблем, казалось, не было. У каждого преподавателя на кафедре — личный компьютер, на котором он готовит все необходимые материалы к занятиям, в аудиториях — видеомагнитофоны, которые сразу же при необходимости пускаются в дело. Мое появление на кафедре было тут же использовано: меня попросили повторить свое выступление на русском языке для записи на видеомагнитофоне в ожидании русской группы в следующем семестре.

Сравним с положением у нас. В 50-е годы появились первые лингфонные кабинеты. В Институте международных отношений впервые такой кабинет приспособили для подготовки синхронных переводчиков. В 60-е годы лингфонное оборудование стало появляться во многих школах. Кабинеты синхронного перевода начали функционировать в Институте иностранных языков на Остоженке, в Военном институте иностранных языков. Однако техника работала отвратительно, преподаватели в институтах, учителя в школах теряли половину времени на попытки заставить магнитофоны крутиться. Их пыл постепенно угасал, магнитофонное оборудование устаревало, технические средства обучения в

учебных заведениях использовались все менее активно, тем более что обещанное чудо от ЭВМ в наши классы не приходило. Ожидание продолжается.

Значит ли это, что мы готовим переводчиков хуже? Не будем торопиться с выводами. Обратимся к тому, что делает обучение на переводческих факультетах Запада менее эффективным, чем у нас. В зарубежных учебных заведениях преподаватели не формируют навыки, будь то навыки перевода или просто речевые навыки. Там учащиеся высших учебных заведений предоставлены сами себе, хотя в их распоряжении и имеются хорошо оборудованные кабинеты устного перевода, необходимые словари, фоно- и видеозаписи. Конечно, они могут посещать лекции того или иного профессора, ходить на консультации, получать полезные советы для самостоятельных упражнений, но никто не «навязет» им выстраданную многолетней практикой систему упражнений для формирования навыков и умений перевода, никто не организует повседневный контроль. Сами занятия по переводу, как правило, представляют собой сопоставительный анализ текстов двух языков, а остальное аудиторное время предназначено многочисленным лингвистическим дисциплинам, в которых наши столичные или петербургские специалисты выглядят более убедительно.

Ну, а результат? Да, в начале 30-х годов в Лондоне был побит рекорд последовательного перевода, непревзойденный и сейчас. Да, в 1959 году в Женеве Ж.-Ф. Розан выпустил книгу, в которой впервые была зафиксирована идея записей в последовательном переводе, и ее разработка значительно повысила эффективность устного перевода. Да, Эдмон Кари, прежде чем погибнуть в авиационной катастрофе, успел раньше всех рассказать о месте перевода в современном мире. Выдающихся одиночек всегда можно найти в любой области знаний. Но посетите международную конференцию, где трудятся команды переводчиков разных стран, прислушайтесь к их голосу и вы убедитесь: квалификация наших переводчиков-международников ни в чем не уступает квалификации переводчиков других стран, а в чем-то ее и превосходит.

7. ПЕРЕВОДЧИК — РАБ ИЛИ СОПЕРНИК?

Следуя модели, принятой в Женевской школе переводчиков, поднимемся на первую ступень, ступень, дарующую диплом письменного переводчика. Что же нужно знать и уметь, чтобы стать письменным переводчиком? Сразу же оговоримся, что 1-я ступень Женевской школы переводчиков имеет в виду не литературный перевод, а перевод текущих материалов, т. е. всего того, что не требует литературного таланта: перевод деловых писем, документации, информативных материалов, публикаций прессы, брошюр и т. п. От такого перевода требуется передача смысла, который находится при сопоставлении семантической информации с ситуационной, в то время как в литературном переводе необходимо сохранить не только смысл, но и структуру речевого произведения.

Рассказывают, что Александр Дюма (отец), один из самых любимых писателей наших школьников, стал, после того как побывал в России, «переводить» русские книги. Русского языка он не знал и этого не скрывал. Более того, в предисловии к переводу первой русской книги он писал: «Я нашел людей, знающих русский язык, и заставил их перевести эти книги... Эти переводы я получил из рук своих переводчиков и переделал их так, что они стали понятны читателю. В таком виде, ничего не меняя, я их публикую...»¹ Что же было им получено? Действительно перевод книг русских писателей? Нет конечно. Французскому читателю было предложено содержание русских книг, изложенное в стиле писателя Александра Дюма.

Сохранение структуры литературного произведения чрезвычайно сложно, а в некоторых случаях это сделать невозможно. Как, например, сохранить стиль А. Платонова в его необыкновенных книгах? Вот, несколько строк из его «Счастливой Москвы»: «Она выпила... Сарториус заметил это и улыбнулся ей сво-

Цитируется по книге: Cary E. La traduction dans le monde moderne. — Genève, 1956. — С. 42.

им неточным широким лицом, похожим на сельскую местность. Его отцовская фамилия была не Сарториус, Жуйборода, а мать-крестьянка его выносила в своих внутренностях рядом с теплым пережеванным ржаным хлебом»¹.

Как донести до француза или итальянца стиль самобытно-го В. Астафьева: «Конец каната когда-то выменяли вычугане на туристском катере, расплели и веревки на всю деревню понаделали. Крепких. Вот плотно скрученная веревочка! Мать сказывала, что привязывала ее к люльке, совала ногу в петлю и чистила картошку, готовила пойло корове, пряла, починалась и зыбала ногой люльку с ребенком. "А ты ревливая была. Качаю-качаю, пою-пою: баю-баюшки-баю, не ложися на краю... А ты все реवेशь... Плюну я, да чтоб тебя разорвало, зарю. Ты с испугу зальешься пуше того..."»².

Переводчик художественных произведений должен быть сам мастером слова, глубоко вникающим в стилистические тонкости каждого настоящего писателя. Чаще всего лучшими переводами больших писателей являются их собственные или авторизованные переводы (авторизованным переводом называют перевод, одобренный автором произведения). Василя Быкова, с его непревзойденной силой произведениями об Отечественной войне, мы познаем через авторизованные переводы на русский язык, а блистательный Чингиз Айтматов пишет свои книги на двух языках: киргизском и русском.

Еще меньше шансов преуспеть в переводе поэзии. Сравним подстрочник стихотворения Мартина Опица (немецкий поэт XVII века) с его переводом, выполненным таким крупным мастером, как Лев Гинзбург.

Подстрочник немецкого стихотворения «Пресыщение ученостью»:

Я испытываю ужас
От того, Платон, что сижу и сижу
Над тобою. Пора уже выбраться на природу,
Обновиться у свежих ручьев,

¹ Новый мир, 1991. — № 9. — С. 24.

² Любочка. Рассказ // Новый мир, 1989. — № 9. — С. 17.

На зелени,
Где цветут красивые цветы
И рыбаки ставят сети...

Перевод Л. Гинзбурга:

Я тоскую над Платоном
Дни и ночи напролет,
Между тем весна поет
За моим стеклом оконным.
Говорит она: «Спеши
Вместо шелеста бумаги
Слушать, как звенят овраги.
Ветром лучше подыши!»¹

Не занимаясь критическим анализом перевода Л. Гинзбурга, мы вынуждены всё же констатировать: перед нами поэт Л. Гинзбург, которому подсказал содержание М. Опиц.

Возьмем другой перевод, перевод Анри Абриля с его редкой верностью семантике (значениям слов) стихотворения «Чудо» Бориса Пастернака:

Б. Пастернак:

Он шел из Вифании в Ерусалим,
Заранее грустью предчувствий томим.
Колючий кустарник на круче был выжжен,
Над хижинкой ближней не двигался дым,
Был воздух горяч и камыш неподвижен,
И Мертвого моря покой недвижим...

А. Абриль:

De Béthanie il allait à Jérusalem,
De lourds pressentiments mettait son âme en peine.
Tous les buissons étaient brûlés sur cette pente,
Et au-dessus d'un toit la fumée suspendue;
Et l'air était ardent, les roseaux en attente,
La mer Morte dormait dans un calme absolu...

¹ Цитируется по статье В. Левина: Лев Гинзбург. Опыт литературного портрета // Поэтика перевода. — М., 1988. — С. 230-231.

Владеющие французским языком смогут констатировать удивительную преданность содержанию подлинника в переводе А. Абриля, но где то, что делает стихотворение Б. Пастернака одухотворенным: «грустью... томим», «на круче... выжжен», «над хижиной ближней», «покой недвижим»? Увы, поэзия стихотворения не передана. Почему? Во-первых, потому что во французском языке нет аналогичных поэтам (слов и словосочетаний, возможных только в поэзии и не находящихся широкого употребления в обыденной речи). Так, например, слово «томиться» в русском языке в этом значении в повседневной жизни не употребляется. Во французском языке есть подходящий двойник «languir», или «languir de pressentiments» (томиться предчувствием), но оно не вписывается в ритмику стиха и не позволяет сохранить рифму. Что касается «выжженной кручи», «недвижимого покоя» или просто «хижины», то французский язык не запасся аналогичными поэтемами, и слово «хижина» во французском переводе будет звучать скорее как «лачуга» (une hutte). Правда, французский переводчик компенсирует потери французскими поэтемами («la fumée suspendue», «les roseaux en attente»), но это будут уже поэмы Абриля, а не Пастернака.

А в следующем примере обратите внимание, как М. Цветаева «поэтизирует» французского поэта Шарля Бодлера поэтемами: «отрок», «в ночи», «за далью», «в памяти очах».

Ш. Бодлер:

Pour l'enfant, amoureux de cartes et d'estampes,
L'univers est égal à son vaste appétit.
Ah que le monde est grand à la clarté des lampes!
Aux yeux du souvenir que le monde est petit.

М. Цветаева:

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал¹.

¹ Цитируется по статье Вяч. Иванова «О языковых причинах трудностей перевода художественного текста» // Поэтика перевода. — М. 1980. — С. 81.

Этим переводом М. Цветаева венчает лаврами победителя в извечном споре автора и переводчика — последнего. И этот перевод подтверждает известное изречение о том, что в прозе переводчик раб, а в поэзии — соперник.

Впрочем, говоря о рабстве переводчика в прозе, нельзя забывать, что проза прозе рознь, что в прозе следует различать переводчика, отстаивающего свой стиль в переводе произведений, стилистические изыски авторов которых не передать средствами другого языка, но подчиняющегося оригиналу в случаях тривиальности сочинителя. А из этого следует, что переводчик соперником автору становится поневоле, но также и то, что его рабство должно быть цивилизованным. Соперника учить переводу нет смысла, он сам себя научит, а вот сделать рабство письменного переводчика цивилизованным — эта задача нам с вами вполне по силам.

8. КАК ОБРЕСТИ СВОБОДУ ОТ ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА

Итак, вы хотите уметь письменно переводить, именно уметь, так как письменные литературные шедевры будут создавать только некоторые из вас, а овладеть ремеслом письменного перевода текущих бумаг сможет каждый.

Для начала важно усвоить, что есть всего-навсего два способа перевода, если под способом понимать психологическую операцию, т. е. объективно существующий (природой заготовленный) образ действия для перехода из одного состояния в другое. В переводе начальным состоянием такого перехода будет текст, изложенный на одном языке, а конечным — текст на другом (переводном) языке. Первый способ перевода самоочевиден: начинающий переводчик поступает обычно самым примитивным образом, он заменяет каждое слово (словосочетание) первого (исходного) языка

словом или словосочетанием другого, переводного языка. Что же получается в результате? Судите сами на примере такого перевода маленького текста из «Fiche culturelle» № 1 Septembre/Octobre 1989.

Исходный текст:

«Qui sont les jeunes Français? Un sondage SOFRES indique... que parmi ce qui leur fait le plus peur pour les années à venir ils citent: le terrorisme et la violence (54%); la crise économique et le chômage (52%); un conflit nucléaire (41%); la faim dans le monde (30%); la montée de l'égoïsme dans la société (29%); le Sida (28%); les catastrophes écologiques (21%); le déclin de la France (14%)».

Перевод на русский язык, выполненный первым способом:

«Кто есть молодые французы? Зондаж СОФРЕС указывает... среди того, что их больше всего пугает в годы, которые придут, они цитируют: терроризм и насилие (54%); экономический кризис и безработица (52%); ядерный конфликт (41%); голод в мире (30%); подъем эгоизма в обществе (29%); СПИД (28%); экологические катастрофы (21%); закат Франции (14%)».

Вряд ли вам очень понравился перевод на русский язык, хотя в нем мы постарались сохранить смысл. Действительно, не обязательно говорить «ближайшие годы», «опрос, проведенный французским центром социологических исследований показывает», «рост эгоизма» и т. п. Понятны и выражения «годы, которые придут», «подъем эгоизма» и даже «они цитируют». Но чтение такого перевода затрудняет понимание, вызывает эстетический дискомфорт, а главное — часто приводит к буквализмам, которые принято называть «ложными друзьями переводчика».

Так, я помню, как в течение многих месяцев войны за независимость вьетнамского народа наши газеты печатали сообщения о том, что в результате боевых действий вьетнамские патриоты сумели захватить некоторое количество мушкетов?! Военных людей эти сообщения удивляли и настораживали: мушкеты в современной войне? Или это новое оружие? Оказалось, всё проще. По-фран-

цузски слово «mousqueton» означает «карабин», однако наши самоуверенные корреспонденты переводили его буквально «мушкет». Французское слово «sondage» означает «зондирование, бурение, исследование, опрос», причем последние два значения в переносном смысле. В нашем тексте представлен буквализм «зондаж». Буквально переведена и грамматическая структура первой фразы: «Qui sont les jeunes Français?», и выражение «les années à venir», и кое-что другое.

Таким образом можно сделать вывод о том, что *знаковый* способ перевода, а так называется способ перевода от знака (слова) одного языка к знаку другого языка, приводит не только к неудобоваримому варианту текста, но и к буквализмам. Буквализмом же называется неудачное воспроизведение формы подлинника, сохранение одного из признаков языкового знака в ущерб другим.

Появления буквализмов в переводе легче избежать, если знать, где они подстерегают переводчика. Элементарные буквализмы таятся в звучании или написании слова. Так, услышал начинающий толмач французское слово «journal» и, не задумываясь, изрекает «журнал», а надо «газета», встречается в английской речи слово «magazine» — и тут же следует самоуверенный перевод «магазин», а требуется «журнал», прозвучало польское «uroda» — и появляется «урод», а нужно «красота».

Семантические буквализмы рождаются в результате перевода слова или словосочетания по их семантическим составляющим. Так, французское «les années à venir» переводят «годы, которые придут» вместо «ближайшие годы», русское слово «подполковник» переводят по его составляющим и получают французское «sous-colonel» вместо «lieutenant-colonel» и немецкое «Unteroberst» вместо «Oberstleutnant».

И наконец, грамматические буквализмы сохраняют чуждые языку перевода грамматические структуры и формы, которые демонстрировались в только что представленном переводе на русский язык французского текста.

Все сказанное может вызвать у вас полное неприятие знакового способа перевода. Не торопитесь с выводами. К знаковому способу перевода мы еще вернемся в устном переводе, а пока познакомимся со вторым, *смысловым* способом перевода.

Смысловой способ перевода свидетельствует уже об определенном мастерстве переводчика. При смысловом способе требуется сначала уяснить мысль, которая заключена в высказывании, а потом ее выразить так, как это принято нормами языка перевода. Под нормой языка понимают принятое в речи употребление языковых средств. Так, в русской норме говорят: «Он слесарь», в то время как в большинстве западных языков обязательной является связка «есть»: «Он есть слесарь». По-русски говорят: «я один», а по-английски: «я есть у самого себя» (I am by myself). Примеры можно множить, но главное в смысловом способе не просто норма, а умение уйти из-под диктата языка оригинала. Как показывает практика, начинающие переводчики делать этого не умеют, и опытный редактор легко отличит перевод от оригинала.

Между тем освободиться от иноязычного гипноза можно научиться довольно легко, если воспользоваться своим собственным, так называемым *субъективно-зрительным* кодом. Но для этого надо сначала понять, что же это такое?

Субъективно-зрительным кодом называют образы, появляющиеся во внутренней речи человека. Когда мы думаем, знакомимся с чем-нибудь, решаем какой-либо вопрос, в нашей голове мелькают отдельные слова, образы, представления, которые призваны, независимо от грамматических правил, обозначать возникающие мысли. В детстве человек использует для обозначения своих мыслей изображение предметов, ситуаций и т. п., с годами, и особенно в связи с получением образования, многие образы заменяются словами. Это обстоятельство давало основание некоторым теоретикам утверждать, что мыслей без слов не бывает. К счастью, они ошиблись, иначе мы бы не имели хороших переводов. Так вот, те знаки (слова, образы, представления), которые возникают в голове человека в связи с его мыслями, и называют субъективно-зрительным кодом.

Субъективно-зрительный код способен вывести переводчика из-под сурового диктата языка оригинала. Что для этого надо сделать? Перенести субъективно-зрительный код из своей головы на бумагу. С этой целью возьмите любой текст, хотя бы на русском языке, и запишите его так, как вам это нравится при условии полного отказа от слов какого-нибудь языка. Для этого вы можете использовать рисунки, которые приходят в голову в связи с текстом, знаки препинания, геометрические фигуры — все то, что является для вас обозначением мысли, выраженной в подлиннике. Вот как это может выглядеть на примере следующего текста:

«10 февраля в 37 лет ушел из жизни величайший поэт России. "У кого из русских с его смертью не оторвалось что-то родное от сердца?" — спрашивал В.А. Жуковский. Москвичам, жителям города, где поэт родился, 10 февраля, как никогда, хочется пройти по московским улицам, связанным с жизнью Пушкина, зайти в церковь, где он венчался, в Дом-музей на Арбате, куда после венчания он привез Наталью Николаевну и где прожил три счастливых месяца».

10.02 + 37 П ♡ ? ЖКВСКИЙ
 X² М-ВЫ (<) → П Н.Н. → ДРВ 3x30

Здесь я предложил свою собственную запись, в которой крестом показана смерть поэта, стрелками — прогулки по Москве, буквой X² — жители Москвы, математическим знаком < — рождение. Эти знаки можно оспаривать, но они мои, и именно они вызывают в моей памяти содержание текста. У другого человека с теми или иными реалиями могут быть связаны другие представления, другие рисунки. Но при этом важно фиксировать все *прецизионные* слова, т. е. слова, которые обозначают имена собственные, даты, просто цифры — всё то, что требует абсолютной точности в переводе. Прецизионные слова особенно трудно удерживать в памяти.

Такую запись лучше всего использовать для перевода возможно быстрее. Иначе она не подскажет памяти всего содер-

жания оригинала. Только после этого сверьте свой перевод с первоначальным текстом и восполните то существенное, что было вами упущено. Такая запись выведет вас из-под зависимости кода исходного текста. В вашей записи будут мысли, заключенные в нем, но не будет формы выражения этих мыслей. И пока вы не овладели мастерством перевода, прибегайте к субъективно-зрительному коду, как к средству раскованного перехода от письменного текста иностранного языка к письменному тексту на родном языке. Всё остальное связано уже не с мастерством перевода, а с владением иностранным языком, во-первых, и с владением письменной речью родного языка, во-вторых.

Итак, ваш субъективно-зрительный код и есть тот волшебный ключик, который открывает тайны мастерства письменного перевода и позволяет наилучшим образом воспользоваться так называемым смысловым способом перевода.

9. ПЕРЕВОДЧИК — ТУРИСТ ИЛИ НЯНЬКА?

Мы приобщились к первой ступени переводчика-профессионала, если исходить из дипломов Женевской школы переводчиков. Вторая ступень прибавляет письменному переводчику квалификацию устного переводчика, но не допускает его еще на международные конференции. Что же предусматривает квалификация устного переводчика?

Рядовой устный переводчик — это переводчик-нянька, который обязан опекать своего или своих подопечных, попавших в незнакомую языковую среду. Такой переводчик поступает в распоряжение иностранного гостя или своего соотечественника, очутившегося в чужой стране, в тот момент, когда тот изволил проснуться и способен сформулировать свое первое желание. Покинуть же своего «хозяина» можно только после исполнения его последнего в этот день желания, связанного с иностранным для него языком.

Эти желания многообразны и непредсказуемы, но, как правило, переводчик-нянька обязан: поддерживать взаимоотношения своего клиента с обслуживающим персоналом гостиниц, заказывать ему обед и ужин в ресторане (завтрак, как правило, фиксирован и входит в оплату номера гостиницы), сопровождать его во всех передвижениях по городу и между городами, выяснять все возможные недоразумения, обеспечивать деловое общение с иностранными партнерами, водить его в театр, кино или на концерты, помогать ему делать покупки в магазинах, заказывать телефонные разговоры, доставать железнодорожные, авиационные, морские или речные билеты, находить ему нужного врача и лекарства, объяснять все достопримечательности, выступать в качестве эксперта по стране, развлекать его беседами и многое, многое другое. (Хотя при этом переводчик совершенно бесплатно путешествует, посещает музеи, театры, спортивные площадки разных городов мира, «купаются» в языковой среде самых далеких стран.)

Для того чтобы представить вам эту деятельность переводчика-профессионала так, как ее воспринимал автор этих строк в сравнительно еще молодые годы, приведу обработанные для этой книги записи, сделанные мною в январе-феврале 1960 года.

МОСКВА. Мне, кажется, крупно повезло. Завтра я отправляюсь с Белорусского вокзала по маршруту Москва — Вена — Рим — Париж — Лондон — Вена — Москва. Отправляюсь, естественно, не как турист, а как переводчик и сопровождающее лицо известного советского драматурга, председателя Верховного Совета Украины, Александра Евдокимовича Корнейчука. Почему такой маршрут? Очень просто, в Риме должна произойти встреча руководителей Движения сторонников мира СССР с руководством Движения сторонников мира Италии, а в Лондоне — небольшое заседание руководителей Всемирного движения сторонников мира. Участники этих встреч и заседаний прибудут в Рим и Лондон на самолете; что касается А.Е. Корнейчука, то он на самолетах не летает, а потому совершит всю поездку на поезде,

посетив по дороге Вену, где в то время находилась штаб-квартира борцов за мир. А.Е. Корнейчуку нужен сопровождающий, владеющий иностранными языками, и в первую очередь французским языком как основным — в то время рабочим языком этой международной организации. С целью экономии валюты было решено сделать сопровождающим синхронного переводчика, который мог бы обеспечивать планируемые заседания. Выбор пал на меня.

МОСКВА — ВЕНА. Путешествие в поезде Москва — Вена мало чем отличалось от поездок Москва — Ленинград, Москва — Киев в спальных вагонах прямого сообщения: двухместное купе, достаточно вежливый проводник, предлагающий за рубли чай, вафли, печенье, и даже аккуратно отрезанный ломтик мыла в туалете. Двухчасовая остановка в Бресте для смены колес у вагонов и знакомства с пограничниками и таможенниками, один из которых стал весьма любезным после знакомства с документами А.Е. Корнейчука, имя которого было в те годы широко знакомо по пьесам «Платон Кречет» и «Фронт», которые шли почти во всех театрах огромного Советского Союза. В Варшаве А.Е. Корнейчука встречала его жена, польская писательница Ванда Василевская и ее родственники, которые суетились вокруг Александра Евдокимовича и спешили уставить наше купе весьма соблазнительными яствами. Он вежливо протестовал и свободно изъяснялся с ними на своем родном украинском языке, на который варшавяне реагировали по-польски. Украинско-польский диалог оказался доступным для обеих сторон, за исключением переводчика. Я, понимая, естественно, украинский, многого не улавливал на польском языке, в котором прекрасно разбирался А.Е. Корнейчук.

Незадолго до Вены мой «шеф» вспомнил, что нам следует расплатиться с проводником за чай, которого мы выпили за всю дорогу стаканов пятнадцать. По тем ценам это стоило примерно 1 рубль 50 копеек. Я с широким размахом вытащил десятку, но Александр Евдокимович строго посмотрел на меня и достал 100 рублей со словами: «Иди, расплатись!». Для меня это было бессмысленным расточительством, и я стал убеждать

писателя, что нельзя так сорить деньгами. А.Е. Корнейчук искренне удивился и спросил: «Разве это так много?». Оказалось, что для популярного драматурга это действительно немного, поскольку у него, по его словам, был по решению правительства открытый счет в банке.

В Вене нас встречали человек пять во главе с советским представителем в Институте мира — профессором Виктором Михайловичем Чхиквадзе. В целом дорога не была обременительной, тем более что чемоданы председателя Верховного Совета Украины в Москве и Вене таскали провожающие и встречающие.

ВЕНА — РИМ. Два дня в Вене в ожидании поезда в Рим я бездельничал, если не считать долгих разговоров за столом у гостеприимного профессора, грузинская кухня русской жены которого доставляла мне огромное удовольствие и навевала воспоминания о детских годах, проведенных в Тбилиси. В Вене мне всё было знакомо, так как недавно на очередном фестивале молодежи я уже знакомился с достопримечательностями города в компании уже прославленной после ленты Г. Чухрая «Сорок первый*» киноактрисы Извицкой и еще неизвестной, но уже очаровательной выпускницы хореографического училища Екатерины Максимовой, которых собрал под свое крыло жизнерадостный вождь комсомола С. Павлов.

Поезд Вена — Рим мало чем отличался от наших советских поездов, если не считать явно выраженной тенденции к экономии средств и материалов. Так, миниатюрные по сравнению с отечественными вагоны, более узкая колея и большая скорость движения приводят к невероятной тряске, которая мешает спать, в том числе и в редких спальнях вагонов. Иностранцы приучены в поездах сидеть, даже когда предстоит ехать ночью: так можно сэкономить значительную сумму денег. Мы, а к нам до Рима примкнул и В.М. Чхиквадзе, ехали в спальном вагоне. С нами был председатель Верховного Совета Украины и, кроме того, за нас платило государство. Купе в спальнях вагонов Европы имеют только два спальных места и, в отличие от наших, предоставляются лицам одного пола

(если только это не одна семья). Мне в соседи достался симпатичный итальянец, который хорошо изъяснялся по-французски. Он очень был удивлен, что его соседом оказался москвич, и с интересом расспрашивал меня обо мне, о моих спутниках и о жизни в Советском Союзе. Общались мы и на политические темы, причем он охотно соглашался со мной, что наше равенство, отсутствие безработных, бесплатное образование и здравоохранение — все это впечатляет, особенно на фоне большого количества итальянских безработных, малолетних попрошайек, которые буквально осаждают (как я позже в этом убедился) прохожих в Риме. В то время, и особенно на фоне хрущевских реформ, советские люди смотрелись достаточно крепко стоящими на ногах в Западной Европе, которая только начинала обретать экономическую стабильность и в которой коммунистические идеи пользовались определенной популярностью, особенно в Италии.

В этих путевых беседах всё больше проявлялась для меня еще одна грань деятельности переводчика: умение самостоятельно отстаивать политические позиции своей делегации. Это умение особенно высоко ценится в рейтинге переводчика-референта. Переводчик может иметь любые политические взгляды, исповедовать самые различные идеи и религии, но в процессе работы с делегацией он обязан помогать ей, а не разрушать ее усилия. Иначе ему не следует соглашаться на сотрудничество с организацией, пригласившей его для совместной деятельности.

Рано утром проехали Венецию, этот город-сказку, выплывший из рассвета и оставшийся для меня мечтой за границами ничем не примечательного вокзала. Через пару часов нас ждал Рим.

РИМ. Вечный город встретил наш поезд ласковым теплом и веселой солнечной погодой. Представители итальянской организации борцов за мир доставили нас в отель «Юнеско», находящийся недалеко от вокзала Терминус, на который мы прибыли. Каждому из нас предоставили отдельный номер, естественно с телефоном, к которому я был привязан всё время нахождения нашей скромной делегации в гости-

нице. И А.Е. Корнейчук и В.М. Чхиквадзе были без переводчика беспомощны. Конечно, и мне было трудно с итальянским, который был мне доступен главным образом с позиций французского языка. Впрочем, в отеле большая часть обслуживающего персонала изъяснялась на французском и английском языках.

В Риме к нам присоединился И.Г. Эренбург, который присутствовал на встречах с представителями итальянской общественности, а также отметил с нами 69-ю годовщину своей бурной жизни. Но большую часть времени он проводил с итальянскими друзьями: писателями, художниками, кинодеятелями. Кстати, благодаря ему мы попали к Ф. Феллини, который на своей студии устроил для нас просмотр своего нового фильма «Сладкая жизнь». Я сидел рядом с А.Е. Корнейчуком и время от времени переводил ему шепотом реплики персонажей картины, которые я понимал с пятого на десятое. Кинокартина «Сладкая жизнь» в моем переводе на «шефа» особого впечатления не производила, и он в середине фильма заявил, что ему надоело, и лишил меня тем самым удовольствия досмотреть шедевр знаменитого итальянского режиссера.

В Риме мы провели целую неделю, во время которой я заказывал членам делегации обеды и ужины, вел переговоры по телефону, сопровождал их по улицам, магазинам и музеям Вечного города, вел непрерывный перевод во время заседаний и встреч с политическими деятелями Италии, занимался бесконечными бухгалтерскими расчетами итальянских лир, которые нам выделили отдельно на гостиницу, отдельно на проезд и суточные, ломал голову, как уложиться в рамки расписанного бюджета, заказывал машины и железнодорожные билеты, переводил объяснения экскурсоводов, чинил любимые ботинки председателя Верховного Совета Украины, ноги которого не признавали, по его словам, другой обуви, таскал его портфели, бумаги, покупки за неимением другой прислуги.

За эту же неделю мне удалось увидеть своими глазами Капитолий — архитектурный ансамбль Микеланджело с древ-

ней статуей императора Марка Аврелия на коне, собор святого Петра — самый большой христианский храм, построенный на могиле апостола, Колизей, возведенный в I веке н. э. и предназначенный для гладиаторских боев, за которыми могли наблюдать 50 тысяч человек, Пантеон, сооруженный в 67 году до Рождества Христова, с могилой великого Рафаэля. Кроме того, я проехал по древней Аппиевой Дороге с ее знаменитыми катакомбами, следуя к подножию Везувия в город Неаполь, расположенный на берегу живописного Неаполитанского залива, осматривал засыпанные пеплом Помпеи, побывал в городе-государстве Ватикане с его несметными сокровищами культуры и искусства, на вилле Боргезе, где находится галерея с произведениями Рафаэля, Тициана, Бернини и др., бросил монетку в фонтан Треви и почувствовал колорит жизни Италии с ее экспансивными и крикливыми жителями, яркими девушками, мальчишками, окружающими вас повсюду в надежде заработать, и с запоминающимися на всю жизнь как бы срезанными итальянскими соснами на фоне синего неба.

Таковы итоги недели итало-французско-русского трилингвизма, бухгалтерских расчетов, апостольских величия и смирения.

РИМ — ЛОНДОН. Наше путешествие продолжается. Мы покидаем Рим, чтобы, сделав пересадку в Париже, на пароме из Кале перебраться в Дувр и оттуда попасть в Лондон. На римском вокзале нас провожал Виктор Чхиквадзе. Заказанные мною билеты в 1-м классе поезда Рим, — Париж оказались сидячими местами в купированном далеко не заполненном вагоне. И Александр Евдокимович, и Виктор Михайлович были в ужасе. Последний свирепо мне выговаривал: «Ты представляешь, что ты наделал? Выдающийся политический и литературный деятель нашей страны будет вынужден всю ночь сидеть! Это неслыханно!». Усевшись в кресло с откидной спинкой, Корнейчук смиренно делился с Чхиквадзе своими грустными мыслями: «Ты представляешь, на что меня обрекают?». В это же время я, совершенно уничтоженный, носился по перрону и вокзалу от одного начальника к друго-

му с просьбой поменять нам места на спальный вагон. Старания мои были тщетны. Свободных спальных мест в поезде не было и не должно было быть по крайней мере до Пизы. Так мы и «отчалили» от перрона вокзала Терминус, на котором остался со скорбным выражением лица Виктор Михайлович Чхиквадзе, и который покинули вдвоем в купе 1-го класса искренне жалеющий себя Корнейчук и его окончательно пришибленный переводчик.

Через пару часов было объявлено, что поезд подходит к станции Пиза, и я приготовился еще раз атаковать начальника поезда, встав у выхода из вагона. Пиза сделала меня счастливым: освободились два места в спальном вагоне, куда я переташил весь наш багаж и повеселевшего политического и литературного деятеля. Повеселел и я, не только потому, что сумел решить очередную бытовую задачку, но и потому, что можно было с комфортом провести ночь, проносясь через север Италии, великолепные Альпы, рядом с их главной вершиной — Монбланом, и французскую провинцию Савойя.

Только в вожделенном спальном вагоне, в Пизе, я с интересом туриста взглянул в окно и обомлел: недалеко от поезда необычно возвышалась башня, которая явно стремилась, как и мы, занять горизонтальное положение на ночь глядя. Это была знаменитая Падающая башня в Пизе, построенная еще в XII веке и представляющая собой как бы напавшие друг на друга галереи с миниатюрными колоннами. Тут я понял, что все наши мелкие заботы и неприятности, переживания, вызванные недостатком комфорта, необходимостью удовлетворять капризы окружающих — все это ничто рядом с бессмертными творениями человеческого гения, увидеть которые дано далеко не каждому.

На следующий день мы были в Париже, городе, который я хорошо знал и архитектурное совершенство которого можно сравнивать только с нашим Санкт-Петербургом. Великий город Рим — это хранитель памятников седой древности, которые впечатляют каждый сам по себе. А Париж являет гармонию архитектуры разных веков, которая переносит тебя из средневековья во времена Наполеона и из узких уло-

чек в центре города, где скрещивали свои шпаги отважные мушкетеры, на площадь Тертр на Монмартре, вошедшем в состав Парижа только в конце прошлого века и ставшим прибежищем богемы всей Европы.

К вечеру уже другой поезд и уже с самого начала в спальном вагоне уносил нас в Дувр и далее — на пароме — к берегам Англии, где нас ждала столица туманного Альбиона — Лондон. Утром следующего дня, перебравшись благополучно через пролив Па-де-Кале, мы въезжали в пригороды Лондона, а я был занят сбалансированием нашего бюджета после расходов на питание, которые мне показались разорительными из-за необходимости пользоваться вагоном-рестораном и попутной забегаловкой в Париже. Я становился финансистом.

ЛОНДОН. Уже неделя, как мы находимся в Лондоне. Город явно равнодушен к этажам. Нет, речь идет не о небоскребах, речь идет о жизни в этажном измерении. По улицам столицы Англии ходят двухэтажные автобусы и, как у нас говорят, «гости столицы» имеют редкую возможность рассматривать город со второго этажа. Но двухэтажные автобусы заполняют и местные жители. Московский пассажир отверг двухэтажные троллейбусы в конце 30-х годов. В Лондоне двухэтажные автобусы живут и поныне, доставляя душевный комфорт англичанам своим постоянством. Этажи нужны жителям Лондона и дома. Подавляющее большинство квартир расположены не горизонтально, а вертикально. И у каждой семьи свой выход прямо на улицу. Это обстоятельство позволяет говорить собственникам квартир, что у них свой «трехэтажный дом». У нас двух- и более этажных квартир почти нет, и не потому, что россияне не признают этажей, просто таких квартир у нас не строят.

Но в одном русские и англичане сходятся: и те и другие — одноязычны. Попробуйте в Лондоне поговорить на улице, в гостинице, в банке, в туристических конторах, в магазинах на французском, немецком, итальянском, датском или еще каком-либо иностранном языке. В 99 случаях из 100 вы потерпите фиаско. Англичане уверены, что

для их повседневной жизни и бизнеса достаточно одного английского языка.

В плане бытовой лексики у меня с английским языком не все обстояло блестяще, поэтому в дни, свободные от заседаний, мне временами приходилось туго, тем более что задача стояла сложная: накормить Корнейчука подешевле с учетом его привычек и склонностей. Если утром наше меню определяли английские традиции с их любимой овсянкой и кукурузными хлопьями, и моя забота заключалась в том, чтобы объяснить официанту, что не следует великолепный английский чай портить молоком, то для обеда мы изучали меню многочисленных забегаловок лондонского Сохо, стремясь найти что-либо съедобное. Увы, мои старания были тщетны: более невкусной пищи, чем в Лондоне, мне не приходилось пробовать ни в каких заведениях общественного питания Москвы или других стран. (Речь не идет, конечно, о дорогих ресторанах, куда мы со своими капиталами и не пытались заглядывать.)

Поучительной для меня оказалась встреча А.Е. Корнейчука с нашим послом. По пути в посольство мы проходили, как правило, Гайд-парк, который поразил меня удивительно зеленой и невытопанной травой в начале февраля месяца и периодически возникающими на ней ораторами, которые выступали с самыми нелюбезными нападками на английское правительство в присутствии двух-пяти слушателей. Для нас, советских людей, это было непривычно, хотя Александр Евдокимович и сумел в какой-то степени снять во мне многие запреты, укоренившиеся в сознании в 40-е — 50-е годы и усугубленные многолетней военной службой. Он был большим поклонником Н.С. Хрущева, считая, что либерализация советского общества необходима, что можно смело высказываться по вопросам, непротиворечащим задачам строительства коммунизма, и был искренне удивлен, что я опасаясь письма из-за границы посылаю обычной почтой. Мне он казался человеком очень демократичным, умеющим не подчеркивать дистанцию, существующую между нами. Каково же было мое удивление, когда в беседе с послом, на которую Александр

Евдокимович пригласил меня с тем, чтобы в случае необходимости получить нужные справки, он вдруг предложил мне в середине разговора о кознях китайского руководства выйти прогуляться и поискать знакомых в доме посольства. Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток!

Приближалось время отъезда из Лондона, и снова на поезде. Меня же вновь угнетал продовольственный вопрос на время нашего переезда к советской границе через Вену и Варшаву. Мы по-прежнему были ограничены в финансовом отношении и надо было искать дешевые и съедобные для председателя Верховного Совета Украины продукты. Мои проблемы вызывали остроумные замечания И. Эренбурга, который также прибыл, хотя и воздушным путем, в Лондон. Илья Григорьевич уверял, что я являюсь типичным представителем россиян, отправляющихся в поездки со своим чайником и многочисленными баулами. Увы, у меня не было ни баула, ни чайника, ни даже способностей заурядного завхоза. Было только огромное желание оказаться, наконец, на родной земле.

ЛОНДОН — МОСКВА. Мы снова в поезде. На этот раз морской паром доставил нас не в Кале, а в Остенде (Бельгия). Я мысленно подводил итог официальной переводческой работы, которая заключалась и в Риме, и в Лондоне, главным образом, в абзачно-фразовом переводе. Приходилось запоминать высказывания, включающие иногда несколько фраз, и только потом переводить их на французский язык. Перевод на русский язык осуществлялся чаще «полусинхронно»: еще в процессе говорения оратора я начинал шептать нашим делегатам текст перевода. Это уже был высший пилотаж в области устного перевода. Именно это обстоятельство вынуждало директивные органы использовать в качестве сопровождающих переводчиков высшей квалификации. Так, А.Е. Корнейчука чаще всего сопровождал А.А. Тарасевич, прекрасный и опытный мастер синхронного перевода. Хорошо о нем отзывался и А.Е. Корнейчук, рассказывая при этом эпизод, который был в его представлении курьезным. Пару лет тому назад, по словам Корнейчука, он и поэты Н.С. Тихонов и А.А. Сурков ехали в поезде на очередную конференцию в сопровождении А.А. Тарасевича.

ча. Последний, будучи заядлым курильщиком, вышел в тамбур покурить, где уже находился пассажир, ехавший в соседнем купе. Незнакомый курильщик еще в Москве обратил внимание на пышные проводы всей делегации и спросил у Саши (Тарасевича), кто это едет с ним? Тарасевич назвал имена Корнейчука, Тихонова и Суркова, напомнив популярные в то время пьесы «Платон Кречет» и «Фронт». Собеседник Тарасевича на названные имена особенно не реагировал и попросил представиться Сашу. Мой коллега вполне резонно отвечал, что его имя вряд ли кому-нибудь известно, но потом все-таки назвал себя. Собеседник Тарасевича тут же отреагировал по-джентльменски: «Не скромничайте, молодой человек, вот именно Ваше имя наша страна знает».

Рассказав этот эпизод, Корнейчук не подозревал, что и его новый спутник через несколько часов невольно уязвит его самолюбие.

Мы переехали границу ФРГ поздно вечером. А.Е. Корнейчук уже спал, когда в вагон вошел пограничник и на немецком языке попросил предъявить ему наши паспорта, что я и сделал. Он внимательно ознакомился с ними и спросил меня: «Ihre profession?»¹. Я в это время преподавал в высшем учебном заведении язык, а потому ответил: «Ich bin professor»². Последовал аналогичный вопрос в отношении Корнейчука. В этот момент у меня вылетело из головы немецкое слово «писатель». Поэтому я сказал: «Er ist mit mir, er schreibt». «Also, — отвечал пограничник, — das ist Ihr secretârl»³. Через несколько минут поезд тронулся, и тут я обнаружил, что Корнейчук не спит. Он повернулся ко мне и ехидно спросил: «Значит я твой секретарь? Прикажете и дальше Вас обслуживать?». Мне пришлось долго убеждать Александра Евдокимовича, что это произошло не намеренно, что я не собирался покушаться на его достоинство и т. д. Остается надеяться, что он мне поверил и не рассказывал впоследствии о «коварстве» переводчика Миньяр-Белоручева.

¹ Ваша профессия?

² Я преподаватель высшего учебного заведения.

³ Он со мной, он пишет. — Итак, это Ваш секретарь!

На вторые сутки мы пересекли советскую границу в районе Бреста. Как всегда, чувство радости и умиления родными далями охватило меня. Я поделился своим состоянием с Корнейчуком. «Подожди, — сказал он, — сейчас поезд остановится и тебе начнут портить настроение наши сторожа границ». Конечно, он оказался прав. Сначала пограничники, потом таможенники старались вскрыть наши преступные замыслы после посещения «неправедных» стран Запада. Их холодные глаза просверливали нас и нашу одежду насквозь, приотворяя с неохотой нам дверь для возвращения домой. Я снова вспомнил пограничника на бельгийско-германской границе.

Так закончилась эта поездка сквозь Европу, где автору этих строк пришлось выйти из будки синхронного переводчика и испытать все истинные и неистинные прелести переводчика-туриста, переводчика-няньки и переводчика-международника.

10. НУЖНА ЛИ ПЕРЕВОДЧИКУ СМЫСЛОВАЯ ПАМЯТЬ?

Итак, нам удалось познакомиться с работой переводчика средней квалификации, переводчика, который быстро подготовит письменный перевод корреспонденции, сможет сделать полноценной жизнь своего соотечественника за рубежом и эффективными его встречи с иностранцами у себя в стране, а в случае необходимости и подскажет деловую информацию стареющему или рассеянному начальнику. Вы увидели много привлекательных сторон в работе переводчика-передвижника и хотите себя готовить к этой профессии. Но как это сделать, не зная заранее, придется ли вам сопровождать драматурга или известного хирурга, работать с партийным боссом или знаменитым композитором?

Готовить себя надо не к многочисленным профессиям, существующим повсеместно, а формируя те психические механизмы, которые обслуживают деятельность переводчика.

Начнем с очевидного. Вы будете чувствовать себя увереннее, если вступите на стезю устного переводчика, обладая хорошей памятью. Память необходима и для того, чтобы держать в голове всю поступающую из окружающего вас делового и неделового мира информацию, и для перевода бесконечных «сверхфразовых единиц» текста, которыми упиваются некоторые собеседники, и для запоминания прецизионных слов, способных иногда решать судьбу не только переводчика, но и крупных военных акций. Память нужна всем, нужна постоянно, а переводчику она нужна профессионально. Поэтому начинайте с того, чтобы уметь выделять и запоминать в речи прецизионные слова — самые сложные для памяти и самые нелюбимые памятью слова.

Прецизионными словами называют общеупотребительные (в отличие от *терминов*), однозначные и точные в употреблении слова, не вызывающие конкретных ассоциаций и не создающие для памяти конкретных опор. К прецизионным словам прежде всего относятся числительные, названия дней недели и месяцев, имена собственные. Эти слова не вызывают конкретных ассоциаций, не связываются непосредственно с важными для вас событиями, поэтому быстро выветриваются из памяти при восприятии связного текста. Исключение представляют такие прецизионные слова, которые напоминают вам о хорошо известном факте, относящемся к вашей повседневной жизни. Вы вряд ли вспомните, что делали 21 мая 1988 года, но вы хорошо держите в голове и месяц, и число, и, конечно, год своего рождения, поскольку все это для вас конкретно, осязаемо и периодически необходимо. Вы легко можете запомнить 8 марта, так как в этот день вас приучили поздравлять представительниц слабого пола, или такие фамилии, как Коперник, Эйнштейн, Ломоносов, но вам трудно удержать в памяти незнакомые имена вроде Гамкрелидзе, Коробышкин или Туркельтауб.

Значение прецизионных слов в работе переводчиков можно проиллюстрировать хорошо известным фактом времен второй мировой войны. Гитлеровцев очень беспокоило то обстоятельство, что наши союзники на Западе могли в любой момент открыть второй фронт. Они внимательно следили за всеми передвижениями американских войск, и десятки военных переводчиков сидели на радиоперехвате в поисках информации. И вдруг — сенсация, перехвачено сообщение, что на январь 1943 года назначено совещание глав правительств США и Англии с военным командованием в *Белом доме* для определения даты и места высадки десанта в Европе. Гитлеровская разведка мобилизовала все силы в целях проникновения в Белый дом. В Вашингтон были засланы самые опытные агенты. А в это время Рузвельт, Черчилль и высшие военные чины изучали все тонкости высадки своих войск в Сицилии, собравшись в марокканском городе Касабланка, что в переводе с испанского звучит как «белый дом». Так ошибка в переводе прецизионного слова не позволила фашистам своевременно принять необходимые меры на юге Италии.

Отсюда первый вывод: при получении информации, как из письменных, так и из устных текстов, обращайтесь особое внимание на прецизионные слова, а если возможно, то выделяйте их для анализа. Помните, прецизионные слова, как правило, несут ключевую информацию и требуют особой точности при передаче.

Можно работать над прецизионными словами специально. Для этого используйте передачи по радио или телевидению, записывая все названные даты, числа, имена собственные. Еще лучше, если у вас есть возможность фиксировать имена собственные в процессе аудирования иностранных текстов, используя для этого радиопередачи или записи на магнитной пленке. Все записанные имена собственные ищите немедленно в толковых словарях. Это будут географические названия, имена крупных политических деятелей, ученых, артистов, военачальников и т. п. Сведения, которые вы получите, выписывайте на карточки и расставляйте по алфа-

виту в своей картотеке. Вас ждут неожиданные открытия. Оказывается, la Terre-Neuve — это не остров Новая Земля, а Ньюфаундленд, le lac Léman — Женевское озеро, Guillaume II — немецкий император Вильгельм II, Léonard da Vinci — знаменитый художник, скульптор и ученый Леонардо да Винчи и т. д. Тогда все эти прецизионные слова обретут для вас конкретное место в истории, на карте, в политике или науке. А это значит, что запоминать их имена в процессе перевода не составит для вас особого труда.

А как же все-таки запомнить новое прецизионное слово, впервые прозвучавшее в тексте для перевода? В этом случае есть смысл прибегнуть к некоторым мнемоническим приемам. При появлении цифровых данных связывайте их с хорошо известными вам номерами телефонов, квартир, годами рождения ваших близких, их возрастом, событиями, вошедшими в историю или в вашу жизнь. Незнакомые имена собственные ассоциируйте со знакомыми словами. Помню, как в конце 50-х годов мне пришлось переводить текст, где рассказывалось о том, что японское рыболовецкое судно Фукуруи-Мару попало в зону выпадения радиоактивных осадков после американских атомных испытаний на атолле Бикини. Запомнить название японского судна было очень трудно, и я придумал для себя простое изречение на русском языке: «Фу, курю муру!», которое помню до сих пор и которое помогло в то время успешно справиться с переводом.

Развивать свою память можно и через смысловую группировку текста. Психологи утверждают, что смысловая память дает в 20–25 раз лучшие результаты при запоминании, чем механическая. Следовательно, нужно научиться запоминать не слова, которые вы воспринимаете, а смысл высказывания. Все слова предложения все равно не удастся запомнить, тем более что в любом высказывании много лишних слов. Избыточность любого языка давно замечена учеными. Она необходима человеку для того, чтобы его понимали. При восприятии речи приходится постоянно отвлекаться сопутствующими обстоятельствами. Это может быть и шум, и особенности произношения говорящего, и детали его одежды, и

просто мысли, внезапно возникающие в голове собеседника, принимающего информацию. Недаром в радиопереговорах летчики и авиадиспетчеры повторяют по нескольку раз одну и ту же фразу, вроде: «Баклан-71, Баклан-71, я Внуково-2, я Внуково-2. Как вы меня слышите? Как вы меня слышите? Перехожу на прием...» и т. п.

Рассмотрим простейшую фразу: «Всё население столицы вышло на улицы убирать свой город». То же самое можно сказать гораздо короче: «Столица наводила чистоту». Слова «всё население» явно лишние, так как слово «всё» представляет собой обычную гиперболу, кое-кто остался и дома, а слово «население» новой информации в текст не вносит, так как наводить чистоту могут только люди, проживающие в данном городе. Так же лишними представляются и слова «вышло на улицы», «свой», поскольку заниматься уборкой улиц и дворов, оставаясь дома, нельзя и убирают обычно именно *свой* дом, *свою* улицу, *свой* город. Более того, даже предложенная выше сокращенная формулировка может быть сведена к двум словам: «столица чистилась», что, однако, стилистически небезгрешно. Итак, вместо девяти слов фразы достаточно запомнить два слова: место действия — «столица» и само действие — «уборка». А это для памяти очень важно, потому что известный американский ученый Дж. А. Миллер определил, что человеческая память находится в зависимости от магического числа «семь плюс или минус два». Это значит, что наша память способна удерживать в среднем семь единиц, которые могут быть просто лексическими (т. е. словами) или же смысловыми, представляющими информацию, заключенную в нескольких словах, но содержащих один квант (порцию) информации. Научившись свертывать поток слов в кванты, или единицы, информации, вы делаете большой шаг в развитии своей смысловой памяти.

Все сказанное приводит к выводу, что память будет работать гораздо лучше, если научиться выбирать из потока речи те слова, которые несут ключевую, т. е. уникальную, не повторяющуюся в других словах данного высказывания, информацию. Если ключевая информация заключена в нескольких словах, то их можно заменить синонимом (исполь-

зовать синонимическую замену), включающим более короткое выражение. Так, в приведенном примере о наводящей на своих улицах блеск столице было отобрано ключевое слово «столица» и использована синонимическая замена «наводила чистоту».

В смысловой группировке текста можно начать тренироваться самостоятельно. Для этого достаточно взять небольшую газетную заметку и выделить в ней основное содержание в виде ключевых слов и синонимических замен. Если, основываясь на выделенных квантах информации (ключевых словах и синонимических заменах), вы сможете полностью воспроизвести первоначальный текст, то это значит, что ваша память выходит на профессиональный уровень и вы начинаете опираться не на механическую, а на смысловую память.

11. СОСТАВИТЕЛИ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ — ПЕРЕВОДЧИКИ?

У вас хорошая память, но вы сталкиваетесь с неприятным фактом: вы не можете удержать в голове все слова, которые внесены в англо-русские или немецко-русские словари даже не очень большого объема. Вы не знаете, например, как сказать на иностранном языке слова «батрак», «траулер», «кулебяка». Что делать? Овладеть искусством толкования значений слов. Напомним, что если понятие — это представление о классе предметов, явлений, т. е. о множестве однородных объектов, сформированное в сознании, то значение слова есть его способность выделить такой объект из множества других, окружающих нас объектов. И если в вашем распоряжении нет слова, способного выделить нужный вам предмет, то остается только одно — описать его. Отсюда то самое искусство толкования, которым великолепно владеют составители

толковых словарей и должны владеть переводчики. Описательный перевод представляет собой один из очень распространенных приемов перевода: подмену перевода слова, словосочетания описанием их значения с обязательным сохранением смысла оригинала.

Описательный перевод необходим не только в случае незнания иностранного эквивалента слова родного языка (например, при незнании иностранного соответствия слову «батрак» можно выйти из положения при помощи его толкования словосочетанием «сельскохозяйственный рабочий»). Описательный перевод необходим и в случаях встречи с безэквивалентной лексикой. В каждом языке есть слова, не имеющие своего аналога в другом языке, поскольку там не существует подобного понятия. Так, безэквивалентной русской лексикой являются слова: *ямщик*, *щи*, *прапорщик*, *быдло*, *быт* и т. п. Эти слова переводятся на большинство языков только описательно, с помощью толкования, что можно сделать лишь в том случае, если ясно представляешь себе, что это такое, во-первых, и умеешь толковать понятия, во-вторых.

А ясно ли мы представляем себе значение слов, с которыми постоянно сталкиваемся? Как ни странно, многие слова, которые мы употребляем без какого-либо смущения в речи, остаются для нас малознакомыми. Эксперименты, которые были проведены с молодыми людьми, потратившими много лет на учебу в высших учебных заведениях, были удивительны. Их просили объяснить, что означают слова: *коммюнике*, *тральщик*, *артрит*, *империализм* и некоторые другие. Большинство испытуемых ответили, что «коммюнике» — это документ, «тральщик» — судно, «артрит» — болезнь, а «империализм» — что-то плохое. Таким образом, можно было констатировать информационный запас 2-ой или самой низкой — 1-ой степени у участников эксперимента. В лучшем случае они могли сказать, из какой области знаний взяты эти слова. С таким уровнем информационного запаса о толковании не могло быть и речи. Лишь некоторые из испытуемых ответили, что «коммюнике» — это официальное сообщение, «тральщик» —

судно для траления мин, «артрит» — болезнь суставов, а «империализм» — исключительное право на власть. Следовательно, начинать постигать искусство толкования следует с уяснения для себя значения тех слов родного языка, которые мы употребляем в речи. Известно, что с любой лексической единицей у нас связаны самые различные представления. Если мы говорим «лейтенант», то для некоторых это просто военный, для других — это уже младший офицер, для третьих — офицер, на погонах которого один просвет и две маленькие звездочки, для четвертых — это, кроме того, второе офицерское звание человека с военным образованием, дисциплинированного, умеющего постоять за себя, служба которого часто связана с глухими углами на границах нашей Родины и т. д., и т. п. Толкование слова «лейтенант» тем легче, чем больше сведений о значении этого военного термина имеется в нашем распоряжении.

Что касается непосредственно самого толкования, то это умение приходит при надлежащей тренировке достаточно быстро. Попробуйте для начала найти синонимические замены для словосочетаний: *президент страны, деловые круги, обсуждение доклада, Основной закон государства*. Вы сразу почувствуете, что сделать это несложно и для их толкования у вас есть даже выбор: «глава государства» или «первое лицо в государстве», «бизнесмены» или «предприниматели», «прения» или «дискуссия по выступлению», «Конституция» или «свод правил о государственном устройстве, правах и обязанностях граждан». Но чтобы овладеть искусством толкования, необходима тренировка, которая может заключаться в следующем: открывая газету, найдите короткое сообщение и прочтите его, стараясь избегать тех слов, которые имеются в тексте. Сначала это будет сложно, но после нескольких десяти-пятнадцатиминутных тренировок дело пойдет на лад, и вы почувствуете себя хозяином слова, способным выражать любую мысль различными языковыми средствами.

Овладевая искусством составителей толковых словарей, а толкование — это функция мышления, вы овладеваете уже

и искусством перевода, которое можно рассматривать как умение совершать трансформации на лексическом уровне (замена одних лексических единиц другими), трансформации на семантическом уровне (замена одной суммы значений другой) и трансформации на информационном уровне, когда замена одной информации на другую не только возможна, но и целесообразна. Но об этом в следующей главе.

12. ТРАНСФОРМАЦИИ — СУТЬ ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Наши многословные рассуждения привели к неожиданному выводу о том, что искусство перевода заключается в умении совершать трансформации на разных уровнях. Вы знаете уже, что вместо слова «бизнесмен» можно сказать «предприниматель», вместо «метель» — «буран». В этом случае одно слово заменяется другим, имеющим примерно тот же объем значения, т. е. происходит трансформация на лексическом уровне. На этом же уровне может иметь место и трансформация при переводе с одного языка на другой: «играть в футбол» — «jouer au football» — «Fußball spielen» — «play football».

Лексический уровень трансформаций связан с рядом вопросов. Как перевести с английского «you go to school» и «you go to Moscow»? По-русски в одном случае мы говорим «ты идешь в школу», а в другом — «ты едешь в Москву». Нетрудно заметить, что одно и то же слово «go» в различных контекстах переводится по-разному, и просто лексическая трансформация ожидаемого эффекта не дает. Это происходит потому, что объем значения английского глагола «to go» не совпадает с объемом значения слов «идти» или «ехать», объем его значения значительно шире, чем каждого русско-

го слова в отдельности. Но бывает и другое соотношение: значение русского слова «рука» покрывает значения двух английских слов — «hand» и «arm». При различном объеме значения слова появляется необходимость переходить на семантический уровень трансформации. Причем перевод слова с более широким значением словами с узким значением вызывает большие трудности, чем обратный путь от слова с узким значением к слову с более широким значением. Нетрудно заметить, что трансформации на более глубоком (на уровне значения слов, а не просто слов), семантическом уровне, требуют от переводчика уже профессионального умения.

Переход с одного уровня трансформаций на другой лежит в основе таких приемов перевода, как конкретизация или генерализация понятий. При конкретизации понятий русское слово «учащийся» может переводиться в зависимости от ситуации как «школьник», «студент», «лицеист», «курсант», а французское слово «projectile» — как «снаряд», «бомба», «мина», «ракета». Этот прием можно применять, когда контекст позволяет четко определить, о чем идет речь.

При генерализации понятий, наоборот, вы идете от узкого значения к широкому, и слова «бомба» или «мина» переводятся как «projectile», а слова «лицеист» или «школьник» — как «élève».

В связи с приемами конкретизации или генерализации понятий вспоминается любопытный случай, который произошел с автором этой книги в конце 50-х годов на даче председателя, в то время, Верховного Совета Узбекистана Ш. Рашидова, где он устроил прием для делегатов Конгресса писателей стран Азии и Африки. Восторженно настроенный после деликатесных вин и великолепной узбекской кухни писатель одной из азиатских стран воскликнул, что приветственные слова хозяина дома он может сравнить только с пением райской птицы.

Его тут же переводили на русский, а мы уже с русского старались донести его восторг на французский и английский языки. В процессе перевода, который мешал мне присоединиться к делегатам и отведать редкие яства, я обнаружил,

что не знаю, как будет по-французски «райская птица», и пошел ва-банк, переведя буквально «oiseau de paradis» («птица рая»). Каково же было мое удивление, когда позже оказалось, что этот перевод был верным.

Еще более парадоксально семантический уровень трансформаций проявляется при таком приеме перевода, как антонимический перевод. В некоторых случаях антонимический перевод представляется единственным выходом из трудного положения. Как вы скажете «в полумраке ложи»? Вам могут предложить только один вариант перевода: «dans le demi-jour de la loge», т. е. «в полусвете ложи». Английское «inferiority of our troops» приходится также переводить «от противного»: «превосходство войск противника», как и «he did not die till...» перелгать на русский через «он жил до...».

К антонимическому переводу прибегают и в случае, когда ваша память отказывается выдать вам нужное слово в данный момент. Например, вы забыли, как будет по-немецки «помнить», и тогда русское «я помню» вы переводите через немецкое «ich habe nicht vergessen» или для французского «il avait beaucoup de distractions à Moscou» вы вместо «иметь развлечения» предлагаете «в Москве он не скучал».

Очевидно, что трансформации на семантическом уровне предполагают отказ от знания отдельных слов и словосочетаний за счет сохранения смысла высказывания.

Но трансформации можно поднять еще на более высокий уровень, на уровень информации, подлежащей передаче адресату.

Представьте себе такую ситуацию. Вы в качестве переводчика входите с членами делегации в лифт, в это время в вестибюле появляется пожилой человек, и пассажиры лифта, естественно, не спешат нажать кнопку нужного им этажа. Между тем появившийся в последний момент человек произносит одну из следующих фраз: «Я живу на первом этаже», «Я предпочитаю ходить пешком», «Мне нужно подождать приятеля», «Не ждите меня». В лифте никто русского языка не знает, все смотрят на вас. Оптимальный вариант вашего перевода должен выражать следующий смысл: можно ехать.

Итак, вы не сообщите, что этот пожилой человек живет на первом этаже, или что он предпочитает подниматься пешком на свой этаж, или что ему нужно подождать приятеля. В описанной ситуации всё это не имеет никакого значения. Смысл реплик старика для стоящих в лифте людей один: можно подниматься. Таким образом информация, заключенная в репликах, естественно заменяется на информацию, необходимую в данной ситуации и определяющую решение пассажиров лифта. Без переводчика они оставались в неведении, как поступить, благодаря переводчику они получили нужную им информацию, которую он извлек из другой информации, содержащейся в реплике пожилого человека. Вполне понятно, что произошла еще одна трансформация, но уже на уровне информации. Переводчик изменил смысл реплики, но сохранил цель и смысл высказывания, если считать, что высказывание есть фраза или несколько фраз, смысл которых следует искать в соотнесении ситуации с семантикой слов.

Чтобы лучше понять сказанное, полезно знать, что в переводе различают типы высказывания, это позволяет определять то, что подлежит переводу.

Во-первых, есть высказывания, которые обусловлены ситуацией. Встречаясь с кем-либо, мы говорим: «Как дела?», «Что нового?», «Как Вы себя чувствуете?» и т. п. Все это так называемые *ситуационные клише*, т. е. застывшие обороты речи, обязательные при встрече старых знакомых. В ответ у нас в запасе другие ситуационные клише: «Спасибо, всё в порядке», «Более или менее», «Потихоньку» и т. п. Они тоже в тех или иных вариантах обязательны в тех или иных ситуациях. Происходит, таким образом, обмен ситуационными высказываниями, информация которых определяется условиями ситуации, в данном случае — встречи старых знакомых. В таких условиях от переводчика требуется только одно: иметь запас необходимых ситуационных клише, отвечающих требованиям стандартной, т.е. многократно повторяющейся в жизни ситуации.

Во-вторых, есть высказывания, смысл которых раскрывается через соотнесение ситуации с семантикой слов и оп-

ределяется целью высказывания. Пример таких высказываний уже приводился в обмене репликами у лифта. Вот еще один пример: к вам обращается прохожий с целью прикурить сигарету. Если у вас нет спичек или зажигалки, вы ему отвечаете: «Не курю!», «Нет спичек», «Давно перестал портить себе здоровье», «Зажигалку забыл дома» и т. п. При всем наборе перечисленных реплик прохожий извлекает из них одну информацию: прикурить ему у вас не удастся. Такие высказывания называются *целевыми*, поскольку из них можно извлечь строго альтернативную информацию в зависимости от решаемой проблемы: ехать на лифте или нет, есть возможность прикурить или нет.

И наконец, в-третьих, речь идет об основной массе высказываний, которые можно назвать информативными и которые необходимо переводить, исходя не из «вкуса» переводчика, а из той информации, которая в них заключена. Вам говорят: «Билет будет стоит 112 долларов туда и обратно». Ничего из сказанного переводчик не имеет права изменить, ценность такого высказывания именно в его содержании, в информации, которая заключена в сумме значений слов. Вам говорят: «Переговоры начнутся в среду в 14 часов 30 минут в Белом доме». Опять-таки никаких изменений в информации, заключенной в словах, переводчик не может себе позволить. И это происходит во всех информативных высказываниях.

Итак, если отталкиваться от вида высказываний, которые полезно уметь различать, хорошо подготовленный переводчик должен держать в своей голове запас ситуационных клише для перевода диалога, соответствующего стандартной ситуации, т. е. для перевода ситуационных высказываний. Хорошо подготовленный переводчик не должен тратить время на понимание и передачу второстепенной информации в целевых высказываниях, а искать в них ответ на возникшую в данной ситуации проблему. Хорошо подготовленный переводчик обязан сохранять всю ключевую и важную дополнительную информацию в информативных высказываниях.

Это рассуждение необходимо для того, чтобы чувствовать в переводе каждой единицы текста границы возможного. Трансформации в лексике необходимы и, как правило, постоянны. Трансформации в семантике исходного текста в ряде случаев необходимы и помогают переводчику найти выход в сложной ситуации. Трансформации в информации высказываний представляют собой исключение и возможны только при правильной оценке характера высказывания. А сами трансформации представляют собой суть профессионального перевода.

13. НАВЫКИ МЕХАНИЗМА БИЛИНГВИЗМА

Билингвизм — само собой разумеющееся условие деятельности переводчика-профессионала. Билингвизм определяется как способность человека использовать в общении два языка. Билингвизм может быть *естественным*, при этом подразумевается, что человек вырос в двуязычной среде, когда ему дома, например, приходилось говорить на немецком, а во дворе, на улице, в школе — на русском языке (что характерно для многих русских немцев). Билингвизм считается *искусственным*, если изучение второго языка шло не параллельно с изучением родного, а в более поздние сроки, например в процессе учебы в школе, институте или частным образом с преподавателем. Если усвоения второго языка не произошло, то независимо от времени, потраченного на него, человек билингом не становится.

Сам по себе билингвизм не означает способности переводить. Можно изучить второй язык, изъясняться на нем достаточно сносно и в то же время не быть переводчиком. Более того, известны многочисленные примеры, когда человек, прекрасно знающий два языка, перевести что-либо с одного языка на другой толком не может. А рядом, его же приятель, знающий иностранный язык значительно хуже, неплохо

выполняет функции переводчика. В этом случае можно говорить, что у второго из них сформированы навыки механизма билингвизма, а у первого — нет.

Если билингвизм — это просто двуязычие, то механизм билингвизма следует понимать как сформированное умение без каких-либо усилий переходить с одного языка на другой. Истинное умение, в отличие от знания *способа действия*, основывается на навыках, т. е. на способности совершать автоматизированные действия и даже управлять ими. Механизм билингвизма — это тоже умение, которое основывается на таких навыках, как *навык переключения и навык девербализации*. Эти навыки для переводчика чрезвычайно важны, поэтому на них следует остановиться подробнее.

Начнем с навыка девербализации. Его название непростое, но оно станет понятным, если вспомнить о том, что существует *вербальная память*. Такая память появляется и бурно развивается у школьников, которые вынуждены запоминать и зазубривать то, что написано в учебниках. До этого времени основной памятью у детей является *образная память*. Большинство явлений, предметов они запоминают в виде представлений, образов. Начало чтения учебников — это начало становления и бурного развития вербальной памяти, когда образы и представления все более замещаются печатными словами. А неизбежная зубрежка при изучении иностранного языка по учебникам может только укрепить вербальную память в ее «борьбе» с образной памятью. В этом явлении есть свои плюсы и минусы. Плюсы заключаются в том, что вербальная память формирует навыки орфографии: школьники начинают писать грамотно. Вербальная память, дополняя образную, облегчает запоминание новых слов и нового материала, а следовательно, и новых знаний. В то же время вербальная память гасит воображение, сдерживает восприятие окружающего мира, сводя новые явления и новые предметы к набору новых слов, значение которых не всегда осознается носителем языка. Люди с приглушенной образной памятью не могут рассчитывать на успех в мире искусства.

Итак, вербальная память есть способность человека запоминать преимущественно слова. Следовательно, девербализацию нужно понимать как освобождение мышления человека от доминанции слов, как восстановление образного мышления, а навык девербализации — как способность непроизвольно переходить к образному мышлению. Для чего же нужен этот навык тем, кто хочет выйти не в сферу искусств, а стать переводчиком? Для того, чтобы освободиться от господства одного языка и войти в мир многоязычия, познать не только свою страну, но и другие национальные культуры. И если вы действительно к этому стремитесь, то вот вам несколько советов в рамках «самоподготовки» к профессии переводчика.

Первый совет. Записывайте под диктовку числа, даты, решайте примеры из арифметики вслух на иностранном языке. Мир чисел — это мир абстракции; воспринимая числа на иностранном языке, вы в первую очередь стремитесь освободиться от их звучания на иностранном языке, конкретизировать воспринимаемые слова. Девербализации способствует и особая запись под диктовку названий дней недели и месяцев. Воспринимая эти слова на слух, вам следует записывать их порядковыми числами. При этом понедельник обозначается единицей, вторник — двойкой, среда — тройкой и т. п., а среди месяцев единица заменяет январь, двойка — февраль, тройка — март и т. д.

Второй совет. Возьмите несложный иностранный текст и, читая его глазами, считайте на родном языке вслух. Сначала это будет трудно делать, но вскоре вы приспособитесь и сумеете извлекать смысл иностранного текста, понимать его содержание, несмотря на устный счет. После прочтения такого текста обязательно расскажите, о чем там написано, а после этого проверьте себя, снова обратившись к тексту.

Третий совет. Выберите интересный рассказ, сообщение в газете, состоящее из нескольких сот слов, и постарайтесь его зафиксировать на бумаге без слов, т. е. с помощью рисунков, условных знаков, символов или, иначе говоря, с помощью своего субъективно-зрительного кода, о котором мы

упоминали в главе 8. В этом упражнении вам предоставляется для изображения на бумаге полный простор: изобретайте, воображайте, но не прибегайте к словам. На первом этапе работайте с текстами на родном языке, позже переходите к иностранным текстам.

Если вы последуете этим советам, то вскоре заметите, что вам будет всё легче выделять в тексте главное и запоминать его на основе своей восстановленной образной памяти.

Обратимся к навыку *переключения*. Навык переключения формируется у нас в виде знаковых связей между словами иностранного языка и их эквивалентами в родном языке. Знаковые связи образуются независимо от нашего желания. Академик Л. Щерба был абсолютно прав, когда утверждал, что родной язык можно изгнать с уроков иностранного языка, но его нельзя убрать из головы учащихся. Однако знаковые связи, если их пустить на самотек, могут оказаться ложными. Вы слышите французское слово «journal» и невольно устанавливаете связь со словом «журнал» вместо «газета», как уже отмечалось. Английское слово «magazine» стремится связаться с русским словом «магазин», а не «журнал» или «склад» и т. п. А это значит, что знаковые связи следует ставить под контроль. При этом надо помнить еще одно обстоятельство: одно и то же слово может обозначать в разных контекстах разные предметы. То же английское слово «magazine» может быть и «журналом», и «складом», французское слово «balle» — и «мячом», и «пулей», а имеющее ту же звуковую форму «bal» — еще и роскошным «балом».

К сожалению (а может быть, и к счастью), слов, имеющих несколько значений или различный объем значений в двух языках, очень много. Сравните французское «traduire» и его значения в контекстах: «traduire du russe en français» (переводить с русского на французский) и «traduire en justice» (предавать суду), или немецкое «Existenz» в словосочетаниях «keine sichere Existenz haben» (не иметь средств к существованию) и «eine dunkle Existenz» (темная личность). Приведенные примеры показывают, что нерегулируемые знако-

вые связи могут стать источником ошибок в речи. В то же время, если вы хотите самостоятельно готовить себя к профессии переводчика, то рядом с вами не будет никакого «регулирущика». Что же делать? Выход, как всегда, имеется: нужно самостоятельно отрабатывать знаковые связи между словосочетаниями и разговорными клише. Они вас не подведут. В словосочетаниях, и особенно устойчивых, эквиваленты являются действительно устойчивыми: «садиться в автобус» всегда будет «prendre un bus» или «den Bus nehmen». Тем более это верно для разговорных клише:

«Comment ça va?», «Wie geht es Ihnen?», «How are you getting on?»

В этой связи не мешает напомнить (см. главу 4), что такая новая наука, как психосемантика, утверждает, что лексический запас человека представляет собой не хаотический набор слов и тем более не разложенный по алфавиту словарь, а сгруппирован по семантическим полям, в которых тематически близкие друг к другу существительные (например, «обед», «вилка», «суп», «ложка», «соль» и т. д.) хранятся в комплексе с сопутствующими им глаголами и прилагательными. Нам не надо конструировать словосочетания заново, они предлагаются долговременной памятью в готовом виде: «заказать обед», «выбрать суп», «взять вилку и ложку», «вкусный или дорогой обед», «горячий или холодный суп» и т. п. А это тоже говорит в пользу того, что знаковые связи лучше образовывать не между отдельными словами, а между словосочетаниями двух языков.

Вы, наверное, согласны, что знаковые связи действительно необходимо устанавливать между словосочетаниями и разговорными клише двух языков и что не следует допускать ложных звуковых связей. Но что же делать самому, без опытных педагогов и учебников устного перевода? Кое-что можно сделать и самому.

Во-первых, составляйте личные словарики, но группируя не слова, а словосочетания и разговорные клише, и не по алфавиту, а по семантическим полям. Так, например, можно выделить семантическое поле «погода». В него войдут та-

кие речения, как: «сегодня жарко», «во дворе туман», «на улице мороз», «погода хорошая» («плохая», «морозная», «жаркая», «прохладная»), «солнце греет» («светит», «восходит», «садится») и т. п. В свой словарик вносите иноязычные эквиваленты выделенных словосочетаний, речений, которые периодически просматривайте, проверяя, насколько удалось их запомнить.

Во-вторых, если у вас есть магнитофон, то запишите вразброс словосочетания и разговорные клише (но только не слова), как на русском, так и на иностранном языке. Между записанными речениями не делайте очевидных пауз и при прослушивании записи старайтесь в естественные паузы между речениями успеть вставлять соответствующие иноязычные эквиваленты. Это уже будет настоящее становление навыка переключения.

В-третьих, выписывайте себе иностранные слова, совпадающие по написанию или звучанию с русскими, но имеющими другое или другие значения. Речь идет о таких словах, как, например, *une lisle* (фр.) — список, ведомость; *garnir* (фр.) — снабжать, украшать, отделывать; *der Blitz* (нем.) — молния, вспышка, воздушный налет; *der Konkurs* (нем.) — несостоятельность, банкротство; *the stall* (англ.) — ларек, стойло; *the stand* (англ.) — место, позиция, остановка, пьедестал. Такие слова принято называть «ложными друзьями» переводчика. Просматривайте их периодически, а лексемы, аналогично звучащие им на русском языке («лист», «стенд», «конкурс») снабжайте правильным переводом и включайте в упражнение с магнитофоном, но уже в словосочетаниях. При встречах с этими словами в текстах выделяйте их как «опасные» слова.

Описанные здесь упражнения, если повторять их систематически, помогут создать вам у себя основы механизма билингвизма. Кое у кого может возникнуть вопрос, а сколько времени нужно возиться с каждым новым словосочетанием или словом, чтобы их запомнить, и запомнить избегая «ложных друзей» в другом языке? На этот вопрос отвечает правило «эхо», которое утверждает, что наша память

лучше всего усваивает новые лексические единицы, если они повторяются в виде простой арифметической прогрессии, а именно: на другой день после ознакомления с ними, еще через день, еще через два дня, еще через три дня и т. д., а всего — семь повторений. Как вам уже известно, именно цифра семь считается магическим числом для памяти человека.

Итак, формирование навыков механизма билингвизма зависит полностью от вашего желания стать квалифицированным переводчиком.

14. ЗА ЧТО ПЕРЕВОДЧИКУ-МЕЖДУНАРОДНИКУ ПЛАТЯТ БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ?

Мы еще не касались атрибутов рабочей жизни переводчиков высшего класса, переводчиков-международников, переводчиков, владеющих двумя самыми сложными видами устного перевода: последовательным и синхронным. Переводчик-международник в западных странах — это состоятельный человек, выдвигающий свои требования к условиям работы и не очень считающийся с рангом политических деятелей, на которых он работает. Переводчик-международник в нашей стране — это хотя и не состоятельный, но достаточно самостоятельный человек, часто выезжающий за рубеж и во многом дублирующий обязанности своего шефа. В составе делегации он не только переводит, но и участвует в разработке политических решений вместе с другими референтами, готовит выступления руководителей, а иногда и выступает вместо них. Недаром в его дипломе в графе «профессия» записано: «переводчик-референт» .

В подтверждение сказанного рассказу, как в 1964 году в Алжире на заседании Совета солидарности афро-азиатских стран, в присутствии президента Алжира Бен Беллы, глава нашей делегации академик Б. Гафуров, бывший первый секретарь компартии Таджикистана, вынужден был отвечать на нападки китайского представителя. Ответ заранее заготовлен не был, и академик, выйдя на трибуну и сказав несколько слов по-русски, предложил мне продолжать его доводы на французском языке. Этот эпизод, кстати, зафиксирован на фотоснимке еженедельника «Cooperation» от 27 марта 1964 года. Недаром партийная номенклатура проявляла чаще всего уважительное отношение к высококвалифицированным переводчикам-референтам. Помню, в том же Алжире считал необходимым всё свое свободное время общаться со мной видный партийный деятель из Эвенкии. Он оказался довольно симпатичным, хотя и скучноватым собеседником, не стеснявшимся свой русский язык перемежать крепкими словами. Бывший преподаватель марксизма-ленинизма, один из доверенных руководителей малых народов Севера, он считал, по-видимому, такое общение хорошим тоном.

Но вернемся к профессии переводчика. Переводчик-международник должен блестяще владеть последовательным переводом. Такой перевод на международных конференциях — это устный перевод речи оратора, которую последний закончил. Оратор может говорить две, пять, десять и более минут, а переводчик не имеет права его остановить для перевода. Решение прервать свою речь принадлежит самому оратору. В международных организациях вообще считается неэтичным прервать чье-либо выступление, если оно не нарушает регламент, а тем более для перевода. По мнению многих политических деятелей, эффект от выступления в таком случае будет испорчен. До сих пор на Западе помнят рекорд, установленный Андре Каминкером, который в конце 20-х годов перевел на английский язык речь французского дипломата А. Франсуа-Понсе, продолжавшуюся два с половиной часа. О переводчике Антуане Веллемане, который владел

английским, французским, испанским и немецким языками, ходили легенды; английская газета «Дейли Телеграф» 12 января 1932 г. писала: «Можно назвать чудом его работу, когда слушаешь перевод с одного из четырех языков на любой из трех других». Так уже в то время был опрокинут тезис, широко распространенный на Западе, о возможности последовательного или синхронного перевода только на родной язык. Впрочем, сегодня, при огромном количестве международных конференций, которые необходимо обслуживать, с ним уже не считаются, и можно наблюдать в некоторых случаях жалкие попытки претендовать на статус переводчика-международника людей, не владеющих по настоящему ни иностранным языком, ни хорошо поставленной речью на родном языке.

Наиболее искусные в своей специальности переводчики-международники западных стран не имеют постоянной работы. Они кочуют с конференции на конференцию, из одной страны в другую. Их называют «free-lance», что-то вроде нашего «свободный художник», и они за большие деньги едут туда, куда их позовут. Мне приходилось со многими из них встречаться, и я всегда буду помнить имена больших мастеров своего дела, таких как Эдмонд Кари, Жерар Ильг, Жан Эрбер, Чиликин, воплощающих лучшие традиции европейской школы переводчиков-международников.

Профессия переводчика-международника восходит к далеким историческим временам, когда придворные толмачи нередко были титулованными особами. Так, придворные переводчики фараонов в Древнем Египте носили титул принца. Дворянская династия де Фиеннов выступала в XVIII веке в качестве секретарей-переводчиков французских королей и заключала международные договора, как, например, в Триполи в 1729 году или с Тунисом в 1742 году. Высокий дипломатический ранг советника или посла имели и личные переводчики Сталина (Павлов), Хрущева (Трояновский, Суходрев, Дубинин), Брежнева (Суходрев, Глухов).

В то же время высокопоставленные переводчики постоянно находились под бдительным оком служб безопасности.

Личный переводчик Гитлера П. Шмидт рассказывает, что его коллеги в период Третьего рейха были фактически заперты в отеле «Адлон» и не имели права выходить за его пределы, и даже разговаривать по телефону, аппараты которого были, как правило, выключены.

Что-то вроде этого происходило и у нас. В начале 1950 года я впервые был приглашен обслуживать высокопоставленное лицо в советской иерархии. Министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, находясь проездом в Берлине, давал прием. При нем был только переводчик немецкого языка, а переводчиков английского и французского языков нашли среди офицеров отдела внешних сношений, в том числе и меня. Несмотря на имеющийся, естественно, допуск к секретной работе, нас инструктировали работники соответствующих органов, задавая не самые умные, с точки зрения здравого смысла, вопросы. Меня, например, спрашивали, почему мой отец родился за границей, имея в виду город Вяла в Польше. Объяснения о том, что в 1874 году (год рождения моего отца) Польша входила в состав Российской Империи, не показались очень убедительными моему собеседнику, хотя в окружение министра он меня и допустил. На приеме А.Я. Вышинского обслуживало три переводчика и еще несколько лиц неизвестной профессии. Сам Вышинский, вопреки своему грозному имиджу, был весьма светским и образованным человеком, находившим любезные слова для нескончаемого потока официальных лиц различных стран и ведомств.

Позже, когда мне пришлось достаточно часто обслуживать первых лиц государств и партий, запреты стали более серьезными. Так, в 1971 году, после выхода в свет моей книги «Последовательный перевод. Теория и методы обучения», я получил любезное письмо с отзывом на свою монографию от профессора Парижского университета Д. Селескович. В тот же день меня вызвал работник органов безопасности, потребовавший ни в коем случае не отвечать на полученное послание, так как я могу таким образом «предоставить иностранной разведке ценную информацию» (?!). До сих пор я чувствую опреде-

ленную неловкость перед французской коллегой, письмо которой осталось без ответа.

Переводчик-международник должен владеть и синхронным переводом. Такой перевод кажется неискушенному лицу чудесным сплавом искусства и техники. Благодаря существующей аппаратуре речь оратора поступает в наушники переводчика, который, не переставая слушать эту речь, переводит ее в микрофон на другой язык. И если в последовательном переводе первая операция перевода (прием речи источника) предшествует второй операции (оформление перевода речи), то в синхронном переводе обе операции протекают одновременно. Однако до окончания второй мировой войны синхронный перевод фактически не использовался в международных организациях, статусу которых соответствовали два рабочих языка: французский и английский, а иногда — только один французский. Поэтому последовательный перевод чувствовал себя в международной сфере достаточно прочно. Взрыв произошел после создания Организации Объединенных Наций. На международную арену вышел русский язык, язык страны-победительницы. А вскоре рабочими языками ООН стали еще испанский, арабский и китайский языки. Осуществлять последовательный перевод на все рабочие языки было невозможно, заседания продолжались бы до бесконечности. Тут и занял прочное место на авансцене синхронный перевод.

В моей карьере первая встреча с синхронным переводом произошла в конце 40-х годов в Военном институте иностранных языков. В то время это было учебное заведение, в котором работали лучшие лингвистические силы страны. Объяснялось это просто: в Военном институте, кроме зарплаты, выдавался еще паек из продуктов, который не мог не соблазнять профессуру в те голодные годы. Во время моей учебы кафедру французского языка возглавлял, как об этом уже говорилось, полковник Маркович С. Б., умевший создавать вокруг себя атмосферу благожелательности и товарищества. Преподаватели Военного института погружали нас, слушателей, в грассирующие звуки французской речи, песен фран-

цузских шансонье и бессмертных творений Бомарше, Расина и Мольера. Созданный при кафедре французский театр, во главе которого стояла блестящий переводчик русской классической литературы Алис Оран, влюбленная в театр и систему Станиславского, дополнял наше приобщение к французской культуре. Во главе института находился генерал Биязи, единственный за всю историю Военного института иностранных языков начальник, владевший иностранными языками. Это было короткое, но замечательное для военного учебного заведения время, когда в учебном процессе главенствовал иностранный язык, культура страны изучаемого языка и сложнейшие виды перевода, а не строевая подготовка или политические предметы со стандартными формулами «Краткого курса КПСС». Именно в эти годы Военный институт выпустил в свет такое созвездие блестящих ученых, как В.Г. Гак, Г.В. Ейгер, Г.В. Колшанский, Б.А. Лапидус, А.А. Миролюбов, А.А. Швейцер и др.

В это время проходил Нюрнбергский процесс, и военные переводчики, работавшие на нем, донесли до Военного института информацию о чудесах синхронного перевода. Что-то похожее было создано и для нас, слушателей. Но уже до этого на занятиях специалистов поразительной квалификации — К.К. Парчевского, Я.И. Рецкера, Шрайбера — шла кропотливая работа по созданию у их подопечных механизма билингвизма. Это обстоятельство и позволило Военному институту подготовить целую плеяду переводчиков-международников, ворвавшихся в 50-е годы в ряды синхронистов-самородков. Среди последних были люди, отлично знавшие иностранный язык и обладавшие прекрасной реакцией и смелостью, что позволило им без специальной подготовки войти в ряды малочисленной переводческой гвардии и занять места в кабинетах синхронистов на съездах, конгрессах и других форумах, количество которых множилось в дни хрущевской оттепели. Первыми нашими асами-синхронистами были: Фактор, Тарасевич, Гофман, Белицкий, Владов, Сеземан, Велле, Лангеман, Цвилинг, Туровер, Ярошевский и еще пара человек, имена которых постепенно стерлись в моей

памяти. Я в это время работал в Институте международных отношений на военной кафедре, умудренный практикой в устном переводе в штабе Группы советских оккупационных войск в Германии. Очевидно, это обстоятельство привело к тому, что в конце 1953 года мне предложили за несколько месяцев подготовить специалистов-международников со знанием французского языка к работе в качестве синхронных переводчиков. В то время в Институте международных отношений был оборудован первый лингафонный кабинет, который и был использован в качестве учебной базы. Через несколько месяцев впервые в нашей стране появились дипломированные переводчики-синхронисты, вместе с которыми познавал искусство синхронного перевода и их учитель. Его ученики, вступив на стезю профессионалов, создали рекламу своему наставнику, который таким образом был допущен в малочисленную группу синхронистов, определявших в то время высокий уровень организации международных форумов в нашей стране.

Сегодня международные встречи происходят практически ежедневно во всех важнейших точках земного шара. Они необходимы для урегулирования спорных вопросов, заключения торговых сделок, а кроме того — для даровых поездок (за счет налогоплательщиков) делегаций всех уровней и мастей. Переводчики тоже охотно совершают туристические поездки за чужой счет, но, в отличие от членов делегаций, их ждут не только живописные достопримечательности, но и изнурительная работа.

К сожалению, репутация наших синхронистов стала в последнее время снижаться. В будки синхронного перевода нередко попадают самонадеянные юнцы, готовые вместе с делегатами решать любые вопросы нашей жизни — от создания современных космических кораблей до канализационного обеспечения жителей джунглей. Многие из них не владеют элементарной техникой устной речи, и их «эканье», «забалтывание» слов и ударения в родном языке шокируют даже нетребовательных депутатов различных уровней. А между тем еще основатели знаменитой Женевской школы

переводчиков наставляли своих студентов: «На международных конференциях переводчику платят не за то, как он переводит, а за то, как он говорит».

15. С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ УСПЕХ ОРАТОРА

Слово — великое средство воздействия на человеческие умы и души. Оно поднимает в страшный бой самые робкие натуры, увлекает скептиков, направляет разъяренную толпу на беззащитных людей. До сих пор живут мифы об ораторском искусстве Плевако, Троцкого, Луначарского. В нашей печати эталоном безупречного оратора долго считался В.И. Ленин. Теперь полезно познакомиться с более объективным образом Ленина как оратора. Вот что пишет о нем Виктор Серж, профессиональный революционер, потомок Кибальчиной, много лет живший в эмиграции и написавший несколько интересных книг о революции, к сожалению, до сих пор не переведенных с французского на русский язык: «Ленин не был ни великим оратором, ни выдающимся лектором. Он не использовал никаких риторических приемов и не прибегал к внешним эффектам трибуна. Он, скорее, вел разговор, повторяя в различных вариациях одну и ту же мысль, как бы вбивая гвоздь. Слушать его, однако, было не скучно и прежде всего из-за исходящей от него убежденности, подкрепленной уверенной жестикующей. Обычная для него манера подкреплять свои слова заключалась сначала в поднятой руке, а затем — в наклоне своего тела к аудитории, на которую он смотрел с улыбкой, оставаясь при этом серьезным и как бы говоря разведенными ладонями: не правда ли, все это очевидно? С вами разговаривал простой и честный человек, апеллируя к вашему разуму, к фактам, к неумолимому порядку вещей. "Факты упрямая вещь", — любил он повторять. Он являл собой как бы здравый смысл без

каких-либо прикрас, разочаровывая часто французских делегатов, привыкших к парламентским схваткам в красноречии. "Вблизи Ленин многое теряет", — говорил мне один из них» (Victor Serge. *Mémoires d'un révolutionnaire 1901-1941*. — Edition du Seuil, 1951. — P 113).

Разумеется, ораторов эпохи Октябрьской революции мне не пришлось слушать. Но я слушал другого выдающегося оратора, оратора эпохи мирного сосуществования социализма и капитализма — Фиделя Кастро. Его воздействие на толпу соплеменников впечатляло.

Наша делегация прилетела на Конгресс миролюбивых сил стран Азии, Африки и Латинской Америки в последних числах декабря 1965 года. Куба нас встретила ласковой летней погодой. Как и всех делегатов, нас поместили в роскошном отеле «Гавана», который на всё время конгресса был закрыт для посторонних. Сам отель был превращен в маленький коммунистический рай будущего. Все мыслимые и немыслимые услуги были предоставлены в распоряжение делегатов — от шикарных номеров и бассейна для плавания вплоть до изысканнейших блюд и напитков в ресторане или у себя в номере. И все это бесплатно и «по потребностям».

Как сейчас помню первый обед и своего соотечественника в ресторане, с аппетитом уничтожавшего обжаренный в сухарях кусок мяса. Я присел рядом, и мгновенно возникший официант предложил красочное меню на испанском языке. Названия блюд в ресторанах часто приводят в тупик, даже если они написаны на родном языке. Хорошо ли вы знаете, что такое консоме, котлеты по-министерски, рыба в кляре, хаши или манты? Меню, составленное на испанском языке в Гаване, представляло загадку и для испаноговорящих делегатов, а не только для меня, воспринимавшего испанский во многом через французский. Пришлось принять наиболее простое решение и попросить принести мне блюдо, над которым с наслаждением завершал расправу мой соотечественник. Впрочем, через несколько минут я делал то же самое. Мясо оказалось невероятно нежным и больше всего походило на цыпленка. В конце концов, с помощью пе-

реводчиков испанского языка, мне удалось выяснить, что наслаждение у нас вызывали лягушки. На другой день, заказав это блюдо специально, я не смог его доесть... Конечно, этот эпизод не мог испортить общего впечатления от отеля, его кухни, обслуживания. Впечатление портилось от магазинов, в которых ничего нельзя было купить без карточек, нельзя было что-либо купить и на базаре, они были разогнаны как «рассадники империализма». Хозяин Кубы боролся с капитализмом еще более прямолинейно, чем российские большевики.

Его методы правления постепенно распространялись и на нас, гостей Кубы. Глава нашей делегации, председатель Верховного Совета Узбекистана Ш. Рашидов, на очередном совещании информировал делегацию о том, что Ф. Кастро требует принятия именно его текста резолюции, в противном случае, по его словам, ни один самолет с делегатами конгресса не поднимется в воздух. Несмотря на ласковый кубинский воздух и великолепные пляжи, это известие нас не порадовало. В нашей многочисленной делегации были разные люди. Очень милый и интеллигентный Ш. Рашидов с женой ничем нас не стеснял. Поэтесса Р. Казакова наслаждалась жизнью, а ее коллега — главный редактор журнала «Огонек» — кубинскими напитками, после которых мы с трудом укладывали его на кровать. Нашу делегацию курировали работники посольства, которые рассказывали о крутости фиделевского нрава, о заключенных, многие из которых были соратниками Кастро по революции. Тем не менее большинство населения обожало своего вождя и считало, что аресты и репрессии вынужденны. Это обожание периодически поддерживалось выступлениями Фиделя. Два из них пришлось наблюдать и мне. Одно началось около полуночи 31 декабря, проходило на открытом воздухе и продолжалось часа полтора. Кастро говорил медленно, четко произнося слова, делая паузы в выигрышных местах и обильно, по-латиноамерикански, жестикулировал. Он умел подбирать те слова, которые хотела от него услышать толпа. Он делал людей счастливыми, говорил об их особой миссии в мире угнетенных, о борьбе с теми, кто не хотел те-

рять свое богатство, а потому пытался испортить им жизнь и беспощадно их эксплуатировал. Новогодняя ночь была седьмой годовщиной победы кубинской революции, и выступление вождя сопровождалось буйной музыкой, зажигательными танцами и опьяняло потомков кубинских индейцев, африканских негров и белых завоевателей.

Второе выступление проходило в зале и предназначалось съехавшимся со всех концов земли делегатам. И здесь Ф. Кастро нашел слова, которые не могли оставить равнодушными представителей стран Азии, Африки и Латинской Америки. И здесь он сохранял умеренный темп речи, великолепную дикцию и впечатляющий фейерверк интонацией, которые передавали смысл не хуже, чем слова. И здесь он добился своего: его резолюция была принята, а мы получили свободу передвижения. Можно было покинуть красивую, но, как оказалось, обманутую Кубу. Перед отъездом Фидель лично принимал всю нашу делегацию. Он был радушным хозяином и каждому вручил по коробке знаменитых кубинских сигар и по маленькому барабану, на котором в свое время с удовольствием барабанили мои внуки.

Все это рассказано не для того, чтобы лишний раз остановиться на политических метаморфозах XX века. Это рассказано для того, чтобы показать огромную силу такого средства политической борьбы, как ораторская речь. Переводчику не нужна политическая власть, но ему нужна репутация специалиста высокой квалификации. И наиболее очевидным признаком его высокой квалификации является та же речь. Её и надо формировать, отрабатывать, доводить до совершенства. И к совершенству можно прийти, если этим заняться еще в школьные годы.

Итак, техника речи. Техника речи составляет лишь часть ораторского искусства, но именно ту часть, которая важна для переводчика и которая позволяет облечь информацию, предназначенную для передачи, в доступную и привлекательную форму.

Что же при этом имеется в виду? Прежде всего темп речи. Известно, что люди говорят по-разному: некоторые —

скороговоркой, другие — черепашьям шагом. И то и другое затрудняет восприятие и понимание устного текста. Темп измеряется количеством слогов в минуту. Именно количеством слогов, а не слов, так как слова могут быть длинные и короткие, односложные и содержащие много слогов, и замедление темпа речи происходит именно благодаря удлинению пауз между слогами, а не между фонемами. Ученые подсчитали, что темп русской речи колеблется от 120 до 400 слогов в минуту, а ее средний темп — 250 слогов в минуту. Средний темп ораторской речи во французском языке — 212 слогов, а в немецком — 222 слога в минуту.

Итак, начинайте с родного языка. Замерьте свой темп речи и заученные стихотворения повторяйте в несколько замедленном, по сравнению со средним, темпе, если говорите слишком быстро, и наоборот. Кроме того, контролируйте себя в повседневной болтовне и просите, чтобы вас одергивали дома, когда скорость вашей речи не соответствует норме.

Кроме темпа речи, большую роль играет дикция. Надо уметь произносить все звуки, и прежде всего в родном языке, не сползая, например, с русского «ш» на «с» или с «л» на «в». Вашу дикцию можно поправить или совершенствовать с помощью скороговорок. Вот некоторые из них: «Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком», «Рапортовал да не дорапортовал, дорапортовал да зарпортовался», «Нд дворе трава, на траве дрова». Упражняться в скороговорках следует сначала медленно, артикулируя каждое слово, подчеркивая интонацию предложения. Потом наращивайте темп, но особенно подчеркивайте все звуки; запомните: чем быстрее вы говорите, тем точнее следует произносить слова.

Впечатление от речи создает и ее тональность. У некоторых говорящих складывается привычка не менять в речи высоту тона голоса. Такую речь весьма тоскливо слушать: нигде не расставляются акценты, ничто в ней не выделяется, важное не отличишь от второстепенного. Кроме того, некоторые говорят на высоких тонах, а другие — на низких. Но постоянный крик, как и бормотание по себя, раздражает и

утомляет, слушающие постепенно отключаются от монотонного потока звуков, с нетерпением ожидая его окончания. Учитесь уже сейчас говорить достаточно громко, но не кричать, а главное — владеть своим голосом: уметь понижать и повышать тон, выделять существенное и расставлять акценты. Помните: вы хозяева своего голоса и в молодые годы можете его «создать», как это сделал великий оратор Древней Греции Демосфен. Картавый и слабый от природы голос он превратил в мощный инструмент политической борьбы и довел свое ораторское искусство до совершенства. Его современники рассказывают, что он выходил на берег моря, клал в рот камешки (конечно, чистые) и читал стихи, добиваясь ясного и красивого звучания голоса, который укреплял бегом, закаливанием. Хронические простуды, курение (к счастью, во времена Демосфена табака в Греции не было) отрицательно сказываются на голосовых связках, появляется сухость в горле, спазмы мускулатуры, голос садится, становится хриплым, а то и совсем пропадает. А с голосом пропадает и переводчик-международник.

Ваша речь будет привлекательной, если она будет свободной от звуков и слов-паразитов. К ним относят всякое эканье, мычание и, особенно, ничего не значащие речения типа «так сказать», «собственно говоря», «значит», «вообще», «как говорят» и т. п. Журналист А. Сухонцев как-то писал о своем друге, который побывал на лекции одного специалиста и принес оттуда листок бумаги, испещренный одними крестиками и кружочками. Крестиками он отмечал слово «значит», а кружочками — «так сказать». На его листке оказалось сто восемнадцать крестиков и сто восемьдесят четыре кружочка. Это было всё, что вынес он из полуторачасовой лекции.

Со словами-паразитами, эканьем, мычанием борьба будет успешней, если у вас есть возможность записывать свою речь на магнитофон. Магнитофонная запись лучше самого строгого учителя может вам испортить настроение, поскольку бесстрастно предъявит результаты вашего собственного словотворчества. А чтобы за него не краснеть на людях, контролируйте себя повседневно и отрешайтесь от вредных привычек.

Умеренный темп речи, четкая дикция, приятная тональность, отсутствие слов-паразитов — все это составляет ту основу, с которой можно выходить на подлинное владение речью на любом языке и которая может быть, а скорее, должна быть подготовлена в школьные годы. Она не требует особых знаний и талантов, она зависит от вас самих, и ее шлифовка — в вашем упорстве.

16. НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Выступает оратор. У него приятный тембр голоса, умеренный темп речи, отличная дикция, он не злоупотребляет словами-паразитами, и тем не менее что-то в его речи раздражает. Прислушаемся. Очень может быть, что впечатление от его выступления портят «споткнувшиеся» предложения — предложения, которые оратор не сумел, не захотел закончить или закончил, нарушая элементарные нормы речи. Спотыкается же говорящий, главным образом, по двум причинам: либо у него не сформировано умение завершать предложение после первых неудачно подобранных слов, либо у него нет в запасе необходимых в той или иной ситуации языковых средств.

С таким недостатком сталкиваешься не только в речи людей, получивших трибуну парламента после тяжелой работы на ферме или в шахте. Его можно наблюдать порой и у людей, имя которых пользуется заслуженной популярностью. Так, я был несказанно удивлен манерой говорить М.А. Шолохова, которого мне пришлось переводить в начале 60-х годов в Стокгольме. Его фразы были оборванными, с незавершенным смыслом, иногда непонятными, да и сама речь, обращенная к сторонникам мира, рождалась скупой и обрывалась на полуслове. В тот раз переводчикам спасти эту речь не удалось. Недаром советский классик редко появлялся на трибуне. Переводить было трудно и выдающегося ком-

позитора Дм. Дм. Шостаковича. Он вообще неохотно выезжал на форумы и конгрессы, оставляя впечатление нервного, задерганного человека.

Но то, что прощительно корифеям литературы или музыки, недопустимо для профессионалов устного слова. Переводчикам, не умеющим предлагать аудитории грамотно построенных фраз, дорога на международный олимп заказана. И эту дорогу нужно готовить себе в школьные годы.

Вот несколько упражнений, которые доступны всякому школьнику.

Первое упражнение имеет своей целью научить грамотно заканчивать любое предложение, даже если оно было начато не с самого удачного слова (что в работе переводчика встречается достаточно часто). Это упражнение можно практиковать на любой вырванной из контекста фразе, хотя предпочтительней выбирать не литературные произведения, а газетные статьи. Суть упражнения заключается в том, что одно и то же предложение строится, начиная поочередно с разных составляющих его слов. Вот конкретный пример.

Фраза из газетной статьи: «Депутаты Национального собрания Франции внесли законопроект, предусматривающий установление права голоса с 18 лет».

Первый вариант переформулировки, начиная со второго слова предложения: «Национальное собрание Франции предполагает рассматривать внесенный депутатами законопроект, предусматривающий...» и далее — как в первоначальном тексте.

Второй вариант (он начинается с четвертого слова, так как третье представляет со вторым словом одну лексическую единицу — «Национальное собрание»): «Франция собирается рассмотреть в Национальном собрании по предложению депутатов законопроект, предусматривающий...»

Третий вариант: «Внесен в Национальное собрание Франции его депутатами законопроект, предусматривающий...»

Четвертый вариант: «Законопроект, предусматривающий установление права голоса с 18 лет, внесен в Национальное собрание Франции его депутатами».

Пятый вариант: «Предусматривает установление права голоса с 18 лет законопроект, внесенный в Национальное собрание Франции его депутатами».

Шестой вариант: «Установление права голоса с 18 лет предусматривает законопроект, внесенный депутатами в Национальное собрание Франции».

Остановимся после шестого варианта, поскольку суть упражнения уже ясна. Нетрудно убедиться, что упражнение развивает умение владеть устной речью и полезно не только будущим переводчикам. Такое же упражнение целесообразно делать и на иностранном языке при достаточном уровне владения им, который оно может только поднять.

Второй тип упражнения вырабатывает умение пользоваться нейтральными речениями при образовании лакун в воспринимаемом тексте. В работе переводчика нередко встречаются случаи, когда отдельные слова или словосочетания остаются недопонятыми или недослышанными из-за шума и неожиданных помех. Необходимость в нейтральных речениях может встретиться и в речи просто оратора, но уже по другой причине. Так, тот или иной факт оказался недостаточно точным, или память отказывается восстановить его детали в процессе речи. Остается одно — сказать таким образом, чтобы сказанное ни к чему не обязывало. Вот несколько примеров (недослышанное или непонятое выделено курсивом):

а) «С 5 по 12 мая в России находилась группа бизнесменов Италии». — Перевод: «Как вам известно, не так давно Россию посетила группа бизнесменов Италии»;

б) «В австрийской столице начался *фестиваль искусств*, в котором будут принимать участие лучшие музыкальные коллективы и солисты Австрии, Великобритании, России, *Румынии, Украины, Франции*». — Перевод: «В австрийской столице происходит знаменательное событие, которое ознаменуется выступлениями лучших музыкальных коллективов и солистов Австрии, Великобритании, России и других стран»;

в) «Нижняя палата Филиппинского парламента приняла резолюцию, требующую, чтобы правительство вступило

в переговоры с Соединенными Штатами по вопросу о *возвращении земель, занятых под американские военные базы*». — Перевод: «Нижняя палата парламента Филиппин потребовала от правительства начать переговоры с Соединенными Штатами по вопросу, который дебатруется между двумя странами давно».

И наконец, не столько упражнение, сколько повседневная работа по накоплению языкового материала для свободного владения речью, по следующим признакам:

— накопление эпитетов, например: известный, знаменитый, выдающийся, прославленный, крупный, признанный, великий, замечательный, блестящий, большой...;

— накопление речений для стандартных ситуаций в работе переводчика, каковыми являются: обращения, приветствия, пожелания, выражения радости, благодарности, уважения, поддержки, соболезнования, признания заслуг (вот, например, как выглядят речения для выражения пожеланий: желать здоровья, долгих лет жизни, процветания, новых успехов, укрепления добрых отношений, плодотворной работы, счастливого пути, провозглашать тост за здоровье, добро пожеловать, трудиться на благо Родины и т. п.);

— накопление синонимов, например: выступление, речь, спич, доклад, сообщение, заявление, слово.

Накопление языкового материала следует производить в тетрадке, куда выписываются отдельно эпитеты, отдельно синонимы, отдельно речения для стандартных ситуаций. Записанный языковой материал повторяется всякий раз, когда у вас появляется возможность пополнить его. Тем самым вы поможете себе закрепить его в памяти.

Если вы уже прилично владеете иностранным языком, то все перечисленные упражнения начинайте делать и на иностранном языке, но только после того, как упражнения на русском языке не будут вызывать у вас затруднений. Накопление языкового материала можно вести параллельно на родном и иностранном языках, он обязательно пригодится в вашей будущей деятельности, и не только как переводчика. Так готовят себя артисты и кандидаты в вожди народа, аги-

таторы и профессора университетов, журналисты радио и телевидения и дипломаты. Хорошая речь создает имидж достойного человека.

17. НЕМНОГО ОБ ЭТИКЕТЕ В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Можно ли курицу есть руками? Следует ли на приемах переводчику пить вино? Занимать ли ему место рядом с главой делегации? Обязательно ли быть всегда при галстукe? Эти и другие вопросы возникают в голове у начинающих переводчиков, когда они проникают в высшие сферы. Ответы на них зависят от многих обстоятельств, но для начала старайтесь в вопросах одежды и поведения на официальных раутах не особенно отличаться от членов делегации, имеющих большой опыт международных связей. Но это при условии, если вы находитесь и работаете рядом с официальными лицами, а не отделены от них стенками кабины синхронного переводчика, за которыми он находится только в компании микрофона.

Что касается основных правил этикета, то вот несколько советов, которые могут быть полезны.

Во время официальных встреч, если у каждой стороны есть свой переводчик, следует переводить только речь членов своей делегации. То, что говорят представители другой стороны, переводит их переводчик. При этом не старайтесь «поправлять» своего иностранного коллегу. Во-первых, это некрасиво, а во-вторых, он лучше вас знает, что хочет, а что не хочет сказать его хозяин. Так, в свое время часто приходилось сглаживать «рабоче-крестьянские» выражения Н.С. Хрущева с его знаменитой «кузькиной матерью» и другими перлами, о которых частично уже говорилось, и не только потому, что они были порой неприличны, но и потому, что

некоторые из них были непередаваемы. Хотя в целом выступления Н.С. Хрущева были красочны, и в международных кругах он высоко котируется (особенно в сравнении с другими партийными боссами нашей страны) как оратор.

Если вам приходится работать на приеме, который проходит стоя (такие приемы называют «а ля фуршет»), держите постоянно в руке наполовину наполненный бокал, чтобы вас не отвлекали официанты с подносами, но старайтесь почти ничего не пить, так как даже небольшое опьянение может положить конец вашей карьере. Брать с подноса бутерброды можно только в том случае, если в данный момент ваши услуги не требуются и если это не шокирует вашего хозяина. Последние бывают различных мастей. Н.С. Хрущев не терпел никаких вольностей у своей obsługi. Л.И. Брежнев был гораздо мягче, один из его ближайших соратников, Д.Ф. Устинов, тот вообще уговаривал нас, переводчиков, закусывать, не обращая внимания на словоохотливых иностранцев, во время тех нескольких приемов, на которых мне пришлось с ним работать.

В связи со сказанным еще одно предостережение — не столько в русле этикета, сколько определяющее работоспособность переводчика. В начале 60-х годов в нашу страну приезжал принц Нородом Сианук, в то время глава государства Камбоджа (Кампучия), еще не свергнутый кровавым режимом Пол Пота. Было назначено его выступление в Кремле, которое непосредственно транслировалось по радио на всю страну. Переводить высокопоставленного гостя, т. е. его речь на французском языке, было поручено мне. В этот день я пришел в Кремль с сильной головной болью, но это не мешало мне переводить синхронно с русского на французский ответственные выступления наших руководителей. Однако боль в голове усиливалась, и я боялся, что она перейдет в сильный приступ мигрени, что со мной случалось ранее. Чтобы это не произошло, перед выступлением Нородома Сианука я принял таблетку пирамидона и сменил своего напарника. Первые минут 10-15 в моем самочувствии ничего не менялось. Но затем вместе с приглушенной болью я стал терять

реактивность, столь необходимую синхронисту. Реактивность при работе переводчика проявляется в мгновенном появлении в его голове иноязычных эквивалентов только что услышанных слов и словосочетаний. Так вот, эти слова и словосочетания стали поступать в мое сознание замедленно, и мне стоило огромных усилий произносить их ставшим на редкость непослушным артикуляционным аппаратом. От полного провала меня спас накопленный к тому времени опыт и конец речи высокого гостя. После этого случая я полностью отказался от употребления лекарств во время устного перевода. Большие перегрузки помогала переносить маленькая чашечка крепкого черного кофе.

Приемы, предусматривающие отдельное каждому гостю место за столом, устраиваются реже. В этом случае переводчик нашептывает своему соседу (чаще всего главе делегации) содержание речей, которые произносятся. В промежутке между речами можно и поесть, соблюдая, естественно, принятые правила. Так, перед началом еды вам предложат аперитив, т. е. рюмочку крепкого напитка (виски, джин, водка, коньяк, настойки), чаще всего разведенного содовой водой. Переводчику, конечно, лучше ограничиться соком. Блюда подают согласно установленной процедуре: сначала две-три закуски (по очереди), затем что-то рыбное, потом мясное с зеленым салатом, после чего десерт, кофе и сыр. К закускам и рыбному полагается белое сухое вино, к мясу — красное сухое вино, на десерт — сладкие вина, ликер. Пьют понемногу, чаще всего ограничиваясь одним глотком по каждому поводу.

Смена еды требует смены вилки и ножа. Их заранее подают по несколько штук. Чтобы не ошибиться, берите крайние слева и справа от вашей тарелки. Не делайте больших перерывов при еде какого-либо блюда; если вы при этом положили на свою тарелку вилку с ножом справа, то все будет немедленно изъято безмолвными официантами. Хлеб на приемах «экономят», его кладут (2-3 кусочка) каждому отдельно. Если вы его поспешили съесть, не пытайтесь искать или отвлекать по этому поводу службу, вас могут неправильно понять.

Ритуалу официальных приемов придают особое значение в большинстве африканских стран. Мне пришлось с этим столкнуться в Гане, где я находился в начале 60-х годов в составе советской делегации. Страна недавно обрела независимость и избрала, по словам ее руководителей, социалистический путь. Аккра, столица Ганы, тогда представляла собой смесь современных высотных зданий в центре города и грязных халуп с бесконечными частными лавками на окраинах. Километров в пятидесяти от столицы находился центр подготовки партийных функционеров, где и проходила наша конференция. Нас разместили в одно- и двухэтажных домиках — общежитии высшей партийной школы. Напротив, метрах в 300-х, накатывал свои волны на пляж, обрамленный пальмами, Атлантический океан. Все здесь дышало экзотикой: работа в кабинах синхронного перевода под шум прибоя, купание в прохладных водах океана под сенью пальм, прогулки по африканской саванне перед сном в хорошо оборудованных комнатах партийного общежития.

Будучи большим любителем спортивного плавания, я в первую же свободную минуту схватил плавки, купальную шапочку и устремился напрямик к пляжу. Однако тут же был остановлен местным переводчиком, который предупредил: в траве много небольших зеленых змеек, укусы которых смертельны! И он предложил проводить меня по дороге, которая удлиняла путь к океану раза в два. Получив от него и другие инструкции (не заплывайте к глубоким местам — там акулы, старайтесь ощущать дно под ногами — на мелководье они заплывают редко), я с удовольствием погрузился в воду и почувствовал себя в горячей ванне, которую приятно принимать в холодную погоду, но не под палящим солнцем тропиков. Напоминание об акулах еще более ускорило сеанс плавания, и через несколько минут мы отправились в обратный путь.

В это время я увидел старого местного жителя, который выбирался из населенной зелеными змейками саванны на дорожку, одетый в старые потертые шорты, единственный предмет его одежды, и с босыми ногами. Неужели такая нищета, поду-

мал я, ведь он подвергает себя неслыханному риску! Старик в потертых шортах шел нам навстречу, в нескольких шагах он остановился и приветствовал нас на одном из наречий страны. «Как он ходит почти голый по саванне, неужели не боится змей?» — обратился я к переводчику. Вот что ответил нам умный старик: «Спросите у нашего гостя, почему он не боится ходить по дороге, ездить на машине? Знает ли он, что только в нашем селении от машин, проносящихся по шоссе, гибнут ежегодно 4-5 человек? В то же время от укусов змей в саванне за последние годы у нас погибло только два человека. Змея тоже хочет жить. Она не ждет человека, а убегает от него. Только старая больная змея может не услышать шаги, и если вы наступите на нее, она вынуждена будет защищаться. Змея ничуть не страшнее безрассудного водителя». Мне понравился мудрый ответ жителя саванн, но ходить в Гане я продолжал лишь по дорогам.

Вечером, после первого трудового дня, утомленный жарой, я поспешил распластаться на постели, предварительно раскрыв окна в поисках прохлады. Спал я недолго. Проснулся от непрекращающегося зуда и от невероятного количества мелких летающих существ, которые наслаждались незащищенной кожей белого человека. Следующие ночи пришлось спать под противомоскитной сеткой и при закрытых окнах. От духоты спастись не удалось. Так рассеялась сказка о «Лазурном берегу» в Африке.

Ночи под Аккрой я вспомнил несколько лет спустя на Байконуре, нашем космодроме, накануне прибытия де Голля. Стояла еще большая жара, чем в Гане, где близость океана не позволяла ртутному столбику термометра переходить за отметку +33°C, а в гостинице для космонавтов не было ни одного номера с кондиционером. Типичная ситуация в великой стране, совмещающей огромный научный и материальный потенциал крупнейшей ядерной державы с бытовыми условиями глухой африканской провинции.

Поскольку нашу работу в Гане превратить в курорт не удалось, я не очень протестовал, когда глава нашей делегации, в то время первый секретарь Татарского обкома КПСС,

Ф.А. Табеев предложил мне отправиться с ним в Аккру на прием, который устраивал президент Ганы, известный африканский лидер Кваме Нкрума. Татарский руководитель, которого я сопровождал, оказался кандидатом наук и неплохим специалистом в экономике. От него я узнал много интересного о тех реформах, которые проводились на селе в Татарии и о небедной жизни, по словам Табеева, татарской деревни.

На приеме он невольно оказался под моей опекой: ему пришлось не только прибегать к моей помощи для общения с присутствующими, но и консультироваться по вопросу о съедобности некоторых блюд. Ритуал приема выполнялся неукоснительно. Во главе стола в нужную минуту появился президент Ганы. Несмотря на жару, он был в черном костюме и при галстуке, так же были одеты и его приближенные, некоторые из которых почему-то позволили себе пренебречь носками, но не лакированной обувью. Президент поклонился гостям, которые уже сидели за столом, и занял свое президентское место. На столе кроме приборов ничего не было, но в ту же минуту бесшумные лакеи поставили в маленьких тарелочках первую закуску. Она была тут же уничтожена. Вслед за ней появлялись перед гостями и исчезали поочередно еще несколько изысканных блюд, с каждым из которых отпивался глоток белого вина. Время от времени звучали речи, восхвалявшие новую Гану и ее президента, которые я шепотом переводил своему шефу. Превозносились социалистический путь и подлинная демократия, воцарившаяся в стране благодаря ее президенту. Между тем страна начинала испытывать экономические трудности. Главный продукт экспорта — какао-бобы, отправлялся в социалистические страны в обмен на оружие и сельскохозяйственные машины, которые поставлялись в полном комплекте, включая, в некоторых случаях, и навесные орудия для снегозадержания. Что касается демократии, то ее отдельные атрибуты оказались действительно поразительными. В этом я убедился на другой день, когда оказался в гостях у корреспондента «Правды» Коровикова. Его корпункт располагался в скромном домике, а угощал он нас экзотическими фруктами, которые

произвели бы фурор в Москве. Угощения на стол ставил не хозяин корпункта, а его слуга — пожилой человек, молча выполнявший свои обязанности. В 5 часов дня он вдруг поклонился, показал на часы и простился с нами. Только после этого Коровиков объяснил, что гостям прислуживал первый секретарь райкома правящей в стране партии. Оказалось, что все партийные функционеры Ганы выполняли свои обязанности на общественных началах: у них не было ни зарплаты, ни привилегий. Поэтому они и были вынуждены зарабатывать на жизнь, трудясь на производстве или в качестве прислуги. Впрочем, эти атрибуты демократии не спасли Кваме Нкруму: через несколько лет он был низложен и закончил свои дни вдали от родины. Пока же он восседал во главе стола и следил за строгим соблюдением ритуала. Только после последней запланированной смены блюд он встал, поблагодарил присутствующих и скрылся за ближайшей дверью.

Прием, оказанный гостям в Гане, был действительно, скорее, демократичным. На приеме подобного же рода Менгисту Хайле Мариам, глава Эфиопии, находился в удалении от приглашенных, как божество на каком-то пьедестале, и вооруженные охранники подводили к нему каждого гостя п отдельности, следя за малейшим его движением.

Итак, курицу на официальных приемах руками не едят, закуски шампанским не запивают, хлеб вилками не берут (его дают каждому гостю в мизерном количестве на тарелочке), локти держат ближе к телу, салфетки (естественно, не бумажные) расстилают на своих коленях, при подаче супа в чашке с двумя ручками пользуются ложками, с одной ручкой — его просто пьют. Кстати, маленький совет: покончив с очередным блюдом, не кладите вилку на тарелку острыми концами вниз, это значит, что гость жаждет «добавки». Курить за столом можно только в случае, если последовало соответствующее приглашение со стороны хозяина стола. Что касается переводчика, то он может закурить при условии, что лицо, которое он сопровождает, тоже курит. В противном случае курение отрицательно скажется на вашей занятости, при наличии выбора приглашать будут некурящих переводчиков.

А если выйти за пределы еды, то переводчику важно во время официальных встреч быть в костюме и при галстукe, находиться вблизи представителя своей страны, с которым он работает, и внимательно слушать текст, подлежащий переводу или же краткому пересказу, в зависимости от обстоятельств. Впрочем, уметь слушать и слышать — это не только вопрос этикета, это важнейшее умение переводчика. Но об этом в следующей главе.

18. КАК ГОТОВИТЬ СЕБЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ АУДИРОВАНИЮ

Существует такое иностранное слово «аудирование», которое иногда употребляют вместо слова «слушание». Насколько это правомерно? И будем ли мы от этого иначе слушать чириканье воробьев, героическую музыку Листа или речь на языке суахили? Всё дело в том, что аудирование состоится только в том случае, если вы поймете, о чем чирикает воробей, что хотел сказать своей музыкой Лист и в чем смысл речи на языке суахили. А это значит, что «аудирование» не является синонимом слова «слушание», что *аудирование* — это не просто слушание, а слушание с пониманием, и пониманием именно речи. Самый «ученый» музыкант не скажет: «У меня сегодня состоится аудирование симфонии Бетховена». А вот в обучении иностранным языкам, как и в психологической теории деятельности, термин «аудирование» завоевал прочные позиции, и любой учитель скажет: «Труднее всего в школе научить ребят аудированию иностранной речи», Этот термин стал профессиональным и у переводчиков, которые утверждают, что аудирование при переводе фильмов зависит от качества звука. Итак, умение слушать и понимать речь — это и наша проблема. И для

успешного аудирования необходимы, по крайней мере, четыре условия. Вот они:

- нужно знать язык речи, которую вы слушаете;
- нужно уметь понимать устную речь иностранного языка;
- нужно иметь достаточный информационный запас к лексическим единицам, с которыми приходится работать;
- нужно уметь управлять своим вниманием для того, чтобы уловить самые незначительные смысловые оттенки, которые проявляются в речи говорящего.

Что касается первого условия, то для изучения иностранного языка следует скорее найти хорошие учебники и не тратить время на изучение нашей книги.

Второе условие непосредственно связано с деятельностью переводчика и на нем следует остановиться подробнее. Когда учишь иностранный язык и уже научился читать, писать и даже говорить в пределах усвоенной тематики, то можешь столкнуться (и довольно часто) с неприятным явлением: начинаешь смотреть иностранный фильм и из речи его героев с трудом выхватываешь отдельные слова. Все остальное не понятно. Увы, чтение, письмо и в какой-то степени говорение в порядке, а аудирование не состоялось!

Обратимся к науке. Психологи определяют несколько уровней понимания текста. Самым низким уровнем является *фрагментарный*, при котором реципиент (слушающий) улавливает лишь отдельные слова, словосочетания (фрагменты). Несколько более высоким уровнем считается уровень *общего понимания* текста. В этом случае понятно то, о чем идет речь: о поездке в Крым, об урожае на Алтае, о победе наших спортсменов на первенстве Европы и т. п. Вы прекрасно понимаете, что такой уровень перевода представляется низким. Третий уровень называют *детальным*, это такой уровень, когда уже понимаются отдельные факты (детали) текста, как, например, цвет платья, в котором появилась кинозвезда, звание офицера, спасшего людей при пожаре, количество людей, собравшихся на митинг, и др. И, наконец, четвертый, *критический* уровень понимания текста, когда речь идет уже не только о тексте, но и о *под-*

тексте, т. е. не только о том, что сказано, но и о том, с какой целью сказано.

Если нашему школьнику говорят «тише едешь, дальше будешь», то в зависимости от обстоятельств он понимает, что ему советуют или не торопиться, или обдумать еще раз свое намерение, или делать что-то более аккуратно, или лучше вдуматься в ситуацию и т. д., и т. п. Для человека, который только учит русский язык и не знает еще этой пословицы, ее смысл не выйдет за пределы понятия о езде на каком-нибудь виде транспорта. Естественно, что если малоквалифицированный переводчик довольствуется иногда уровнем детального понимания, то переводчик высокой квалификации должен понимать текст на самом высоком уровне, на уровне критического понимания.

Вот почему если в устной иностранной речи героев кинофильма вы понимаете только отдельные слова, то это значит, что принимать на слух повседневную иноязычную речь вы еще не умеете.

Почему же оказались малоуспешными те несколько лет, которые вы потратили на изучение иностранного языка? Причины надо искать в функционировании одного из следующих речевых механизмов: *речевой слух, проговаривание, вероятностное прогнозирование*. Начнем с речевого слуха.

Слух каждого человека приспособлен к особенностям того языка, который доминирует в окружающей его среде. Но его же слух, особенно если это молодой человек, можно приспособить к звукам, мелодиям и даже тональности другого языка. Особенно легко адаптируются к звучанию иноязычной речи люди с хорошо развитым музыкальным слухом. То есть те, кто умеет отличить ноту «до» от ноты «соль», «Турецкий марш» Моцарта от фуги Баха, арию Виолетты из оперы «Травиата» Дж. Верди от романса Алябьева «Соловей». Труднее приспособляются к звукам нового языка учащиеся с плохим музыкальным слухом. Но все равно, они тоже могут перестроить свой речевой слух. А это произойдет только в результате повседневного слушания иноязычной речи.

Вот что вы могли бы планировать себе для перестройки речевого слуха:

— неоднократное прослушивание имеющихся записей выступлений, отрывков из кинофильмов, театральных постановок на иностранном языке, причем слушать такие записи нужно до тех пор, пока не станет понятным каждое слово;

— систематическое прослушивание передач по радио на иностранном языке в течение 25-30 мин.;

— посещение при первой возможности кинотеатров, демонстрирующих кинофильмы на иностранном языке.

Речевому слуху позволит адаптироваться к иностранному языку *проговаривание*. Дело в том, что, когда мы начинаем активно слушать важный для нас материал, происходит непроизвольное повторение, если не всей речи, то по крайней мере наиболее важных для слушающих слов. Проговаривать иностранную речь достаточно быстро в процессе аудирования мы еще не умеем. Поэтому очень полезно следующее упражнение: поймите по радио или телевидению чье-нибудь выступление на родном языке и повторяйте все слова, которые произносит говорящий. Когда вы это приспособитесь делать, начните отставать от говорящего на 2—3, а потом на 5 слов. Только тут можно почувствовать, что это делать трудно. Не смущайтесь, продолжайте упражняться и постепенно переходите на иностранную речь. Синхронное повторение речи отрабатывает не только проговаривание, но и оперативную память человека, так как для того, чтобы повторить слово с разрывом в 4-5 единиц, необходимо особое усилие психических механизмов.

Речевому слуху может помочь и *вероятностное прогнозирование* — так называют в синхронном переводе умение предусматривать то, что хочет сказать оратор. Для речевого слуха важно прогнозирование прежде всего слов, которые должны последовать за уже сказанным. Нетрудно догадаться об окончании следующих речений: за битого двух..., поспешишь, людей..., с кем поведешься... и т. п. В контексте угадывается значительно больше последующих лексических единиц, но для этого язык надо знать не в словах, а в словосо-

четаниях. Недаром некоторые методисты настаивают на том, чтобы усвоение языка происходило не через слова, а через словосочетания. Важно уяснить себе, как будет на иностранном языке не только слово «автобус», но и слова, его обслуживающие: «садиться в автобус», «выходить из автобуса», «ждать автобус», «переполненный автобус», «старый автобус» и т. п. Такое «комплексное» изучение лексики действительно сослужит хорошую службу, во всяком случае оно способно освободить вас от тех «ляпов», по которым аборигены сразу узнают иностранцев: «взять Метро», «я спасаюсь» (в смысле «я ухажу») и др.

Что касается *информационного запаса* (третье условие), то вы уже представляете себе, о чем идет речь: о тех знаниях, с которыми мы ассоциируем то или иное слово. Если передадут по радио, что государственный секретарь США прибывает в Москву, то кое-кто из слушателей весьма смутно поймет, кто и зачем прибывает в Москву. Совсем другой эффект произведет это сообщение на тех, кто знает, что эта должность вторая в иерархии власти в США, что она примерно эквивалентна нашему министру иностранных дел. Тогда все становится на свои места: ожидаются важные переговоры на межгосударственном уровне, в которых, по-видимому, примет участие и президент. Если для многих из вас слова «траулер» и «тральщик» примерно равнозначны и относятся к морскому флоту, то их появление в речи не создаст в вашем сознании информационного трамплина для перехода к рыболовной (траулер) или военной (тральщик) тематике. В этом случае не состоится и смысловое прогнозирование. Тем самым более ясно вырисовывается роль лингвострановедческой и прочих компетенций в деятельности переводчика.

Остается еще поговорить об умении управлять своим вниманием, которое должно превратить слушание в рабочее аудирование, от которого зависит успех вашей работы и ваша репутация. Учиться управлять своим вниманием начинайте с самого простого, не старайтесь в разговорах с друзьями глушить их своим голосом и слушать только самого себя. Основа успеха работы устного переводчика заключается в умении

слушать других. Поэтому после разговора крикливых, друг друга перебивающих лидеров в группе ваших друзей постарайтесь вспомнить, что и кто из них сказал. Такой анализ шумного обмена сиюминутными идеями проводите возможно чаще. Укрощая свое желание всех перекричать, вы обогатите себя высказываниями других.

Но это только начало. Уже говорилось об очень полезном упражнении в синхронном повторении чьей-либо речи с отставанием на 4-5 слов. Именно в таком упражнении вы тренируете свое внимание, заставляя себя держать в голове уже произнесенные слова и слушая только вновь появляющиеся.

Ваше внимание поможет обострить и чтение про себя иностранного текста с громким произнесением чисел или какого-либо выученного стихотворения с обязательным последующим пересказом смысла прочитанного глазами текста.

И наконец, самое простое упражнение, которое может помочь контролировать достигнутый уровень управления своим вниманием. Оно заключается в следующем. Предлагается прочесть текст. Сначала это может быть текст на родном языке, потом — на иностранном. Вот один из литературных отрывков для этого упражнения.

«Я бродил в полном одиночестве по лесу, — тихий, уже тронутый желтыми и золотыми бликами осени, лес клал мне под ноги сосновые шишки и папоротник. Выйдя к берегу озера, я стал сгребать ногой пестрые камешки и осколки бутылок со следами водочных этикеток, снял галстук и расстегнул ворот. Из-за озера дул живительный ветер, из темнеющего леса тянуло свежестью и хвойным запахом».

Задание заключается в том, чтобы, прочитав внимательно этот отрывок из рассказа, тут же ответить на следующие вопросы:

- Что клал лес под ноги путнику?
- Что делал путник после выхода к озеру?
- Осколки каких бутылок валялись на берегу?
- Какой ветер дул из-за озера?
- Почему вы решили, что путнику было жарко?

Если вы сумели точно ответить на все вопросы, то ваше умение управлять вниманием не вызывает сомнения. Если нет, то обратите внимание на детали, которые выпали из поля зрения в процессе чтения. Наименее существенной деталью в тексте с точки зрения заданных вопросов является прилагательное «живительный», наиболее существенными — указания на признаки теплой погоды.

Управлению вниманием помогут и каверзные психологические задачки, которые последнее время предлагают читателю многочисленные газеты и журналы. Это и сравнение двух рисунков с поиском недостающих или несоответствующих деталей, это и нахождение порядковых чисел в таблице, и спрятанных на рисунке действующих лиц, и многое другое, что появляется в рубриках «На досуге».

Выделению главного, наиболее существенного в поступающей к вам информации в речи, которую вам надлежит переводить, предназначена и переводческая скоропись, с которой пришло время познакомиться поближе.

19. В ПОИСКАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ

В 1960 году мне крупно повезло. В институт, в котором я преподавал, был назначен новый ректор — Ф.Д. Рыженко, блестящий организатор, умный, жесткий руководитель, впервые в послевоенные годы сделавший попытку ввести для студентов свободное посещение занятий. Начал он с переподготовки кадров, подбирая на кафедры наиболее перспективных преподавателей для ведущих дисциплин. Понимая необходимость подготовки переводчиков-международников, он предложил мне поехать в научную командировку в Женеву, где находилась в то время лучшая школа переводчиков, функционирующая на

правах факультета Женевского университета. Несмотря на имеющийся у меня уже десятилетний опыт работы в качестве преподавателя перевода, а скорее именно поэтому, я с удовольствием принял предложение отправиться в *Aima Mater* лучших переводчиков-международников.

Происходило это в годы хрущевской оттепели, когда приоткрылся, наконец, занавес, отделявший нашу страну от Западной Европы с ее старой цивилизацией и непреходящими ценностями. Общее ощущение раскованности, плюс немалый опыт поездок за рубеж и общения с крупными политическими деятелями, которые не раз смеялись над разными идиотскими запретами, внушая мне возможность и самостоятельных прогулок по улицам Стокгольма или Парижа, и посещения кинотеатров в Брюсселе или Вене, и обмена адресами с коллегами или новыми знакомыми в Берлине или Риме, побудили меня воспользоваться услугами авиакомпании Сабена и лететь в Швейцарию по маршруту Москва — Брюссель — Цюрих. В то время билеты на самолеты всех авиакомпаний мира продавались за рубли, поэтому в самом начале мая, без каких-либо трудностей, я оказался в полупустом «боинге», летевшем по маршруту Москва — Брюссель. (Наши самолеты летали сверхзагруженными, поскольку советским пассажирам «рекомендовалось» пользоваться только услугами Аэрофлота.) В Брюсселе меня встречали мои бывшие студенты, а ныне работники посольства — Уранов и Устинов, которые сделали мое пребывание в этом уютном городе очень приятным.

В этом отношении преподаватели перевода оказываются за границей в привилегированном положении: куда бы я ни приезжал, в посольствах или миссиях были мои бывшие ученики. Все они оказывались внимательными и добрыми людьми, старавшимися сделать пребывание своего учителя в далекой от Родины стране приятным и полезным. Независимо от своего положения, они, узнав о моем прибытии, находили меня и окружали своей заботой. Особенно поразил меня наш посол в Венесуэле.

Прилетели мы в 1979 году в Каракас поздно. Мы — это известный поэт М.А. Дудин, депутат Верховного Совета СССР,

журналист газеты «Правда» и бригада синхронных переводчиков, востребованная в эту страну для работы на Конференции в поддержку освободительного движения в Никарагуа. М.А. Дудина, как депутата, встречал посол Казимир Владимир Николаевич, и мы, переводчики, отойдя в сторону, медленно пошли к багажному отделению за своими чемоданами. Продвигаясь по огромным помещениям аэропорта в Каракасе и разговаривая о предстоящей работе, я вдруг услышал свое имя и отчество, которые повторились несколько раз позади меня. К моему удивлению эти слова исходили от самого посла. Только теперь я узнал своего бывшего студента 50-х годов, которого имел честь учить и не только учить, но и поругивать, если почему-либо он не удовлетворял «строгим» требованиям молодого преподавателя. Он оказался на редкость милым и внимательным человеком. Проводив нас в гостиницу, посол оставил мне свой телефон и просил звонить ему в первую свободную минуту. Дважды я посетил его дома, один раз вместе с поэтом Дудиным и журналистом «Правды» на специально устроенном ужине, во время которого вкусные местные блюда сопровождались интересными и тоже местными байками. Другой раз я у него был один, и мы долго вспоминали уютный Институт международных отношений в «Желтом доме на берегу Москвы-реки».

Узнал меня в 1978 году в Мадриде и наш посол в Испании Ю. Дубинин, один из первых моих выпускников-синхронистов, который сумел выкроить для меня несколько минут, несмотря на присутствие таких полных своего собственного достоинства персон, как поэт Е. Евтушенко и известный в медицинском мире ученый Н.Н. Блохин.

Только один из моих учеников, фамилии которого, естественно, я назвать не могу, старался уклониться от встречи со мной в Женеве. И он был, конечно, прав. Вот что с ним произошло в один из светлых дней мая.

Будучи агентом нашей разведки, он купил в Женеве небольшую фотостудию и занялся мелким бизнесом, выполняя при этом задания из Москвы. Великолепно говорящий на французском языке, умный, красивый молодой человек стал

быстро преуспевать и как фотограф, а главное как разведчик, поставляющий в Москву необходимую информацию. В этот солнечный майский день он вышел из своей фотографии на тихую улочку, как бы отстраненную от мирских забот преуспевающего города мелких буржуа и эмигрантов, для того, чтобы подышать благословенным воздухом Швейцарии в отсутствие требовательных клиентов. Улица, на которой находилась фотография, постепенно поднималась к подножию гор, окружавших Женевское озеро. Преуспевающий фотограф закурил и погрузился в свои беспокойные мысли. В это время на пустынной улочке показался прохожий, который, не торопясь, поднимался, внимательно рассматривая витрины небольших лавочек. Походка этого человека фотографу показалась знакомой. Привычная настороженность разведчика заставила его присмотреться к идущему в его сторону человеку. Каково же было удивление молодого бизнесмена, когда в приближавшемся господине он узнал своего бывшего преподавателя, с которым в свое время любил умно спорить по нерешенным вопросам теории перевода. Он быстро затушил сигарету и вошел в свою фотографию. Закрыть ее на ключ было поздно, так как такое действие могло вызвать подозрение не только прохожего, но и какого-нибудь постороннего наблюдателя, что было для него совершенно неприемлемо. Прохожий, а это, как вы поняли, был я, подошел к витрине фотографии. На плече у него висел фотоаппарат, что говорило о возможности получения в данном случае нежелательного для хозяина фотографии заказа на проявление пленки или печатание карточек. Это были сложные минуты в жизни моего бывшего студента. Заход в мастерскую гражданина СССР сам по себе способен был вызвать подозрения у служб безопасности Швейцарии, заход же приезжего офицера из Советского Союза мог привести к провалу успешной деятельности нашего разведчика. «Страшный» прохожий, постояв у витрины, и как всякий истинный гражданин своей страны, пожалевший истратить несколько швейцарских франков на проявление пленки и печатание снимков, пошел дальше по благопристойным улицам Швейцарии.

Все это я узнал позже, когда через пару лет алчный полковник Пеньковский предал свою Родину, а вместе с ней и наших разведчиков в ряде стран. Моему бывшему ученику пришлось прервать свой свой швейцарский бизнес и возвратиться домой, где, впрочем, он добился очевидных успехов на поприще ученого.

Но вернемся к моей командировке. Самолет швейцарской компании Сюисс-эр, вылетев из Брюсселя, приземлился в Цюрихе, откуда в ту же ночь работники нашего посольства доставили меня в Берн, столицу Швейцарии. В этом небольшом уютном городке мне довелось провести всего пару дней. Почему-то наиболее яркие впечатления от Берна, если не считать 20 швейцарских франков, оставленных за ночлег в гостинице, у меня связаны с парой медведей в центре города (живой символ города) и парламентом, работающим с четырьмя языками: немецким, французским, итальянским и отчасти ретороманским, — и все это на 6 миллионов человек, проживающих в этой уютной стране.

В Женеве я ехал на машине одного из работников посольства, что дало мне возможность еще раз насладиться пейзажами Швейцарии и живописно расположенными городками на берегу Женевского озера. Так я оказался в мировом центре перевода 50-х — 60-х годов, поскольку в нем находилось первое и в то время лучшее учебное заведение, специализирующееся на подготовке переводчиков, и лучшие переводческие силы, сосредоточенные в Европейском отделении ООН, преемнике знаменитой Лиги Наций, штаб-квартира которой размещалась в великолепном дворце, специально построенном с этой целью в 1936 году и располагавшем десятью прекрасно оборудованными залами синхронного перевода.

Именно здесь меня ждало постижение профессиональной тайны великих асов последовательного перевода — переводческой скорописи.

20. ЖЕНЕВСКАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДЧИКОВ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СКОРОПИСЬ

Женевский университет, в котором мне предстояло познакомиться с тайнами подготовки переводчиков высшего класса, насчитывал в 1960 году десять факультетов, включая архитектурную школу, педагогический институт им. Ж.Ж. Руссо и школу переводчиков. Причем, если на всех десяти факультетах числилось несколько более 3000 студентов, то в одной школе переводчиков обучалось в то время примерно 700 человек; правда, диплом парламентского переводчика (высшая ступень квалификации) получали ежегодно не более 7-8 человек. Эти цифры говорят, во-первых, о значении школы переводчиков для Женевского университета, а во-вторых, о высоких требованиях, предъявляемых к выпускникам. Сейчас, имея сорокалетний опыт преподавания в вузе, я могу добавить, что такое небольшое количество выпускников высшей квалификации объясняется и той неограниченной свободой, которой не всегда правильно пользуется учащаяся молодежь. В университетах западных стран имеется много студентов из богатых семей, способных платить огромные деньги за учебу и не ходить на занятия, в том числе и «вечных» студентов, достигших сорокалетнего возраста. В университетах есть и малоспособные юноши и девушки, не умеющие самостоятельно приобретать необходимые знания и навыки и не получающие того обильного языкового тренинга на языковых факультетах, который характерен для наших учебных заведений.

В Женевский университет я попал в дни празднования 400-летия со дня его создания и сразу же был приглашен на торжественный вечер ректором университета г-ном Штеллинг-Мишо.

Зал университета переполнен. Студенты сидят с лентами через плечо и с шапочками на голове, цвета которых различаются в зависимости от корпораций, к которым они принадлежат. Профессура во главе с ректором облачена в черные халаты с цветными воротничками, белые манишки и черные шапочки, напоминающие прихлопнутые береты. Начинается торжество речью ректора и оркестровым исполнением Концертины композитора Перголезе. Ректор в своей речи сетует на трудности материального характера и на плохую подготовку студентов-иностранцев, прибывших, главным образом, из новых государств Африки. Его речь кратка и торжественна. Представитель женевских властей вручает ректору чек на 3 млн. франков, собранных по подписке в связи с 400-летием университета. Затем следует награждение ученых почетными дипломами в знак присуждения степени доктора *Honoris Causa*, получающих, кроме того, традиционные черные шапочки. Среди новых докторов и наша Лина Штерн, член Академии наук СССР, которой нет среди присутствующих, так как она числится у партocrats среди диссидентов. Объявляются также именные стипендии студентам, после чего все поют студенческий гимн *Gaudeamus*. Закончился праздник приемом «а ля фуршет» для профессуры и почетных гостей, в число которых попал и я. Мне это было кстати, так как я смог в этот день прилично поужинать.

Так началось мое пребывание в Женевском университете. Начало было праздничным. Но меня еще более порадовало то, что я увидел и услышал в последующие дни. В школе переводчиков студенты постигали тайны скорописи, т. е. таких записей, которые дают возможность запомнить и воспроизвести речь оратора целиком, независимо от того, говорит ли он 3 или 30 минут. В нашей стране о переводческой скорописи в то время вряд ли знали что-либо существенное.

Итак, что такое переводческая скоропись или записи в последовательном переводе? Это наиболее эффективное вспомогательное средство памяти переводчика. Оно эффективно, поскольку стимулирует запоминание, активизируя мыслительные процессы в момент записи. Оно эффективно

и потому, что сохраняет опорные пункты для памяти в момент воспроизведения текста оригинала.

Обычно задают вопрос, а для чего переводческая скоропись, если уже придумана стенография? Ответ на этот вопрос хорошо формулирует Анри ван Хооф в своей книге «Теория и практика устного перевода»: «Дословная запись повлекла бы за собой, естественно, дословное воспроизведение, т. е. отказ от основных принципов перевода. Вот почему мы не приемлем стенографию. Будучи системой записи, основанной на слове, она помешала бы переводчику сосредоточиться на основных мыслях, развиваемых в речи, и, следовательно, дать удовлетворительный перевод»¹.

Добавим к этому для неискушенного читателя, что стенографическая запись каждого слова прячет мысль, которая выражается не последовательностью слов вообще, а последовательностью значений «избранных», ключевых для смысла слов. А найти такие ключевые слова в стенографической записи — это кропотливая работа, требующая анализа записанного, на который в последовательном переводе нет времени.

Не подходят для переводческой скорописи ни конспект, который иногда ведут прилежные студенты, ни протокол — произведение бюрократов. Конспект или протокол фиксируют основное содержание сказанного, а переводчик не имеет права расставаться с не приглянувшимися ему фразами. Он обязан зафиксировать всю информацию, предназначенную для передачи, и создать себе экономные опорные пункты памяти. Это требование и породило свои собственные системы записи у ведущих парламентских переводчиков 20-х — 30-х годов. Более того, многие асы последовательного перевода утверждали, что записи — дело индивидуальное, и каждый переводчик должен сам придумывать себе те или иные правила, знаки и символы скорописи. Так продолжалось до 1959 года, когда вышла небольшая книжка Жан-Франсуа Розана, в которой он постарался суммировать все то, что лучшие переводчики Европы изобретали для облегчения своей учас-

ти в процессе последовательного перевода. А было к этому времени изобретено следующее:

- записывать следует не слова, а мысли;
- записывать слова, если это окажется неизбежным, придется сокращенно;
- в записях нужно показывать связь между записанными словами или символами;
- отрицание удобнее всего показывать перечеркиванием записанного;
- для качественной характеристики записанных опорных пунктов использовать различные виды подчеркивания;
- записи располагать вертикально;
- вертикальное расположение записей совмещать с их ступенчатостью.

Эти приемы и поспешил зафиксировать Ж.-Ф. Розан.

К символам, которые встречаются в записях, автор первой книги о переводческой скорописи относится весьма сдержанно и советует ими не злоупотреблять. Своим ученикам он предлагает запомнить всего десять символов.

Примеры записей в книге Ж.-Ф. Розана даны на английском языке, практически же он советует производить записи на том языке, на котором осуществляется перевод.

Все это богатство, которое у нас принято называть переводческой скорописью, свалилось на меня при первых контактах с переводчиками-профессионалами в Женевском Дворце Наций, а также при посещении занятий в школе переводчиков. Называть же это богатством было достаточно оснований, поскольку у себя дома мы превращали последовательный перевод в абзацно-фразовый, при котором вынуждены были останавливать оратора после каждого высказывания, смазывая тем самым стилистические и эмоциональные особенности его речи. Предстояло, однако, осмыслить и переработать все виденное и слышанное для того, чтобы предложить нашим учащимся в Москве систему, опирающуюся на русский язык и доступную всякому переводчику. Именно систему, а не просто «идею», которую мог бы воплотить в практическую деятельность любой способный

переводчик, именно систему, так как ее надо было изложить учащимся так, чтобы они способны были ее освоить.

Первым вопросом, требующим решения, был язык записей. Менять язык в зависимости от того, на какой язык осуществляется перевод, представлялось малоубедительным. Во-первых, потому что все переводчики-профессионалы, которых мне пришлось наблюдать, вели свои записи на одном языке, независимо от языка перевода. Во-вторых, потому что в Москве обучение записям можно было организовать только исходя из русского языка. Впрочем, вскоре мои сомнения развеял переводчик ООН и по совместительству преподаватель школы переводчиков г-н Чиликин. Вырос он в русской семье, жившей преимущественно во Франции, а изучать основы переводческой скорописи ему пришлось в Лондоне. По моей просьбе он показал записи, которые были им сделаны во время последовательного перевода с русского на французский. Записи были сделаны на основе английского языка. Значит, наиболее сильным фактором при усвоении переводческой скорописи оказался язык, на котором эти записи он изучал. Этот факт придавал мне уверенности: в Москве будущим переводчикам необходима система записи, разработанная на базе русского языка, независимо от родного языка учащегося. Все остальное явилось результатом большой теоретической и практической работы, которая завершилась выпуском в свет в 1969 году моей книги «Пособие по устному переводу (записи в последовательном переводе)», по которой учились и учатся большинство студентов на переводческих факультетах нашей страны.

Изложить эту книгу здесь не представляется возможным, но рассказать об основах записи в последовательном переводе в ее русскоязычном варианте было бы, по-видимому, для пытливого читателя полезно. Тем более что вышеупомянутая книга стала уже библиографической редкостью. Итак, посвятим следующую главу записям в последовательном переводе и некоторым самостоятельным шагам, которые может предпринять в этом направлении юноша или девушка, жаждущие продолжать свой жизненный путь к вершинам переводческого искусства.

21. СИСТЕМА ЗАПИСЕЙ В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Человеку, хорошо понимающему иностранную речь, переводить мешает иностранный текст. Он видит или слышит знакомые слова, заменяет их на слова родного языка и получает косноязычную, а иногда и невразумительную фразу, которую и представляет как вариант перевода. Для того чтобы этого не получалось, необходимо семантическую информацию (значения слов), заключенную во фразе, сопоставить с ситуацией, в которой она произнесена или написана, и определить таким образом смысл сказанного. После этого — осознанный смысл выразить на языке перевода по законам, существующим для этого языка. В процессе восприятия на слух исходного текста можно выполнить только первое действие, а именно: определить смысл высказанного. Выразить письменно смысл воспринятого на другом языке сообразно норме этого языка в условиях острейшего дефицита времени — невозможно. Однако можно найти и по-экономней записать смысловые вехи высказывания, т. е. слова, словосочетания или их эквиваленты, в которых заключен смысл, заключена информация, предназначенная для передачи. Для этого и существует смысловой анализ как первое действие в последовательном переводе.

Итак, смысловой анализ. Какие приемы смыслового анализа существуют, чтобы их рекомендовать начинающим переводчикам? Прежде всего — выделение слов и словосочетаний, концентрирующих смысл высказывания. Вот как это выглядит практически. Предлагается для смыслового анализа следующее высказывание: «В работе конгресса принимают участие 2476 делегатов и наблюдателей, кроме того, техничрский аппарат конгресса включает 322 человека». Смысл этого высказывания сосредоточен в данных количе-

ственного состава конгресса, все остальное переводчик знает. Он знает, что идет конгресс и что на всяком конгрессе, кроме делегатов, находятся переводчики, машинистки, секретари, референты и другой обслуживающий персонал. Поэтому важными для него словами являются: 2476 — делегаты, наблюдатели, 322 — аппарат. Так, вместо 16 слов он выделяет только пять. Но это еще не все. Можно использовать и еще один прием — синонимическую замену. Слова «делегаты и наблюдатели» легко выражаются одним словом — «участники», тем более что количественный показатель (2476) их объединяет.

Кроме выделения ключевых слов и синонимических замен, опытные переводчики прибегают и к приему выделения в тексте рельефных слов. Обратимся еще к одному примеру. Необходимо записать кратко следующую фразу: «Нам доставляет большое удовольствие принимать сегодня президента дружественного нам государства, его супругу, а также всех тех, кто оказал нам честь, как говорится по-русски, разделить с нами хлеб-соль». Записанные опорные пункты могли бы выглядеть так: «рады президенту», «супруге», «всех», «хлеб-соль». Обращает внимание запись второстепенного по смыслу выражения «хлеб-соль». Дело в том, что конец произнесенной фразы составляет большой причастный оборот, смысл которого заключается в необходимости подчеркнуть радушие и воспитанность хозяев. Конечно, об этом могло бы напомнить слово «всех», но тогда произошло бы стилистическое обеднение фразы, в которой выражение «разделить хлеб-соль» подчеркивает не только гостеприимство, но и экспрессивность приветственной речи. Экспрессивного выхолащивания речи опытный переводчик позволить себе не может.

Выделение ключевых слов или рельефных и синонимические замены и составляют основу смыслового анализа как первого шага в записях при последовательном переводе.

Второй шаг заключается в записи выделенных слов и словосочетаний или их субститутов (заместителей). В этой связи возникает мысль о возможности прибегнуть к сокращенной буквенной записи, поскольку во многих словах можно найти

значительное число «лишних» букв. Ученые, занимающиеся теорией информации, считают, что первоначальный текст может быть легко восстановлен, если число пропущенных букв составляет 25% от их общего числа. Опыт ведущих переводчиков подтверждает такую возможность, и на этой основе Ж.-Ф. Розан в своей книге предлагает записывать только две-три первые и столько же последних букв каждого слова. К сожалению, этот совет никак не подходит к русскому языку. Если взять «Словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, то окажется, что в нем около 5000 слов начинаются буквами «пр-» и 140 слов — с «прод-». Причем около 2500 слов, начинающихся с «пр», имеют всего четыре окончания: «-ый», «-ие», «-ка», «-ик». Следовало искать другие пути. Анализ русской буквенной и фонетической систем показал, что в русском языке второстепенную смысловоразличительную роль в слове играют гласные, а потому именно они и могут не записываться, если только не стоят в начале, а часто и в конце слова. Запись первых букв в слове резко повышает вероятность понимания сокращенной буквенной записи. Отказ от записи гласных в середине слова и сдвоенной согласной сокращает буквенную запись на 38-40%, если исходить из таблиц частот букв русского языка, которые предлагаются в научных изданиях. Записанные без гласных слова легко прочитываются, особенно в известном контексте, как это имеет место в последовательном переводе. Вот пример такой записи: прмшлнсть и слъск. хзство ндвлплнли план прв. плгдия.

До сих пор мы говорили о буквенной записи выделенных слов и словосочетаний, но есть и более экономный прием: записывать выделенные смысловые опоры не буквами, а с помощью символов. Что такое символ? Символ в системе записей выступает как носитель признака, присущего группе близких друг к другу понятий. Так, если взять обычные кавычки «, то они в письменном тексте призваны обозначать прямую речь. Следовательно, кавычки могут быть использованы для обозначения большого количества слов, связанных с речью, таких как, например, *речь, выступление, тост, доклад, оратор, разговор, газета, журнал, книга, говорить, писать, беседа-*

вать и т. п. В случаях, когда переводчик владеет ситуацией, т. е. хорошо понимает, о чем говорит оратор, которого он должен переводить, использование кавычек для замещения любого из перечисленных, а также и некоторых других слов, вполне оправдано.

Символы имеют ряд преимуществ перед буквенной записью. Во-первых, они экономичны: изобразить кавычки значительно быстрее, чем слова «доклад», «беседовать», «газета» и др. Во-вторых, их отличает наглядность. Записанные буквами слова часто бывают неразборчивыми, тем более если они даны в сокращенной буквенной записи. В-третьих, символы универсальны. Они связаны не со словами какого-либо языка, а со значениями слов, и не зависят от языка-источника. Все это и определяет популярность символов у опытных переводчиков. Тем более что символы выбирает сам переводчик и чаще не просто выбирает, а придумывает в зависимости от своего видения тех или иных понятий. Так, одни обозначают все связанное с войной, армией через изображение орудия, другие — через огни фейерверка, третьи — через скрещенные шпаги, нарисованные в виде печатной буквы «X». Вот почему символы в процессе обучения не навязываются учащимся. Впрочем, некоторые рекомендации могут быть полезны. Вот в чем они заключаются.

— Имейте всегда в своем распоряжении так называемые предикативные символы, с помощью которых легко обозначать отношения между подлежащим (объектом) и различного рода дополнениями. С этой целью можно использовать обычные стрелки. Так, стрелка, направленная слева направо, призвана обозначать движение, направление, обращение, результат и т. п., т. е. заменять слова *уехать*, *прилететь*, *достичь*, *отправить*, *посетить*, *передать* и т. п. Стрелка, направленная справа налево, несет обратный смысл и может заменять слова *получать*, *присоединять*, *принимать*, *привлекать*, *обретать*, *импортировать* и т. п. Стрелка, направленная под углом снизу вверх, заменяет слова *улучшать*, *повышать*, *поднимать*, *наращивать*, *усиливать*, *умножать*, *увеличивать* и т. п. Стрелка, направленная под углом

сверху вниз, означает *уменьшать, снизить, смягчить, сокращать, ухудшать, терять* и пр. К предикативным символам относят и знак равенства из математики, который заменяет слова *быть, являться, составлять, равняться, представлять собой* и пр.

— В записях постоянно требуются временные показатели, для которых чаще всего употребляют ту же стрелку, но в других вариациях. Стрелка, направленная перпендикулярно вниз, показывает настоящее время, т. е. значение таких слов и словосочетаний, как *сегодня, в этом месяце, в этом году, в настоящее время, теперь, в переживаемый нами период* и т. д. Стрелка, направленная перпендикулярно вниз, а потом под углом в 90° назад, обозначает прошедшее время, а именно: *вчера, в прошлом месяце, в старые времена, несколько лет назад* и др. Стрелка, направленная перпендикулярно вниз, а потом под углом 90° вперед, подсказывает будущее время, как, например, *завтра, через неделю или год, в перспективе, в ближайшее время* и т. д. Кроме того, следует предусмотреть символы начала действия (начальная скобка) и конца действия (конечная скобка), а также периода времени (ограниченная с двух сторон горизонтальная линия, величина которой зависит от периода времени).

— Переводчику важно учитывать и модальность высказывания, т. е. отношение говорящего к содержанию речи, что всегда сопутствует ораторским выступлениям. И эту модальность чаще всего необходимо сохранить в переводе. Для этого нужны модальные символы, а именно: «да», которое означает положительное отношение к рассматриваемым вопросам, латинское «m», передающее возможность, латинское «f» для выражения необходимости, сослагательное «by», способное передать желательность, и математический знак «≈» для обозначения неопределенности. Отрицательное отношение к предмету дискуссии может быть выражено через перечеркивание записанного.

— Имейте всегда в запасе символы качества, чтобы передать оттенки значения зафиксированных смыслов. В этом случае прибегают к подчеркиванию записанного одной чер-

той, когда нужно усилить значение слова (Q — важная конференция), к подчеркиванию двумя чертами в случае усиления в превосходной степени (Q — исторический съезд) и к подчеркиванию пунктиром, если то или иное событие, тот или иной объект выполняют скромную роль (?... — второстепенный вопрос).

Итак, вы уяснили, что такое смысловые опорные пункты, вы знаете, что их обозначают либо через сокращенную буквенную запись, либо с помощью символов. Теперь полезно познакомиться с тем, как размещать сокращенные слова и символы на бумаге. Для их размещения на бумаге используют *правило вертикализма*.

Уже первые переводчики, начинавшие записывать устные выступления, подлежащие переводу, заметили, что размещение записанных смысловых опорных пунктов в линию доставляет некоторые неудобства. Во-первых, уходит время на перенос руки от одного края листа бумаги к другому. Во-вторых, такая запись затрудняет ее расшифровку, так как обозначения расположены рядом друг с другом, непонятна связь между ними, не определены границы между высказываниями. Именно поэтому было предложено вести записи на узкой полосе бумаги, располагая их ступенчато и начиная каждую фразу с края листа бумаги. Дальнейшие исследования показали, что правило вертикализма обретает особую ценность, если вертикальная запись ведется в соответствии с прямым порядком слов в предложении. При этом на первое место с левого края бумаги ставится группа подлежащего, на второе место, т. е. на ступеньку ниже и отступив немного от левого края бумаги, пишется группа сказуемого с дополнениями и обстоятельствами, расположенными друг под другом и правее слова, которое они дополняют или поясняют. Вот как будет выглядеть фраза, приведенная в начале этой главы, в которой говорится об участниках и аппарате конгресса и которая записана в соответствии с правилом вертикализма:

2476 УЧСТНКВ + 322 АПРТ

Вы уже поняли, что предикативный символ стрелка показывает участие в конгрессе, который обозначен символом, передающим признак круглого стола.

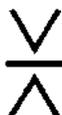
Иногда задают вопрос, а не осложняет ли работу переводчика переконструирование предложений, которые начинались не с подлежащего? Нет, не осложняет, и вот почему. Во-первых, переводчик начинает выполнять свои записи, только прослушав значительную часть предложения, во-вторых, большинство европейских языков имеют прямой порядок слов в предложении, и, наконец, самое главное заключается в том, что искать подлежащее в прослушанной фразе не требуется, подлежащее в виде субъекта появляется в голове переводчика в процессе осмысления воспринятой на слух речи, и оно не обязательно совпадает с подлежащим фразы, полученной от источника. Короче говоря, переводчик записывает не предложенный ему порядок слов, а порядок слов предложения, передающего осознанный им смысл.

Такая запись дает дополнительный выигрыш и при оформлении перевода, поскольку построить фразу на одном из европейских языков гораздо проще, начиная с подлежащего, чем с другого члена предложения.

"Правило вертикализма позволяет создать четкое представление о связях между обозначениями смыслов предложения, а также обозначениями смыслов смежных предложений. Вот некоторые из них.

« Ответ наш ясен — мы говорим войне решительное нет ».

Ответ:

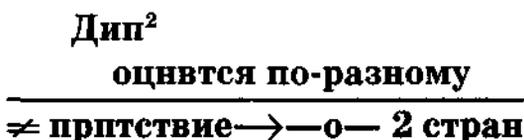
Две точки отделяют вводную часть предложения от главного сообщения.

«Когда между двумя соседними государствами существуют хорошие отношения, от этого выигрывают обе страны».

Наклонная черта показывает причинно-следственные и временные отношения как внутри предложения, так и между предложениями.

«Некоторые явления международной жизни оцениваются различными государствами по-разному. Это не должно служить препятствием к сотрудничеству между этими государствами».

Горизонтальная черта выражает относительное подчинение между двумя предложениями.

«Промышленная продукция снизилась на 12% по сравнению с тем же периодом 1989 года».

«Христианские демократы потерпели серьезное поражение на выборах 1980 года, в то же время социал-демократы одержали убедительную победу».

Две параллельные линии используются для выражения сопоставления в широком плане, в том числе и одновременности действий.

«Государственный секретарь США посетил ряд арабских стран с тем, чтобы урегулировать существующие между ними разногласия».

ГОС СЕКРЕТЬ США
→ **АРЬ**
→ ~~**РАЗНОГЛАСИЯ**~~

Длинная стрелка, направленная вперед, служит указанию цели, заменяя слова: *чтобы, лишь бы, для, ради* и т. п.

«Первое место в турнире занял молодой шахматист, хотя среди участников были опытные гроссмейстеры».

~~**ШХМТСТ**~~
→ **ГРОСМЕТРЫ**

Для выражения уступительности наклонная черта дважды перечеркивается, показывая несостоявшиеся причинно-следственные отношения.

Ну что же, теперь у молодого читателя появилось общее впечатление о структуре и правилах системы записей в последовательном переводе. Кое-кто захочет ею овладеть, тем более что она может оказаться полезной не только в профессиональной деятельности переводчика. Так, мои коллеги, преподаватели смежных дисциплин в высших учебных заведениях, не раз обращали мое внимание на то, что некоторые студенты конспектируют их лекции (и не только лекции, но и что «кошунственно» — первоисточники!?) каким-то «секретным кодом»! На мой взгляд, даже такое конспектирование лекций ничего кроме пользы им не принесет, так как в этом случае учащиеся не имеют возможности отвлекаться, заниматься посторонними делами в то время, когда довольные самими собой солидные профессора вещают с кафедр, предлагая слушателям полезную и не очень полезную информацию. Запись лекции требует постоянного анализа прослушанного, выбора для себя действительно нового и полезного, того, что ищет в аудиториях институтов и университетов молодое по-

коление. Вот почему нам представляется полезным дать несколько практических советов молодым, желающим овладеть переводческой скорописью.

22. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ К ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ

Юноша, решивший изучить систему записей в последовательном переводе и сделать ее вспомогательным средством своей будущей деятельности, и не только переводческой, но и референтской, и коммерческой, и журналистской, да и просто познавательной, может уже сейчас приступить к ее практическому усвоению.

Начинать лучше всего со смыслового анализа. Для этого при каждом удобном случае старайтесь выделять в письменных или устных сообщениях смысловые опорные пункты. Так, предположим, вычитаете: «По статистическим данным, численность населения города на Неве упала ниже пятимиллионной отметки, хотя в начале нынешнего года в Санкт-Петербурге проживало свыше пяти миллионов человек». Сразу же записывайте: **С.-Птрбрг ↓ 5 < года ↑ 5** (подчеркивая цифры, мы избавляемся от нулей).

Так вы себя тренируете не только в выделении ключевых слов, но уже и в некоторых правилах скорописи (сокращенная буквенная запись, предикативные стрелки, подчеркивания). В этих записях показано, как при помощи двух подчеркиваний, т. е. использования символа качества, можно обозначить миллионы. Тысячи представлены одним подчеркиванием, а миллиарды — тремя. Вы заметили, наверное, и два предикативных символа (стрелки), обозначающие слова «ниже» и «выше».

Такие упражнения с текстами из газет делайте почаще, а потом переходите на выделение смысловых опорных пунктов из устных сообщений, прибегая к передачам радио или телевидения.

Для смыслового анализа важны и синонимические замены, т. е. нахождение эквивалентов к выражениям, а потом и к целым фразам во время чтения тех же газетных или журнальных текстов. Как правило, такие замены должны быть короче исходных, как, например: *оказывать дружескую поддержку — помогать, широкий обмен мнениями — дискуссия, не скрывать своего намерения — открыто, взаимное стремление к сотрудничеству — взаимопонимание.*

Если вы уже достаточно грамотно пишете по-русски, то можете по 5-10 минут переписывать небольшие тексты, выбрасывая гласные в середине слова. При этом более внимательное чтение слов, подлежащих сокращению, может даже улучшить вашу грамотность.

Текст в сокращенном буквенном выражении обязательно перечитывайте. Во-первых, нужно уметь читать записанные таким образом слова, а во-вторых — это дополнительная тренировка в расшифровке своих записей. Если у вас есть вредная привычка писать своеобразно или просто неразборчиво некоторые буквы, то такая тренировка может привести и еще к одному результату: вы начнете писать более четко и по правилам правописания. А это высоко ценит начальство, которое по долгу службы вынуждено иногда разбирать каракули своих подчиненных. Ну, а для начала попробуйте прочесть следующий текст:

«Мэр С.-Птрбрга издл рспржние првсти кнкрс пргрм по оздрвлнию эклгчской обствнки в Неве и Нвскй губе. Нбхдмо ршт 2 прблмы. Обспчть длншее сущствние экосстмы Нвскй губы и вствнть спсбнсть ее к очщнию. А во-втрх, зщтть грд от нвднний».

В данной зашифровке текста есть одно нарушение правила сокращенной буквенной записи. Имя собственное Санкт-Петербург записано сокращенно. Имена собственные рекомендуются записывать полностью, иначе могут быть серьезные

трудности при расшифровке записей. В данном случае специфика названия города Санкт-Петербург и контекст (река Нева) позволяют пойти на нарушение правила. Если же вы все же не знаете, что Санкт-Петербург стоит на Неве (вряд ли это возможно), то сокращенную запись не производите.

Начните подыскивать для себя символы, т. е. знаки, изображения, рисунки, которые возникают в вашем сознании в связи с тем или иным словом. Как мы уже говорили, символы должны отвечать особенностям мышления каждого индивидуума. Возникшее представление сразу же распространяйте на смежные понятия, имеющие тот же признак, что и ваше представление. Например, директор вашего учебного заведения — строгий и умный руководитель, который в вашем воображении на голову выше своих подчиненных. Так может возникнуть образ головы, которую можно изобразить через кружок на палочке «☛». Не ограничивайтесь использованием этого символа для обозначения своего начальника, он несет признак любого начальника, руководителя, главы. В результате этот символ будет использоваться для обозначения главы государства, президента, премьер-министра, председателя парламента, министра, директора школы, и даже классной руководительницы, тренера команды, вождя племени, лидера партии, мэра города, руководителя делегации, Папы Римского, главы концерна, председателя собрания, вожатого, экскурсовода и т. п.

Широко используйте общепринятые знаки. Возьмем вопросительный знак. Он легко превращается в символ, если начинает обозначать такие понятия, как вопрос, задача, проблема, головоломка, азартная игра, состязание, конкурс, познание, загадка, шарада, трудность, препятствие и кое-что другое. Может возникнуть вопрос, а как при прочтении записей вспомнить, какое именно слово обозначает вопросительный знак? В той редкой ситуации, когда возможна ошибка или когда записи придется расшифровывать через продолжительный отрезок времени, к символу в помощь памяти может быть прибавлена буква, например, к символу «вопрос» прибавьте букву «к», и вам станет ясно, что речь идет о конкурсе.

Умейте шире использовать уже имеющиеся в вашем распоряжении символы, и не только за счет нахождения новых слов — носителей признака, закодированного в вашем символе.

Символы способны породить новые символы. Часто используют, например, квадрат в его графическом изображении в качестве символа территории, страны, государства, республики, округа и т. п. Если переосмыслить обычный треугольник, то его можно рассматривать как часть квадрата, а значит — и как символ слов *представитель, делегат, посол, консул, анклав, поместье, ферма, концессия* и т. д. Идя по этому пути, временной символ — начальную скобку, обозначающую *начало, открытие, первый день работы, новый год* и т. п., легко переделать в *восстановление, реконструкцию, воспроизведение, реставрацию, ремонт*, прибавляя к ней еще одну скобку. И таких примеров много.

Есть еще одна возможность расширения зоны действия символа. Назовем её обобщением. Для обобщения символа его следует заключить в круг. Так, заключенный в круг квадрат обозначает уже не страну или ограниченную территорию, а земной шар, планету, мир, вселенную. Символ «кружок на палочке», напоминающий руководителя, главу, заключенный в круг, становится правительством, парламентом, правлением, президиумом, командованием. Думайте, как можно обобщить найденные вами символы, и у вас окажутся новые возможности сократить свои записи, сделать свой код более экономным.

Ваши символы смогут расширить ваш арсенал и благодаря конкретизации символа. Конкретизация символа достигается путем возведения его в квадрат. Так, если знак равенства заменял слова *быть, являться, результат*, то возведение его в квадрат превращает знак равенства в *товары, различные виды продукции, итоги*. Модальный символ «d» (долженствовать) в квадрате обозначает *требования, претензии, запросы...*

Символы обретают новое значение и антонимическим путем, т. е. через отрицание того признака, который они не-

сут. Так, если символ в виде большой буквы «X» («скрещенные шпаги») обозначает вооружение, войну, а латинская буква «V» — победу, независимость, то перечеркнутые они начинают обозначать: первый — разоружение, отказ от применения оружия или силы, а второй — поражение, потерю независимости и др.

Не забудьте, что у вас есть возможность комбинировать символы. Так, если кружок — символ, обозначающий совещание, конгресс, встречу, — соединить со стрелкой, направленной вверх, то можно получить понятие «встреча на высшем уровне». Соединение стрелки, направленной слева направо, с буквой «Ж» будет обозначать «проводить в жизнь», а подчеркнутые одной чертой кавычки — «приказ», «постановление», «указ»...

Итак, займитесь изобразительным искусством. Выразите рисунками, условными знаками свои представления, находите к ним синонимы, антонимы, расширяйте или конкретизируйте их значение, сочетайте символы в различных комбинациях — все эти умственные игры не только обогатят ваш собственный код для записей, но и разовьют логическое мышление, умение вычленять в окружающих предметах существенные и второстепенные признаки, анализировать поступающую информацию и выходить тем самым на более высокую ступень мышления.

Кроме смыслового анализа, сокращенной буквенной записи и различных манипуляций с символами, практикуйтесь в вертикальном расположении записей. Для этого выбирайте в тексте любые предложения и записывайте их в узком пространстве бумаги (ширина не более 10 см) по правилу прямого порядка слов. Вот самый простой пример.

Текст: «Выступление генерального секретаря ООН в связи с предстоящей сессией Генеральной Ассамблеи широко комментирует печать».

Запись: Пчать:

При вертикальной записи слов используйте и те дополнительные средства, которые показывают причинно-следственные, временные, сопоставительные и другие связи, существующие как внутри предложения, так и между предложениями. Скорее всего, вы найдете еще и другие возможности повышения эффективности своего личного кода, но в любом случае углубление в тайны синтаксиса, познание средств выражения своих и чужих мыслей ничего кроме пользы вам не принесут. Если же вы сумеете найти книгу «Записи в последовательном переводе» (М., 1997) того же автора, что и эта книга, то у вас появится самоучитель, который способен на протяжении 20 уроков заменять преподавателя и помочь познать прилежному ученику переводческую скоропись.

23. БЛЕСК И НИЩЕТА СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Настало время подробно поговорить о поражающем воображение и, одновременно, в чем-то примитивном виде переводческой деятельности — синхронном переводе. О синхронном переводе слышали все. Все знают, что синхронным называется такой перевод, который осуществляют одновременно с речью оратора, что синхронный перевод — обязательный атрибут всех солидных международных конференций, что синхронно могут переводить только «избранные» переводчики и что они получают за свою работу солидные гонорары. Все это верно и в то же время не совсем так. Постараемся прояснить в юношеских головах эти и справедливые, и далекие от истины положения. Начнем с истории появления синхронного перевода.

В 1926 или 1927 году (различные источники сообщают разные даты) на имя бостонского радиоинженера Гордона Финли и президента фирмы «ИБМ» Томаса Уатсона был вы-

дан патент на синхронный перевод. Им удалось создать установку, в которой была воплощена идея владельца магазина в Бостоне Эдуарда Филена об одновременном с речью оратора переводе. В 1928 году на VI конгрессе Коминтерна в Советском Союзе впервые переводчики переводили синхронно, используя только микрофон. Об этом пишет один из первых асов синхронного перевода в нашей стране Е.А. Гофман, ссылаясь на журнал «Красная нива». Вот его слова: «В журнале "Красная нива" за этот год можно увидеть переводчиков, сидящих в креслах перед трибуной. На шее у них громоздкое приспособление, поддерживающее микрофон. Телефонов (наушников) нет. Звук воспринимается непосредственно с трибуны»¹. Рассматривая фотографии, понимаешь, что такая организация перевода не вызывала особого восторга ни у переводчиков, ни у их слушателей. Ловить содержание речи оратора или переводчика в котле постоянных помех (хождение и разговоры делегатов и членов президиума, шум проходящего транспорта и многое другое) слишком утомительное и малоэффективное занятие как для переводчиков, так и для присутствующих в зале. Поэтому синхронный перевод коснулся своим крылом нашей страны следующий раз только в 1933 году на XIII пленуме Исполкома Коминтерна, когда переводчикам были предложены наушники. Затем синхронный перевод использовался эпизодически: в 1935 году — на XV Международном физиологическом конгрессе в Ленинграде, в 1936 году — на заседаниях бельгийского парламента (в Бельгии два государственных языка), в 1938 году — в Голландии и т. д.

По-настоящему, как профессиональный вид деятельности, синхронный перевод заявил о себе на Нюрнбергском процессе во время суда над нацистскими военными преступниками. Именно там была предложена современная американская установка, которая впервые показала преимущества синхронного перевода в многоязычной аудитории, и именно там были представлены впервые две профессиональные ко-

¹ Гофман Е.А. К истории синхронного перевода // Тетради переводчика. — 1963. №. 1. — С. 20.

манды синхронных переводчиков: одна — советская, другая — американская. Только после этого, несмотря на ожесточенное сопротивление переводчиков ООН, которые не хотели признавать преимущество синхронного перевода над последовательным, синхронный перевод с 1951 года прочно утвердился не только в ООН, но и на многочисленных международных форумах.

Почему же синхронный перевод вытеснил последовательный с наиболее важных международных конгрессов и конференции? Только по одной причине. Потому что после второй мировой войны возросло в несколько раз количество рабочих языков в залах встреч представителей различных стран. На авансцену международной жизни вышли и Советский Союз, и Китай, и Латинская Америка. Если до второй мировой войны международные организации в своей работе ограничивались двумя языками (французским и английским), то после победы союзников над фашистами рабочими языками стали и русский, и китайский, и испанский. Совершенно очевидно, что в таких условиях последовательный перевод потребовал бы в пять раз больше времени для заседаний (пять официальных рабочих языков), чем синхронный перевод. Что касается качества перевода, то, без всякого сомнения, при наличии квалифицированных переводчиков последовательный перевод даст значительно более высокие результаты с точки зрения точности, полноты, экспрессии выражения и нормативности текста перевода.

В нашей стране, бедной на международные контакты вплоть до хрущевской оттепели, знакомство с международными форумами и совещаниями совпало с приобщением их участников к синхронному переводу. Классического последовательного перевода с записями у нас многие так и не увидели. Абзацно-фразовый же перевод, при котором перебивают даже в середине высказывания, ломая и стилистику и экспрессию речи, ничего общего с работой переводчика-профессионала с большой буквы не имеет. Скорее всего, по этой причине устного переводчика высшей квалификации у нас называют синхронным переводчиком. Во французском и англ-

лийском языках принято другое наименование — «переводчик конференций».

Остановимся еще на одном преимуществе синхронного перевода. Синхронного переводчика для его эффективной работы требовалось изолировать от шума зала заседаний, а его речь сделать доступной каждому реципиенту (слушающему). Так возникли кабины синхронистов и встроенные в кресла делегатов телефонные установки, позволяющие выбирать им тот язык, который они лучше всего понимают. Как правило, такие установки предусматривают 5-6 рабочих языков. Впрочем, и здесь мы оказались впереди планеты всей. Если на XX съезде в 1956 году зал Кремлевского Дворца съездов был оборудован с учетом семи рабочих языков, то уже к концу 60-х годов он позволял использовать на конференциях и съездах тридцать(!) рабочих языков. Конечно, все 30 языков никогда не использовались, тем более что первые кабины синхронного перевода оборудовались полностью закрытыми из боязни террористических актов. Герметичность кабин угнетала переводчиков, которые были лишены возможности наблюдать за оратором, а следовательно, и лучше его понимать. Позже эти кабины были оснащены телевизорами, а нивые уже строились с застекленной стороной, которая позволяла переводчику наблюдать за тем, что делалось в зале, в президиуме и как произносит свою речь оратор. Именно через стекло кабины переводчика нашей команде синхронистов пришлось наблюдать и старческий плач одного из руководителей Советского государства К.Е. Ворошилова, когда Н.С. Хрущев поносил его за пособничество группе сталинистов в Политбюро, и триумф первого космонавта планеты Ю. Гагарина, и полуграмотное чтение написанных референтами речей Л.И. Брежнева. А до кабин Кремлевского Дворца съездов мы находились вообще далеко от зала заседаний, на другом этаже, в закупоренном пространстве под наблюдением работников госбезопасности и не имели доступа в зал.

Одновременно за рубежом был создан и радиовариант для синхронного перевода. Он функционировал следующим

образом: при входе в зал все участники заседания получали небольшие радиоприемники, которые можно было повесить на шею; они имели свои собственные телефоны в виде пластмассовых пробочек, которые вставлялись в уши и которые были связаны с приемником проводом; на самом приемнике был переключатель, позволяющий выбрать один из рабочих языков. Такие радиоприемники ловили речь оратора не только в зале, но и в соседних помещениях. Это обстоятельство очень нравилось делегатам, особенно западным. Они предпочитали проводить большую часть времени не в зале заседаний, а в буфете, болтая со своими коллегами и появляясь на своих местах только тогда, когда объявляли о выступлении интересующего их оратора. Через стекла кабин синхронистов нередко можно было наблюдать странную картину: выступает оратор, в зале сидит пара делегатов и только места, отведенные для советской делегации, всегда оставались заполненными. Наши люди демонстрировали редкую для залов заседаний Парижа или Брюсселя дисциплину, прекрасно понимая, что иначе в делегацию советской общественности или профсоюзных активистов не попадешь. Но если в составе наших делегаций можно было часто встретить «лишних» людей, которых возили в качестве доказательства того, что государством у нас управляют простые люди (кухарки), то деловые представители «империализма» быстро оценили преимущества радиоварианта синхронного перевода и не теряли драгоценного времени на сидение в зале заседаний. Естественно, именно они и высказались за синхронный перевод.

Кроме того, синхронный перевод стал быстро «устраивать» и ораторов, и переводчиков. Ораторов, поскольку он выдворил с трибуны переводчика, который своим профессионализмом нередко подчеркивал неграмотность и косноязычие выступающего, отодвигая его на второй план и уязвляя его самолюбие. Переводчиков, поскольку их затворничество и речевое жонглирование двумя языками придавало им ореол исключительности и дарило известную независимость. К тому же, ляпнув какую-нибудь глупость, оратор мог свалить

всю вину на переводчика, так как ошибки в сложных условиях одновременного слушания и говорения всегда более простительны.

К сказанному нельзя не присовокупить то действительно сложное, что существует в профессии синхронного переводчика.

Во-первых, работа переводчика в режиме синхронности требует постоянной мобилизации внимания и непрерывного говорения. А это приводит к тому, что через 20-30 минут перевода у синхрониста появляется усталость артикулярного аппарата, язык становится «ватным», снижается самоконтроль и в тексте перевода возникают серьезные ошибки. Именно по этой причине режим работы синхронных переводчиков предполагает, как минимум, сорокаминутный отдых после двадцати минут работы, а следовательно, и создание групп или команд в составе 3-4 человек для каждой кабины. К сожалению, эти условия работы часто нарушаются. Иногда по вине переводчиков, которые, стремясь больше заработать, предпочитают переводить вдвоем по очереди, а чаще по вине работодателей, стремящихся сэкономить валюту или послать в командировку вместо полного комплекта переводчиков комплект чиновников. Иногда это происходит и по другим причинам.

В 1959 году меня направляли в командировку в Стокгольм в качестве синхронного переводчика на очередную Конференцию сторонников мира. Мне было поручено вместе с Н.В. Алейниковой, опытной переводчицей, великолепно владеющей французским языком, обеспечить французскую кабину. Два человека на кабину — это уже работа на износ. Каково же было мое удивление, когда на аэродроме стало известно, что соответствующие органы не дали добро на ее поездку за рубеж. И это при том, что и до этого и после она не раз выезжала за границу. Конечно, пути ведомства госбезопасности неисповедимы, но факт остается фактом — в Стокгольме оказался только один синхронный переводчик с французским языком — языком, господствовавшим в то время в Движении сторонников мира. Это была, пожалуй,

самая изнурительная международная конференция в моей жизни. С 10 часов утра и до 2 часов дня я сидел без подмены в кабине и переводил с французского на русский и наоборот. Во время обеда приходилось отвлекаться на перевод разговоров наших руководителей с франкофонами. С 4 часов дня до 6-7 часов вечера — снова работа конференции, а после ужина нескончаемые переговоры в номерах гостиницы, где решались основные спорные вопросы и редактировались резолюции. Только после полуночи измученный, не способный более открыть рот и шевельнуть языком, я возвращался в свой номер и погружался в беспокойный сон, наполненный натиском «происков империализма», «гонки вооружений», «поджигателей войны» и других штампов, ничего кроме набора звуков для меня более не значащих. Как я завидовал своим коллегам по английской будке, где О.Н. Быков, в будущем доктор наук и заместитель директора ведущего академического института, и А.В. Коллонтай, тоже будущий доктор наук и уже тогда внук знаменитой соратницы В.И. Ленина, блаженствовали, на мой взгляд, имея возможность постоянной подмены, хотя и им приходилось трудиться основательно. На фоне беспросветной усталости меркли интересные люди с их интересными судьбами, лишенные из-за отсутствия переводчиков контактов со своими знаменитыми коллегами из других стран. А их было много. Именно видные деятели литературы и искусства составляли «имидж» своих делегаций. В советскую делегацию, например, входили на этот раз и Дм. Шостакович, великий композитор XX века, и Григорий Александров, известный режиссер, автор лучших кинокомедий эпохи сталинизма, и поэт Н. Тихонов, возглавлявший в то время Советский комитет сторонников мира, и еще один поэт — бурный, политизированный А. Сурков, и уже упоминавшиеся мною А. Корнейчук и И. Эренбург. Эта командировка длилась 10 дней, но вернулся я в Москву выжатый как лимон, замученный и уже неспособный к словоизлияниям, которых ждали от меня мои приятели и сослуживцы после «интересной» командировки. Синхронный перевод своей

непрерывностью и напряжением действительно в состоянии замучить даже опытного переводчика.

Вторая трудность синхронного перевода связана с реакцией переводчика, а точнее, с его реактивностью. Синхронист вынужден ежесекундно мгновенно реагировать на воспринимаемые на слух слова, а точнее, словосочетания. Именно поэтому синхронный перевод отпугивает медлительных людей, хотя и превосходно владеющих иностранным языком. Хорошее знание двух или нескольких языков не является непременным условием успехов синхронного переводчика. Таким условием, скорее, является наличие у него непременного запаса эквивалентных пар лексических единиц, связанных между собой знаковой связью, позволяющих переводить не через анализ и синтез, а в плане модели «стимул-реакция», т. е. не через мышление, а через условные рефлексy. Именно в этом направлении должна происходить и подготовка синхронных переводчиков, о чем мы будем еще говорить более подробно.

Перечисленные трудности синхронного перевода искупаются его невидимым преимуществом, о котором далеко не всегда любят говорить переводчики. Для работы в качестве синхронного переводчика не обязательно безукоризненно владеть узуальным, обычным набором разговорных стандартов иностранного языка. А именно эта сторона речи иностранца вместе с произношением выдает его «чужеродность» при общении с носителями языка. И если произношение при желании можно отработать в скучнейших фонетических упражнениях, то запомнить и правильно употребить род существительных, спряжение неправильных глаголов, а главное — бесконечное количество исключений из правил, для человека даже с выдающейся памятью в условиях оторванности от соответствующего языкового окружения, — задача чрезвычайной трудности. Где-нибудь он обязательно допустит ляпсус. Я уже говорил о потомке князей Андрониковых, личном переводчике французских президентов. Прекрасно владея русским языком, который он усвоил в детские годы, князь самоуверенно вещал в последователь-

ном переводе: «Встречу руководителей Франции и Советского Союза следует рассматривать как происшествие (!) огромной важности...» Поправить князя его русские коллеги, в том числе и ваш покорный слуга, так и не решились. Так вот, в отношении ляпсусов в синхронном переводе: их допускают даже при переводе на родной язык, а не только в дебрях иноязычной грамматики. И это воспринимается, если только ляпсус не следует за ляпсусом, как закономерное явление в работе синхронистов, в которой решающим становится не оформление перевода, а четкое и быстрое понимание воспринимаемого устного текста, понимание, позволяющее в то же время прогнозировать появление последующих лексических единиц.

Правда, такое прогнозирование при работе с немецким языком способно преподносить сюрпризы из-за провокационных конструкций с глаголом-сказуемым на последнем месте. Вот как об этом рассказывает наш коллега из Германии: «Оратор... говорит с ударением, обстоятельно... и бесконечно наращивая цепочку придаточных конструкций. С чем-то они что-то сделали. Не могу понять, что они сделали: закончили, подготовили, отклонили или пересмотрели. Напряженно пытаюсь представить, что он хочет сказать, и безнадежно забываю все сказанное. Запоминать не имеет смысла — он уже влез в следующий придаточный оборот. Замолкаю. Оратор сбавляет темп и смотрит на меня. Молчу. Я мог бы сказать, что они осуществили, выполнили или реализовали, а потом сделать замысловатый боевой разворот и пристроить конкретизацию — завершение, подготовку, отклонение или пересмотр. Не могу. Молчу. Он смотрит выразительно. Набираюсь нахальства и сообщаю, что мне нужен глагол... Публика ехидно улыбается». (Б. Штайер. О механизме синхронного перевода // Тетради переводчика. — 1975. — № 12. — С. 10.)

Впрочем, в отношении решающего значения аудирования в синхронном переводе наши западные коллеги долго придерживались обратной точки зрения. Именно частое появление речевых ляпсусов в тексте перевода определило принятую ими систему синхронных установок, согласно кото-

рым переводили только на родной язык и во все кабины поступала только речь выступавшего оратора. В результате переводчики французской кабины, а следовательно, предлагавшие исключительно французский вариант текста, должны были уметь переводить с английского, немецкого, испанского, русского и других рабочих языков, если таковые имеются. Переводчики английской кабины переводили только на английский, испанской — на испанский, и т. п. Такая система ставит в основу успеха в переводе не аудирование, а оформление перевода, что вполне удовлетворяет слушателей, которые, не зная языка исходного текста, реагируют лишь на неудачные выражения переводчика, а не на искажения речи оратора. Эти искажения они замечают позже, когда сталкиваются с документами или с информацией, которая противоречит полученной от переводчика.

При создании установок синхронного перевода в нашей стране исходили из другого постулата. В условиях Советского Союза, где на огромных просторах достаточно было знать один русский язык, многоязычных переводчиков иметь было трудно. В наших учебных заведениях выпускали, главным образом, специалистов, знающих в совершенстве только один иностранный язык и весьма туманно — второй. Это обстоятельство и предопределило гораздо более, на наш взгляд, эффективную установку для синхронного перевода, предусматривающую поступление в кабину переводчика не только речи оратора, но и его перевода на другие языки, в том числе и на русский. Таким образом, каждая кабина предназначалась на выдачу текстов не одного, а — как минимум — двух языков (родного и иностранного). Та же французская кабина в наших условиях предлагала вариант перевода на русский язык, если выступающий говорил по-французски, и на французский — при использовании оратором других языков. Так довольно прочно утвердился двухступенчатый перевод: оратор говорит на английском языке, английская кабина переводит на русский, все остальные кабины переводят на свой, закрепленный за ними язык. Если же в этих кабинах есть переводчики, предпочитающие переводить непосредственно орато-

ра, то они могут это сделать при помощи переключателя каналов поступающей к ним речи. Такая система позволяет использовать в синхронном переводе не только многоязычных, но и двуязычных переводчиков — во-первых, а во-вторых, она отдает приоритет аудированию. Синхронист, свободно принимающий и понимающий текст, предназначенный для перевода, способен избежать тех искажений, которые встречаются у переводчика, получающего в телефоны плохо понимаемую иностранную речь.

Итак, наступила пора подвести итоги с позиций общепринятых положений о синхронном переводе. Синхронный перевод действительно осуществляется одновременно с речью оратора, что дает значительный выигрыш времени и изгоняет из залов конференций минуты и часы нескончаемого томления, которое охватывало присутствующих, ожидающих перевода речи, произносимой на неизвестном им языке. Именно поэтому синхронный перевод стал обязательным атрибутом солидных международных конференций. В то же время синхронный перевод дает продукцию более низкого качества, чем последовательный перевод, и оставляет впечатление плохо дублированного кинофильма. Для работы в режиме синхронного перевода требуется известная выносливость и соответствующая подготовка, способная выработать речевую реактивность у переводчика. Синхронный перевод легче и лучше осуществляется при переводе с родного языка на иностранный, а не наоборот, как это многие считают. Учитывая все это, можно констатировать, что «избранность» синхронного переводчика заключается всего-навсего в соответствующей профессиональной подготовке, которая, как известно, необходима для любого специалиста. И последнее: оплата труда синхронных переводчиков на Западе действительно всегда была высокой. Что касается наших синхронистов, то об этом лучше расскажет следующий эпизод из практики советского синхронного переводчика.

Где-то в начале 60-х годов я попал в команду синхронных переводчиков во Дворце Наций в Женеве. Наша коман-

да занимала русскую кабину, т. е. по западному варианту переводила все речи, независимо от языка, на котором они произносились, на русский язык. Мы и подобраны были соответственно: переводчик с английского, переводчик с испанского и я — переводчик с французского языка. Естественно, при таком раскладе кто-то сидел несколько смен подряд в кабине (если ораторы, сменявшие друг друга, говорили на одном языке), а кто-то в это время прохладился в коридорах Дворца Наций. Спасал нас от перегрузок точный регламент, при котором в заранее определенное время все синхронисты замолкали и выходили на перерыв, заставляя подчиняться установленному порядку и многоречивых делегатов из развивающихся стран. В перерывах или во время ожидания «своего» оратора мы с удовольствием общались с синхронными переводчиками ООН. И вот угораздило меня на вопрос западного коллеги, который поинтересовался, сколько нам платят за день работы, ляпнуть — 9 долларов. В действительности же нас привезли в Женеву, разместили в приличной гостинице, кормили и еще выдавали в день 9 долларов так называемых суточных. Нам эти условия казались хорошими, так как позволяли не только беззаботно путешествовать, но и привозить кое-какие сувениры домой. По-другому взглянул на наше положение мой собеседник. Такой ответ его возмутил. «Но вас же эксплуатируют! — воскликнул он. — На питание вполне достаточно 10 долларов в день, тем более что утренняя еда входит в счет гостиницы. Так что пусть они не ссылаются на расходы на питание! Вы просто не знаете, что гонорар синхронного переводчика составляет 48 долларов в день! Мы не потерпим дискриминации! Или вам платят по международным расценкам, или мы объявляем забастовку». Мне стоило немалых усилий погасить вспыхнувшее у него чувство солидарности, и то лишь после того, как удалось его убедить, что нам произведут доплату в рублях у себя дома. В начале 60-х годов 48 долларов — это были большие деньги, в настоящее время гонорар рядовых синхронистов превышает 250 долларов в день, а если речь идет о признанных асах своего дела, то эту сумму можно удвоить или утроить.

К сказанному следует добавить, что мы живем не в 60-е годы, изменилось многое и у нас. Во всяком случае сегодня и наши ведущие синхронные переводчики получают солидные деньги на многочисленных международных мероприятиях, моду на которые никто остановить не в состоянии.

24. «СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ» СИНХРОНИСТА

Настало время приоткрыть «тайну» подготовки синхронного переводчика, его «секретное оружие», которое позволяет справляться со стрессовой ситуацией раздвоения внимания, сопоставления двух языков, переключения с одного кода на другой и функционирования самоконтроля в условиях приема речи. Таким «секретным оружием», как это ни странно, является знаковый способ перевода, подальше от которого стремятся увести обучаемого большинство преподавателей перевода.

В главе 8 уже говорилось, что объективно существует только два способа перевода: смысловой и знаковый. И если смысловой способ заключается в том, чтобы, осознав смысл произнесенной фразы, сформулировать его на другом языке, то знаковый способ предполагает переход от знака (слова или словосочетания) одного языка к знаку другого. Знаковый способ легко приводит на практике к буквализмам, и текст перевода может принять уродливую форму «смеси французского с нижегородским». Именно поэтому знаковый способ признан варварским как в письменном, так и в последовательном переводах, но он в состоянии сыграть роль палочки-выручалочки в синхронном переводе.

Действительно, синхронный переводчик не имеет ни времени, ни полноценной возможности для того, чтобы осознать и оценить смысл полученного в наушники высказывания. Он работает постоянно в диапазоне двух-семи слов

плюс еще нескольких лексических единиц или смысловых опорных точек, возникающих в его голове в результате работы механизма вероятностного прогнозирования. Дальнейшее отставание от оратора грозит ему окончательным срывом. Поэтому большинство синхронистов работают в режиме перевода словосочетаний (хуже, если кто-то скатывается при этом на уровень слов). Получая словосочетание на исходном языке, они тут же используют вынырнувший из долговременной памяти эквивалент на языке перевода, вставляя его с учетом грамматических законов в поток текста перевода. И если тематика речи переводчику хорошо знакома и у него уже создано двуязычное семантическое поле в русле этой тематики, то синхронный перевод складывается в непрерывную нить, связывающую между собой эквивалентные словосочетания. С практикой приходит известный автоматизм, который создает иногда удивительную картину в кабине синхрониста. Переводчик сидит в кабине, переводит, не пропуская ни одного смыслового сегмента в речи оратора, а сам в это время просматривает газету или даже пишет записку для передачи своему напарнику. Это происходит, когда в речи оратора не возникает чего-либо неожиданного, взламывающего рутинные атрибуты речи. В противном случае в своей деятельности переводчик вынужден переходить из режима автоматической работы на уровне навыков в режим осмысления со всеми сопутствующими явлениями в виде отставания от речи оратора, пропусков второстепенных деталей, речевых сбоев.

Из сказанного можно сделать вывод, что синхронным переводчик становится только в том случае, если в его голове два языка сосуществуют не дистанцированно, а в едином семантическом поле рабочих ситуаций, предполагаемых контекстов, заданной тематики. Синхронного переводчика, готового к манипулированию устойчивыми словосочетаниями и терминами по любой специальности, не существует. Однако опытный синхронист может за пару дней подготовить себя к выполнению своих функций по малознакомым для него проблемам. Он обычно дает согласие на работу при

условии предоставления ему за несколько дней до конференции основного доклада на родном и иностранном языках в письменном виде (такой доклад готовится на рабочих языках заблаговременно). Из текстов доклада выписываются все незнакомые термины и речевые обороты с их эквивалентами в другом языке, которые и заучиваются в оставшиеся до конференции дни. Так в его арсенале появляются иногда малознакомые словосочетания вроде «яловый скот», «импортная квота», «гранулированный суперфосфат». Что касается типичной для конференций лексики, как например: *запрашивать заключение экспертов, выступить по порядку ведения заседания, констатировать нарушение правил процедуры, желать укрепления добрых отношений* и других, то ее он обязан знать постоянно в виде двуязычных эквивалентов.

Итак, всякий, желающий готовить себя к будке синхрониста, должен выработать у себя условный «знаковый» рефлекс, т. е. мгновенную реакцию на воспринятое словосочетание его эквивалентом на другом языке. Причем такая реакция будет полноценной, если она носит двусторонний характер, т. е. не только в направлении «родной язык — иностранный», но и наоборот. Практически выработать «знаковый» рефлекс можно, упражняясь в создании семантического поля (см. главу 13), т. е. выписать эквивалентные пары словосочетаний двух языков, записать их на пленку магнитофона вразброс, а именно: два-три русских словосочетания, пара их иностранных эквивалентов, еще несколько русских речений, в том числе и уже предъявленных, затем иностранные словосочетания и т. д. Записанное прокручивать несколько раз на магнитофоне с переводом на слух в высоком темпе каждого фразеологизма. Паузы между словосочетаниями, записанными на пленке, следует постепенно уменьшать, пока ответы не достигнут подлинного автоматизма. Такие упражнения делаются неоднократно, следуя известному правилу «эхо», которое заключается в простой арифметической прогрессии повторений.

А это значит, что если вы упражнялись первый раз первого числа какого-либо месяца, то повторять упражнение с теми же словосочетаниями следует второго, потом четвертого, седьмого, одиннадцатого, шестнадцатого и т. д., в зависимости от вашей памяти. Это необходимо для становления прочных знаковых связей, или, что то же самое, для становления навыка переключения. Автоматическое извлечение из долговременной памяти слова или словосочетания представляет собой лексический навык, если же речь идет об извлечении такого слова или словосочетания в результате предъявления их эквивалента на другом языке, то лексический навык трансформируется в навык переключения. Таким образом, навык переключения является как бы одним из проявлений лексического навыка. Конечно, лексический навык, как и всякий другой, теряется без периодических подкреплений, но он и быстро восстанавливается при его повторном включении в деятельность.

В подготовку синхронного переводчика включается также дистанцированное синхронное повторение воспринимаемого на слух текста. Мы уже говорили в главе 12 об упражнениях в проговаривании текста в процессе аудирования. Они очень важны при подготовке к синхронному переводу, и особенно при дистанцированном повторении, т. е. с отставанием на несколько слов, что заставляет повторять воспринятое не автоматически, а с осмыслением поступающей в наушники речи. В этом случае отрабатывается навык не просто синхронизации слушания и говорения, а именно аудирования и говорения, т. е. говорения с осмыслением воспринимаемой речи.

Также необходимо усложнить уже предложенные читателю упражнения в управлении своим вниманием при одновременном чтении про себя и счете вслух. Для синхронного перевода важно не чтение, а аудирование. Поэтому наденьте наушники и начните слушать незнакомый текст сначала на родном, а потом — на иностранном языке. Сосчитав, например, до ста, остановитесь и расскажите содержание прослушанного. В первые дни это будет очень трудно сделать, но

постепенно вы приспособитесь и уже недели через две заметите, что стали полноценным синхронистом, т. е. человеком, способным и слушать, и говорить.

Закончить свою подготовку к синхронному переводу можно синхронным переводом текста, с которым вы имели возможность предварительно ознакомиться. Причем такое знакомство должно становиться все более беглым, постепенно выводящим будущего синхрониста на самостоятельную практическую работу с незнакомыми текстами.

Завершить эту главу хотелось бы восстановлением в единой системе тех этапов подготовки переводчика к его сложной деятельности, о которых говорилось на предыдущих страницах этой книги.

Напомним, что начинать следует с общей подготовки к профессии переводчика. Она заключается в совершенствовании владения иностранным языком, глубокого изучения его лексики во всем многообразии ее связей, обретении языковой, речевой и лингвострановедческой компетенции. Не познав вторую культуру, культуру народа изучаемого языка, нельзя в достаточной степени понимать речь этого народа.

Затем начинается основной этап подготовки переводчика. Этот этап называется основным, потому что он создает базу для билингвистической деятельности, каковой является деятельность переводчика. На этом этапе механизм билингвизма получает свое завершение, и прежде всего в виде навыка переключения и сложного умения девербализации, освобождающего человека от цепких структур языка исходного текста. Это также время совершенствования техники речи и овладения основами ораторского искусства.

Только после этого можно переходить к этапу работы над последовательным переводом с его оригинальной переводческой скорописью, которая сделает вас независимыми от ораторских длиннот и освободит вашу память от перегрузок. Основной этап подготовки переводчика и этап работы над последовательным переводом более подробно изложены в моей книге «Последовательный перевод. Теория и методы обучения» (М.: Воениздат, 1969).

Последний этап своей подготовки посвятите синхронному переводу, и прежде всего овладению знаковым способом перевода и навыком синхронизации аудирования и речи. Многие упражнения к синхронному переводу вы уже узнали из этой книги. Если же вы решили серьезно заняться этой деятельностью, то обратитесь к книге А.Ф.Ширяева «Пособие по синхронному переводу. Французский язык» (М., 1982).

Итак, в добрый путь, молодые люди, которые действительно поняли, что язык это не только более широкое общение и познание новых культур, но и одна из наиболее увлекательных профессий современного, все более тесного и взаимодействующего, несмотря на расстояния, мира людей.

25. ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА?

Нам многое удалось узнать о жизни, работе и заботах переводчиков различных рангов, но до сих пор мы остерегались вторгаться в теоретическую область перевода, область, в которой делается попытка объяснить, что происходит в голове человека, когда он переходит от одного кода (языка) к другому и выбирает и старается сохранить то, что является существенным в речи источника. Однако без этого не обойтись, и начнем с того, что уясним, что такое теория и для чего она нужна.

Любая теория возникает при необходимости понять и объяснить происходящие вокруг нас явления, окружающие нас предметы, существующие между ними взаимосвязи. Понять и объяснить все это можно только путем внимательного изучения этих явлений, предметов (объектов). Исследование (изучение) того или иного объекта и лежит у истоков любой науки.

Объект науки носит, как правило, конкретный характер, хотя его конкретные проявления и не всегда доступны

исследователю. Но если сам объект отличается достаточной конкретностью, то его понимание бывает различным. Каждый человек (субъект) имеет свое видение окружающей действительности, свое понимание ее фактов. И когда это видение, это понимание он начинает излагать, аргументируя свою точку зрения, то на свет появляется еще одна теория, которая может в чем-то совпадать с другими теориями, а в чем-то отличаться от них. Такие теории и составляют предмет науки. Их изложение вы можете найти в ваших учебниках.

Из сказанного ясно, что теория перевода включает различные точки зрения на процесс передачи сообщения в случаях, когда коды (языки), которыми пользуются источник и получатель, не совпадают. Различие точек зрения при этом объясняется не только различием в осмыслении воспринятых явлений, но и в закрытости самой сущности перевода. Исследователь процесса перевода имеет в своем распоряжении обычно два текста: исходный и переводной. А как происходит переход от одного языка к другому, этого исследователь не видит, он может только делать выводы из наблюдения за своими действиями при переводе или использовать так называемый метод «черного ящика». Метод «черного ящика» представляет собой сопоставление данных на входе и выходе, т. е. данных исходного текста с данными выходного текста.

Итак, существует несколько теорий перевода, несколько осмыслений того, что делает переводчик, что в его деятельности способствует передаче сообщения, а что представляется малоэффективным. Расскажем в нескольких словах об этих теориях, а вам, как будущим практикам, а может быть, и теоретикам перевода, — выбирать одну из них в качестве исходной.

Первая теория перевода, с которой полезно ознакомиться, называется теорией закономерных соответствий. Наиболее полно эта теория разработана в трудах Я.И. Рецкера. В них перевод рассматривается как комплексное сопоставление структурно-семантических узлов, составляющих единое понятийное целое. Под структурно-семантическими узлами

понимаются единицы речи двух языков, выполняющие в основном совпадающие функции. Такими единицами речи могут быть и отдельные слова, и словосочетания и предложения.

При этом выделяются эквивалентные соответствия или постоянные эквиваленты, т. е. речевые единицы двух языков, которые независимо от контекста всегда обозначают одно и то же. К таким соответствиям относятся, например: *Организация Объединенных Наций* — *Organisation des Nations Unies* и т. п.; *заседание при закрытых дверях* — *Riunione a porte shiuse, meeting in camera*; *Черное море* — *Black Sea, Mer Noire* и т. п.

Кроме эквивалентных соответствий Я. И. Рецкер выделяет варианты и контекстуальные соответствия, т. е. такие соответствия речевых единиц в двух языках, которые определяются контекстом, ситуацией. Так, английское прилагательное *academic* в зависимости от контекста может иметь несколько соответствий: *academic year* — *учебный год*, *academic question* — *теоретический вопрос*, *academic institute* — *академический институт*.

И, наконец, третьей категорией соответствий считаются все виды переводческих трансформаций, когда соответствие создает переводчик, исходя из смысла речевой единицы. В этом случае на помощь может прийти и описательный перевод (*батрак* — наемный рабочий в сельском хозяйстве), и различные приемы логического мышления в виде конкретизации значения (*зелень* — петрушка, сельдерей, укроп и т. д.), генерализации значения (*ехать* — *aller, go*), антонимического перевода (*остаться в Москве* — не уехать из Москвы) и др. Таким образом, теория закономерных соответствий объясняет процесс перевода как процесс поиска и нахождения различных видов соответствий. В рамках этой теории перевод выступает, с одной стороны, как ремесло (знание эквивалентных и контекстуальных соответствий), а с другой — как высокое искусство языковых трансформаций.

Значительный интерес представляет и другая теория — ситуационная. Ее приверженцы, и прежде всего такой круп-

ный лингвист, как В.Г. Гак, утверждают, что наилучшие результаты в переводе достигаются тогда, когда переводчик, воспринимая текст оригинала, уясняет себе, какую ситуацию он описывает или какая речевая ситуация этот текст породила, а после этого находит единицы ррчи, которые используются в аналогичной ситуации на языке перевода. Так, например, если отъезд французской делегации домой на русском языке (*французская делегация вылетела на родину*) обозначают с помощью слов, выражающих способ передвижения + недостаточно конкретное место назначения, то по-французски на первое место выходит сема (смысловая часть слова) «возвращение», а место назначения конкретизируется: *La delegation française regagne Paris*. В ситуации пересылки груза, содержащего бьющиеся материалы, русский отправитель указывает материал («Осторожно, стекло!»), а английский — его качество («Fragile»). Таким образом, ситуационная теория отталкивается от смысла высказывания, как объективной данности, отождествляя смысл с ситуацией. В рамках этой теории переводчик действует как высококвалифицированный лингвист, владеющий теорией и практикой двух языков.

Нельзя пройти мимо и трансформационной теории перевода, которую разрабатывали И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг в нашей стране и Ю. Найда — за рубежом. Их теория, в двух словах, исходит из того положения, что существует язык-посредник или так называемые ядерные структуры, в которые трансформируется (преобразуется) воспринимаемый текст. Для передачи этого текста на языке перевода его необходимо снова трансформировать, т. е. развернуть в речь по законам этого языка. Нетрудно заметить, что трансформационная теория исходит из признания субъективного смыслового кода, описанного в трудах наших ведущих психологов, и прежде всего Н.И. Жинкина, хотя и сводит этот код к лингвистическим ядерным структурам. Другими словами, в трансформационной теории намечился отход с чисто лингвистических позиций в сторону литературоведческих, что превращает переводчика в литератора и признает за ним творческое начало.

Более подробно нам хотелось бы остановиться на информационной теории перевода, которая, на наш взгляд, ближе всего подошла к ответу на вопрос, что такое перевод? Но прежде чем излагать информационную теорию перевода, уясним себе некоторые термины, которыми нам предстоит оперировать.

Начнем с термина «сообщение». Это слово часто используется в обиходной речи в смысле «какой-либо текст, предназначенный для слушателя или читателя». В теории перевода термин «сообщение» совпадает не с текстом вообще, а с той информацией, которая предназначена для передачи. Если вы попросили у своего приятеля, студента, одолжить некоторую сумму денег, а он вам отвечает, что только завтра получит стипендию, то сообщение в этом случае будет заключаться не в дне выдачи стипендии, а просто в том факте, что у него нет сейчас денег, которые он мог бы вам дать. И это при том, что в высказывании «Нам только завтра выдадут стипендию» нет ни слова об отказе помочь. Таким образом, термин «сообщение» не есть текст, воспринятый вами, а информация, которую может извлечь только конкретный адресат, знакомый с создавшейся ситуацией.

Еще один термин, важный для теории перевода — «инвариант». В математике этим термином обозначают выражение, остающееся неизменным при определенном преобразовании переменных, связанных с этим выражением. В переводе инвариантом также называют то, что должно быть выражено в обоих высказываниях: исходном и переводном. Но если учесть, что высказывание — это всегда не только совокупность слов, но и ситуация или контекст, в которых эти слова прозвучали, то становится очевидным, что искать инвариант в тексте, независимо от ситуации или контекста, совершенно бесперспективно. Вот почему термин «инвариант» в переводе должен означать именно ту информацию в высказывании, которая должна быть передана.

Полезно уточнить то, что мы понимаем под термином «информация». В теории перевода информацией называют сведения, которые несет речевое произведение в той или иной кон-

кретной ситуации. При этом под ситуацией понимают совокупность элементов реальной действительности, существующих в момент общения или описываемых в тексте. Речевым произведением является любой текст, а информация, которую несет речевое произведение, может быть семантической, т. е. заключенной в совокупности значений слов, и информацией о структуре речевого произведения. Под структурой речевого произведения понимается его организация, так как речевые произведения отличаются своим синтаксисом и стилем, а в поэзии еще размером и рифмой.

Итак, в процессе коммуникации (общения) переводчик сталкивается с семантической, ситуационной информацией и информацией о структуре. Исходя из взаимодействия семантической и ситуационной информации, переводчик (как и любой другой адресат) делает вывод о смысле высказывания.

Из сказанного напрашивается интересный вывод. Поскольку семантическая и ситуационная информации у различных адресатов редко совпадают, значит и смысл одной и той же фразы может различаться у адресатов. Увы, это так. Смысл воспринятого высказывания весьма индивидуален, и переводчик должен суметь подойти как можно ближе к тому смыслу, который вложил в свое высказывание источник речи.

Но и этого мало. Из ситуации общения переводчик должен еще уяснить, а как хочет быть понятым источник, формулирующий высказывание. Это необходимо для того, чтобы не просто «перелицевать» исходный текст, а найти и соответствующим образом передать сообщение, т. е. ту информацию, которая предназначена для получателя.

Какая же информация предназначена для передачи? Если речь идет о художественном переводе, о переводе литературных произведений, то для передачи предназначены все три вида информации: и информация семантическая в совокупности с ситуационной в виде смысла, и информация о структуре текста. Другими словами, переводчик должен не просто сохранить содержание произведения, но и стиль, эстетику автора, жанровый характер произведения, средства

художественного выражения, в том числе и формы стихосложения. В этом случае переводчик должен быть литератором. Не всегда это возможно, поэтому и остаются до сих пор непознанными представителями других народов такие великие поэты, как А.С. Пушкин, Дж. Байрон или В. Гюго, но к этому следует стремиться.

Если речь идет об устном переводе, то здесь информацию, предназначенную для передачи, составляет чаще всего смысл, т. е. совокупность семантической и ситуационной информации, а иногда только семантическая или ситуационная информация, впрочем, об этом уже говорилось в главе 5.

В целом информационная теория перевода констатирует, что перевод не всегда есть верное и полное выражение средствами одного языка того, что выражено средствами другого языка (см., например, А.В. Федоров «Основы общей теории перевода», М., 1968, с. 15), а что его целью является передача сообщения или инвариантной информации. И в этом плане переводчик — профессия многоликая и не всегда совмещаемая в одном лице. Не каждый может быть и литератором, и оратором, и лингвистом, и художником.

Кроме того, информационная теория перевода утверждает, что процесс перевода есть не межъязыковая трансформация, а *поиск* и *передача* информации, что переход от одного языка к другому осуществляется на информационном уровне, хотя это и не исключает лексических или семантических трансформаций в деятельности переводчика (подробнее об информационной теории перевода см. в книге Р.К. Миньяр-Белоручева «Теория и методы перевода». М., 1996).

Теперь, когда вам удалось узнать, как представляют себе процесс перевода представители теории закономерных соответствий, ситуативной, трансформационной и информационной теорий перевода, попробуем выяснить, а для чего все эти теории нужны? Может быть, все эти споры вокруг различных теорий оставить ученым, а переводчикам просто переводить? Что ж попробуйте, но не забывайте, что в любом осмыслении происходящего существуют драгоценные крупички истины, которые освещают путь практиков.

Так, благодаря теории закономерных соответствий можно искать и находить постоянные эквиваленты и их заучивать, не торопиться переводить, не зная контекста, использовать в своей практике такие приемы, как конкретизация или генерализация значения, описательный или антонимический перевод и некоторое другое. Вот сколько полезных рекомендаций таится в одной теории закономерных соответствий.

Ситуационная теория обращает наше внимание на имеющиеся языковые стандарты в каждом языке и предлагает их искать и сопоставлять в аналогичных ситуациях, как при их описании, так и в тех ситуационных клише, которые для них существуют и являются первым признаком аутентичности речи, речи, свободной от влияния родного языка переводчика.

Трансформационная теория как бы предопределяет технику перевода при смысловом способе, утверждая существование языка-посредника или ядерных структур. Она в значительной степени обосновывает роль переводческой скорописи, и не только в последовательном переводе, но и в учебном процессе.

И наконец, информационная теория перевода преодолевает границы письменного перевода и понимания перевода вообще как полной передачи средствами другого языка содержания и формы подлинника, выделяя такое понятие, как информация, предназначенная для передачи, или сообщение. Она впервые вычленила из практики два способа перевода, как объективно существующие закономерности перехода от одного языка к другому, и описала их. Она вскрыла пути определения информативности текста и вариативность информационного запаса субъекта в зависимости от лексических единиц. Именно информационная теория послужила основой создания системы обучения различным видам перевода. Она предложила, наконец, теорию несоответствий, позволяющую оценивать сделанный перевод с помощью точных и простых для повседневной практики методов измерения информации при сравнении оригинального и переводного текстов. Об этом следует рассказать поподробнее.

26. ЧТО ТАКОЕ ТЕОРИЯ НЕСООТВЕТСТВИЙ В ПЕРЕВОДЕ

В предыдущей главе мы постарались показать уязвимость определения перевода как воссоздания единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Эта уязвимость объясняется тем, что любое речевое произведение составляют: сумма его формальных компонентов (графические и звуковые комплексы слов, связи между словами), сумма его семантических компонентов (лексические и грамматические значения высказывания), сумма его смысловых единиц. Представить себе полное совпадение этих трех составляющих можно только разве в теоретических рассуждениях. Отсюда вечная антиномия (противоречие) перевода в виде: буквальный — вольный переводы.

Буквальный перевод — это, как вы уже знаете, воспроизведение в переводном тексте формальных и/или семантических компонентов исходного текста. Чаще всего такой перевод порождает непривычные для данного языка конструкции, а иногда и смыслы. В ситуации, связанной с установлением личности человека, можно встретиться с такой французской фразой: «J'ai des papiers». Ее буквальный перевод на русский язык, как с точки зрения конструкции, так и в семантическом плане, мог бы звучать следующим образом: «Я имею бумаги». Правильный же вариант («У меня есть документы») представляет собой вольный перевод, так как здесь нет воссоздания суммы формальных компонентов (синтаксическая структура фразы), а существительное «papiers» переведено не по основному значению. В то же время буквальный перевод немецкой фразы «Ich liebe dich» — «Я люблю тебя» — представляется вполне полноценным вариантом перевода.

Именно чрезвычайная сложность полного выражения средствами одного языка того, что выражено средствами дру-

того языка, породила теорию несоответствий, позволяющую достаточно точно определить количество и качество переданной информации, а значит — и качество перевода.

При передаче информации (а перевод и есть одно из средств передачи информации) ее потери и приобретения — неизбежны. Если информацию на входе и на выходе изобразить в виде наложенных друг на друга кругов, то, как это показывает Дж. А. Миллер¹, эти круги никогда не совпадут. Что-то от первоначальной информации будет потеряно, а что-то добавлено «передатчиком». А переводчик есть всегда передающий, или «передатчик», как это было сказано выше. Значит, в переводе, когда существуют два текста (исходный и переводной), что-то будет опущено, а что-то добавлено, а потому несоответствия и должны отражать в общих чертах процесс перевода со всеми его плюсами и минусами.

Несоответствия выявляются при сопоставлении двух текстов в том случае, если какая-то информация представлена лишь в одном тексте: исходном или переводном. Вот как выглядят несоответствия двух текстов: «21 октября **рабочие и служащие** крупнейших автомобильных заводов страны объявили забастовку» (исходный текст); «20 октября на крупнейших автомобильных заводах **Италии** началась забастовка» (переводной текст).

Несоответствий в этом примере немало, но это подобрано специально для большей наглядности. Итак, первое несоответствие заключается в неправильно переданной дате. Это и есть искажение ключевой информации оригинала, что рассматривается как грубая ошибка. Второе несоответствие заключается в непереданных словах «рабочие и служащие». Не передана уточняющая информация, поскольку когда говорят о забастовке на заводе, то подразумевают среди бастующих именно рабочих и служащих. Отсутствие в переводном тексте уточняющей информации, хотя и является несоответствием, тем не менее не рассматривается как смысловая ошиб-

¹ Дж. А. Миллер. Магическое число семь плюс или минус два. О пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. 1964. — С. 194.

ка. Третье несоответствие связано со словом «Италия» в переводном тексте вместо слова «страны» в исходном. Налицо прибавочная (дополнительная) информация, рассчитанная на адресата, который по какой-либо причине не в курсе, в какой стране происходит забастовка. Прибавочная информация может рассматриваться как «услуга» со стороны переводчика, предусмотревшего недостаточность внимания или компетенции у реципиента (получателя).

На рассмотренном примере есть возможность уяснить основные положения теории несоответствий.

Во-первых, вся несовпадающая в исходном и переводном текстах информация подразделяется на информацию переданную и прибавочную.

Во-вторых, несовпадающая информация вычленяется в виде речевых отрезков исходного и переводного текстов и классифицируется с точки зрения ее ценности на ключевую (информация самой высокой ценности), дополнительную (информация для малокомпетентного адресата), уточняющую (информация незначительной ценности), нулевую (информация, не имеющая никакой ценности).

В-третьих, вычлененные из текстов несоответствия содержат только одну информацию той или иной коммуникативной ценности.

Анализ выявленных при сопоставлении текстов несоответствий в переводе позволяет определить качество перевода, исходя из следующих посылок:

— самой серьезной ошибкой в переводе является появление в переводном тексте прибавочной ключевой информации, которая ведет к дезинформации адресата;

— переданная в переводном тексте ключевая информация представляет собой ошибку 2-й степени;

— потеря и появление дополнительной или уточняющей информации относятся к незначительным ошибкам, которые иногда могут быть оправданы условиями перевода и, особенно, компетенцией адресата (кое-кому надо объяснять, что Анатолий Франс не военачальник, а классик французской литературы — см. главу 3);

— вполне понятно, что слова, имеющие нулевую информацию (например, слова-паразиты типа «так сказать»), могут не переводиться, и это не рассматривается как ошибка в переводе.

Итак, именно вычленение несоответствий в исходном и переводном текстах может служить средством контроля в работе как квалифицированного, так и начинающего переводчика. Это средство отныне — в ваших руках.

27. ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ЗНАТЬ

Чтобы окончательно покончить с вопросами теории, которые кое-кому уже надоели, познакомимся с так называемыми единицами перевода. Выделение этих единиц в тексте поможет сделать первые практические шаги в практике перевода.

Единицей какого-нибудь конкретного или абстрактного объекта принято называть его элементарную частицу, сохраняющую все характеристики целого. Исходя из этого положения, единицами перевода как деятельности должны стать такие элементарные действия переводчика, которые сохраняют основные характеристики перевода в целом. А таковыми являются: отбор в исходном тексте информации, предназначенной для передачи, поиск решения на ее перевод, воссоздание информации, предназначенной для передачи на другом языке. Чаще всего, однако, переводчику невозможно принимать решение на перекодировку всего текста, ему приходится ограничиться какой-либо единицей речи. На этом уровне необходима единица перевода, которая, как следует из сказанного, и должна совпадать с единицей речи исходного текста, смысл которой переводчик может и должен понять, эквивалент или толкование кото-

рой он может и должен уметь найти, а также включить в переводной текст.

Таким образом, единицу перевода следует искать в исходном тексте. Это положение дало основание французским ученым Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне утверждать, что «...единица перевода — это отрезок высказывания, не поддающийся дальнейшему дроблению при переводе»¹. Правда, такой переводовед, как А.Д. Швейцер², вообще отрицает существование единиц перевода, поскольку выделяемые в качестве таковых отрезки речи имеют неодинаковую величину?! На наш взгляд, величина отрезка речи не может быть критерием единицы перевода. Таким критерием должна быть возможность принять решение на перевод. А это решение может приниматься и в отношении целой фразы (особенно часто в письменном переводе и последовательном переводе с записями), и в отношении словосочетания или слова (прежде всего в синхронном переводе). Поэтому более удобно единицу перевода определять как единицу речи, требующую отдельного решения на перевод.

Предусмотреть единицы перевода, а потому и составить заранее список возможных решений на все случаи в практике переводчика, — невозможно. И тем не менее некоторые единицы текста, способные постоянно выступать в качестве единиц перевода, могут быть учтены. К ним с полным основанием относятся штампы, ситуационные клише, термины и прецизионные слова.

Если оставить в стороне синхронный перевод, то переводчик начинает свою работу с восприятия речевого произведения целиком. Речевое произведение может представлять собой целую книгу (роман, повесть, поэма), а может состоять и из одной фразы. Естественно, что принимать одно решение (т. е. определять иноязычный текст на воспринятый текст оригинала) на целую книгу или хотя бы на перевод одного рассказа — невозможно. Это и предопределяет последующие дей-

¹ Vinay J. R., Darbelnet J. *Stilistique comparée du français et de l'anglais. Méthode et traduction*. Paris, 1958.

² Швейцер А.Д. *Перевод и лингвистика*. М., 1973.

ствия переводчика, который начинает дробить большое речевое произведение вплоть до такой единицы речи, которую уже можно перевести целиком.

Вы уже, наверное, понимаете, что слово, как правило, не может выступать постоянной единицей перевода: в большинстве случаев значение слова определяется в контексте, причем в переводе его значение будет зависеть и от контекста воспринятого текста, и от контекста текста перевода. Кстати, слово относится к тем единицам речи, которые еще не нашли общепринятого и исчерпывающего определения. Это тем более сложно при сопоставлении двух языков. Сравните русский вариант обозначения наиболее популярного гарнира ко вторым блюдам (картофель) и французский (*les pommes de terre*). Неужели на одно русское слово приходится четыре французских? На наш взгляд, в переводе слово следует определять как наименьшую единицу языка, способную получать статус единицы речи и выполнять коммуникативную функцию. Напомним, что среди единиц языка более низкого уровня, чем слово, выделяют обычно морфемы, которые включаются в речь в составе слова или для его оформления (*potatoes*; *les pommes*).

Впрочем, и слово нельзя рассматривать как постоянную единицу перевода, потому что очень часто для принятия решения переводчику необходимо воспринять несколько слов (например, министр иностранных дел), а еще лучше — целое предложение. В то же время есть такие слова, о которых можно заранее сказать, что они потребуют своего решения на перевод. Это слова, которые во всех контекстах сохраняют одно и то же значение. Вы их уже знаете: речь идет о терминах и прецизионных словах.

И те, и другие обычно определяются как однозначные слова. Насколько это справедливо, можно судить по многочисленным примерам: «Отделение, равняйся!» (команда), «В среду он уезжал в командировку». Термин «отделение» означает самую мелкую войсковую единицу, состоящую из 10–12 человек, а прецизионное слово «среда» — третий день недели. Но разве это их единственное значение?

Термин отличается от прецизионного слова тем, что он всегда связан с определенной областью деятельности человека, а прецизионное слово — общедоступно, им владеют не профессионально, а в повседневной жизни. Как вы уже знаете, к прецизионным словам относятся числительные, названия дней недели и месяцев, имена собственные. Но и у прецизионных слов, и у терминов есть еще одно сходство. И те и другие не составляют отдельную группу слов, они выступают как результат приобретения нового качества общеупотребительными словами. Проанализируем только что приведенные примеры. Термин «отделение» военные теоретики взяли из повседневной жизни, где часто можно встретить следующие значения этого слова: «Концерт состоит из двух отделений», «Советы провозгласили отделение церкви от государства»... Прецизионное слово «среда» было придумано только потому, что этот день недели находится в середине недели; и мы до сих пор говорим «о среде обитания», «о языковой среде». Итак, можно со спокойной совестью говорить об однозначности термина или прецизионного слова, которые, однако, составляют не особую группу слов, а особое качество слов, включенных в семантические системы, определяющие жизнедеятельность всего общества или его части.

Сказанное позволяет сделать два важных для подготовки переводчика вывода. Во-первых, переводчик должен уметь отличать термин или прецизионное слово от слова, употребляемого в другом качестве. А во-вторых, только в первом случае, т. е. при употреблении этого слова в функции термина или прецизионного слова, переводчик имеет право принимать на основании этих слов решение на перевод.

Само собой разумеется, что такое решение возможно, если вы знаете иноязычный эквивалент термина или прецизионного слова. Заранее выучить все иностранные термины и их эквиваленты невозможно и не нужно, термины какой-либо одной специальности можно усвоить при необходимости в достаточно короткий срок, а вот прецизионные слова нужны в любой области жизни. А это значит, что прецизионные слова нужно не просто знать, а знать в связи с их эквива-

лентами в другом языке. В этом отношении необходима специальная работа с именами собственными, с числительными (см. главу 10), с днями недели и названиями месяцев. Тренировку с днями недели и названиями месяцев лучше всего построить не на основе чисто знаковых связей (Tuesday — четверг или апрель — April), а путем включения этих слов в системы, где и у апреля, и у четверга будет четвертый порядковый номер. А потому важно научиться свободно читать на всех знакомых вам языках такие обозначения, как: *3.12.1922; в первый 2 10 месяца* (3 декабря 1922 года; в первый вторник октября) и т. п. Только потом рекомендуется переходить к упражнениям на устный перевод прецизионных слов как в контексте, так и вне его.

Если с отдельных слов перейти на более высокий уровень, а именно: на словосочетания и предложения, то здесь появятся другие постоянные единицы перевода: штампы и ситуационные клише. Штампы представляют собой также разновидность клише, но имеют при этом свои особенности: они лишены смысла.

Штамп, как и клише, является часто повторяющейся в устной или письменной речи речевой формулой. Такие речевые формулы представляют собой довольно удобное явление, поскольку облегчают общение между людьми и изучение нового языка. Они в значительной степени определяют квалификацию журналиста, т. е. его способность быстро и доступно для любого читателя донести информацию. Готовые речевые формулы определяют, кроме того, границу, которая отделяет больших писателей от их многочисленных собратьев по перу. Большой писатель всегда имеет свой почерк в литературе и свое осмысление действительности. Хороший журналист, прежде всего, в совершенстве владеет газетными клише, которые помогают ему не только быстро и правильно писать, но и писать доступно для читателя.

Повторяемость — важнейший признак клише, но повторяемость имеет и обратную сторону, она постепенно выхолащивает содержание клише, превращая его в речевую формулу с положительной или отрицательной окраской. Вот не-

сколько примеров: *вахта труда, поднять вопрос на должную высоту, щетные потуги, пустить на самотек*. Такие обороты теряют связь с денотатом (обозначаемым явлением или предметом) и вызывают у реципиента (читателя или слушателя) лишь положительную или отрицательную реакцию. Клише, которые частично или полностью потеряли информативность, принято называть штампами.

Штампы вызывают большие трудности в переводе, они не поддаются смысловому способу перевода, их семантический анализ ничего не дает; в то же время они придают положительную или отрицательную окраску сказанному. Поэтому в переводе для них нужно либо иметь готовые эквиваленты, либо находить замену, способную вызвать у адресата адекватную инициальную реакцию.

Это обстоятельство говорит о пользе предварительных «заготовок» эквивалентов для наиболее распространенных газетных штампов, появление которых в исходном тексте не будет вызывать заминок и неоправданных пауз в переводе. Отсутствие строго обозначенного смысла в штампах подчеркивает необходимость создания знаковых связей между аналогичными штампами двух языков, а значит и упражнений в устном переводе со все более ускоренным темпом.

Предварительные «заготовки» необходимы и для ситуационных клише, о которых уже говорилось в главе 12 настоящей книги. Напомним, что ситуационные клише — это клише, привязанные к конкретной ситуации. Когда старшина роты дает команду: «Рота, смирно!», то это он обязан сделать в ряде стандартных ситуаций только при помощи вышеозначенных слов в соответствии со строевым уставом. Когда на свадьбе гости кричат «горько», то это тоже ситуационное клише, заключенное в одном слове и обусловленное традициями свадебного стола. Когда вы встречаетесь со знакомым, то, в зависимости от обстоятельств, вам следует сказать либо «здравствуйте», либо «добрый день (утро, вечер)», либо «привет», что предусмотрено ситуацией и элементарной воспитанностью. Все это — ситуационные клише разной степени закрепленности за стандартной ситуацией, и владе-

ние ими в первую очередь определяет принадлежность человека к данному социуму. Именно поэтому изучение ситуационных клише предусматривается не только при подготовке переводчика, но и при изучении иностранного языка как такового.

Единицы перевода можно искать и среди других клишированных оборотов и, в первую очередь, среди пословиц, поговорок и просто фразеологизмов. Впрочем, последние очень часто растворяются в более крупных единицах перевода, таких как предложение или сверхфразовое единство.

Рассмотрение штампов и ситуационных клише исчерпывает наше знакомство с единицами речи, решение на перевод которых может быть предусмотрено заранее. Все остальное составляет творческую сторону в деятельности переводчика и сохраняет прелесть непредсказуемого.

28. ПЕРЕВОД И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Переводчик, как и все обычные люди на земле, имеет свою Родину, его мировоззрение складывается в том или ином обществе, у него есть свои симпатии и антипатии. А какое отражение находит все это в его работе? Не приводит ли это к некоторой односторонности в тех текстах, которые он создает?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к практике перевода. Как известно, в будках синхронного перевода сидят профессионалы (а иногда, увы, и непрофессионалы) высокого класса, получающие большие деньги за каждый день работы, которых приглашают либо по месту проведения форума, либо из другой страны, если нет таких специалистов у себя дома. Так, например, автору этих строк пришлось работать и в Осло, и в Сайгоне, и в Антананари-

ву, и в Варне, и в Аддис-Абебе, и в ряде других городов, где он и его товарищи по будке синхронистов входили в состав советской делегации. А что это значит? Это значит, что многие проблемы, бывшие предметом обсуждения, обговаривались и интерпретировались всей командой с позиции интересов делегации, а следовательно, и с позиции тех, кто посылал эту делегацию. Так достигалась обусловленность текста перевода идейными, этическими, политическими и другими факторами, присущими заказу, заложенному в голову переводчика.

В этой книге уже упоминалась моя поездка во Францию в составе делегации, которой было поручено разъяснять французским сторонникам мира причину ввода советских войск в Афганистан. В составе делегации были крупный политолог из Академии наук, главный редактор одной из столичных газет, известный еврейский писатель и ваш покорный слуга — специалист в области французского языка. Нравилось ли нам, что команда Брежнева отправила так называемый в ту пору «ограниченный контингент советских войск» в чужую страну? Само собой разумеется — нет. Но версия, которая нам была известна во многом с позиций так называемой интернациональной солидарности, оправдывала действия советского руководства. Согласно этой версии правительство Амина (Афганистан) загнало в тюрьму многих демократов и настроило против себя демократические круги страны. Этим решило воспользоваться руководство в то время недружественного нам Китая, а также Пакистана для того, чтобы расчленить страну. Напуганный Амин умолил наше руководство прислать ему на помощь войска в порядке интернациональной помощи. К несчастью, во время ввода наших войск противники Амина постарались устранить его, что и было достигнуто, несмотря на то, что соответствующим службам СССР было дано указание головой отвечать за жизнь Амина. Кое-кто головой за это и ответил. Как известно, один из заместителей советского министра застрелился. Такова была информация, которая служила нам в качестве исходной.

Эта версия излагалась и в Нанте, и в Сент-Назере, и в Париже на многочисленных встречах с французскими сторонниками мира, причем излагал ее и я, на первых встречах в переводе, а потом самостоятельно для экономии времени. Верил ли этой версии ваш покорный слуга? В основном верил, и не только потому, что он прошел все ступени идеологической обработки в школе, в армии, на фронте, в комсомоле и в партии, но и потому, что он был воспитан патриотом своей родины и защищал ее с оружием в руках, что он любил и будет любить всегда свою страну и что он твердо уверен, что просоветский, просоциалистический Афганистан гораздо более привлекательный сосед на южных границах Советского Союза, чем Афганистан исламского фундаментализма. Его точка зрения в этом вопросе была поколеблена только тогда, когда оказалось, что и большинство афганцев против такой помощи. Что же касается переводческой практики, то здесь переводчик-профессионал был обязан сохранять всю ту информацию, которую стремились донести до французов члены нашей делегации, хотя делать это можно как с уверенностью в ее аутентичности, так и без нее. В описываемой ситуации переводчик работал без тени сомнений и неоднократно наблюдал, как менялось настроение аудитории от хмурой вежливости к полному одобрению.

В другом году, в другой ситуации, но в той же Франции мне пришлось переводить спор наших видных политологов из академических институтов со своими коллегами из Парижа. Помню, как меня поразили высказывания французов об уязвимости марксистского положения о классовом подходе в борьбе рабочего класса за «светлое будущее» человечества. Французы приводили известный, по-видимому, политологам довод о том, что класс — это нечто вроде автобуса, в который входят и из которого выходят на остановках подавляющее большинство пассажиров и что классовый подход делает врагами огромное количество населения любой страны. Наши марксисты находили различные возражения, но меня они не убедили. Это было в начале 60-х годов, и с тех пор я усомнился в этом тезисе марксизма-ленинизма. Тем не менее во вре-

мя спора я с одинаковым пылом отстаивал в процессе перевода позиции обеих сторон. Это была моя работа, и я поступал правильно. В переводе необходимо донести до адресата информацию, которую предназначил ему источник. В этом случае сохраняется детерминированность (обусловленность) текста перевода заказом источника сообщения.

Значительно позже в Женеве мне пришлось спорить с генералом, членом нашей делегации сторонников мира, который утверждал, что мы вынуждены создавать все новые ракеты и совершенствовать ядерное оружие, чтобы не отстать в гонке вооружений от американцев. «Позвольте, — говорил я, — но если достаточно сотни мощных ядерных боеголовок, чтобы уничтожить всю Западную Европу или Соединенные Штаты, зачем нам тратить бешеные деньги на новые ракеты? Чтобы защитить себя, достаточно того, что уже имеется». Он доказывал, что каждая новая ракета превосходит по качественным характеристикам предыдущую, а потому необходима как гарантия нашей безопасности. Убедить меня он не смог, но на другой день, выступая в качестве переводчика, я говорил на французском языке то же самое, что и он сам, и, наверное, не менее убежденно, чем он... Только с началом перестройки политики заговорили о достаточности ядерного оружия и необходимости его постепенного уничтожения.

Можно привести и другие примеры. В Каракасе (Венесуэла) я работал в составе команды переводчиков, которая была приглашена для обслуживания конференции, созванной в связи с событиями в Никарагуа, и на ней советская делегация не присутствовала. В Антананариву (Мадагаскар) обсуждались также проблемы, непосредственно не затрагивающие нашу страну. «Вольным стрелком» (free-lance) мне пришлось выступать и в Женеве, и в Дар-эс-Саламе (тогда Танганьика), и в Никозии (Кипр). И во всех случаях, в стремлении не выходить за рамки основного закона перевода (передавать информацию, предназначенную адресату), мне не всегда удавалось оставаться абсолютно нейтральным и не симпатизировать некоторым выступлениям. А это значит, что что-то от

моего собственного «я» оставалось в переводе. И мою персону вряд ли можно было в этом отношении считать исключением. Это прекрасно знают политики, которые при любой возможности стараются использовать в переговорах своих переводчиков. Отсюда неписанный закон о том, что при наличии у каждой стороны своего переводчика каждому из них вменяется в обязанность переводить своего «хозяина».

Умные политики прекрасно понимают определенную обусловленность текстов перевода мировоззрением переводчика. Поэтому они часто используют во время встреч со своими иностранными коллегами выделенных для этой цели контролеров из своего окружения. Мне не раз приходилось спорить с ними о нюансах той или иной формулировки в переводе. Кстати, они обычно сами и подбирали команды переводчиков для правительственных совещаний, пресс-конференций, переговоров. И по их команде, минуя все инстанции, а иногда и без дежурных характеристик, которые обычно придирчиво обсуждались в комиссиях прозаседавшихся пенсионеров, наделенных ролью «представителей советской общности», обласканные ими переводчики (как правило, высокой квалификации) появлялись в Кремлевских палатах, поступив в распоряжение лиц с неограниченной властью.

Мне приходилось работать со многими президентами, премьер-министрами, генеральными секретарями, членами политбюро, просто министрами. Как они относились к своим переводчикам? По-разному, в зависимости от своего характера, воспитания, привычек. Так, Н.С. Хрущев не терпел никаких упушений от своих непосредственных подчиненных и не раз при мне разносил заведующих отделами и многочисленных референтов. К переводчикам он относился с большим уважением и иногда интересовался, как были переведены его непредсказуемые высказывания (вспомните его ответ на речь Энвера Ходжи — глава 5). Л.И. Брежнев поражал своим радушием и общительностью. Он любил шутить, рассказывать анекдоты и не подчеркивал дистанцию, которая отделяла его от переводчиков (конечно, все это относит-

ся к тому периоду, когда он еще не был болен). Поражал своим «монашеским» поведением «серый кардинал» времен застоя М.А. Суслов. Он спешил первым поздороваться, предложить стул, прислушаться, показать высокую степень своей готовности выразить согласие каждому, с кем приходилось ему встречаться в его вотчине. И тем не менее всегда в душе оставался неприятный осадок от какой-то фальши, которая проскальзывала в его жестах, интонации и просто словах. Прекрасное впечатление оставлял Ш. Рашидов, один из руководителей Узбекистана и, безусловно, интеллигентный человек. Красивый, выдержанный, вежливый, он хорошо понимал многие тонкости работы переводчиков и старался в публичных выступлениях построить свою речь так, чтобы не вызывать у нас трудностей, которые присущи беспорядочным, монотонным и невнятным говорениям.

Скажу еще несколько слов о «своих» министрах, министрах, возглавляющих Министерство обороны, к которому я относился большую часть своей самостоятельной жизни. О Р.Я. Малиновском я уже говорил, он немного знал французский и поэтому с особым уважением относился к военным, которые знали иностранный язык. Когда мы возвращались на его самолете с космодрома Байконур, я был единственным пассажиром, которого он пригласил в свой отсек для игры в шахматы и для беседы о повседневной жизни Военного института иностранных языков. Хорошее впечатление о себе оставил и А.А. Гречко, много заботившийся об условиях службы и быта своих офицеров. Я его помнил еще по фронту, поскольку мне пришлось совершить вынужденную посадку в расположении его штаба, после того как в масляный бак моего самолета немецкие зенитчики всадили снаряд своего эрликоня. Это было под Новороссийском во время боевого вылета в район Малой земли. Офицеры его штаба, благодарные за то, что мне удалось не врезаться на самолете в их временные служебные помещения, долго передавали меня из кабинета в кабинет высшего армейского начальства, прежде чем отправили в Геленджик, в мой родной 47-й штурмовой авиационный полк ВВС ВМФ. Так начал я отмечать день

Советской Армии в 1943 году. В конце 60-х годов и уже в ранге министра А.А. Гречко часто приезжал в Военный институт иностранных языков, пока не благоустроил наши «средневековые» толстостенные казармы и не построил современные учебные корпуса. Приезжая, он собирал руководство Института и просил прямо заявлять о своих нуждах и претензиях. В обстановке военной субординации более смелыми оказывались вызванные на встречу с министром начальники языковых кафедр, многие из которых общались с ним ранее во время приема иностранных военных гостей и которых он знал лично. Потом А.А. Гречко недовольно ворчал, что полковники-лингвисты оказываются смелее генералов-общевоисковиков. Он во многом помог становлению Военного института, до сих пор славящегося лучшей в стране школой переводчиков. Как память о нем я храню часы, подаренные им мне в 1969 году за работу в качестве переводчика на большом международном совещании в Кремле.

Последним «моим» военным министром был Д.Ф. Устинов. О нем я уже вспоминал. Это был человек, умеющий высоко ценить компетентность подчиненных и заботиться о них, но он одновременно был суров к тем из своего окружения, кто напоминал ему о регламентированном рабочем дне, о «положенном» отпуске и т. п. Никогда не отдохавший подряд более недели, он был в своем кабинете и в 7 часов утра, и в 11 часов вечера и того же требовал от руководства советского Пентагона. Не надо забывать, что это был министр, прошедший в верхах власти страшную школу 30-х — 40-х годов, когда вся жизнь истеблишмента была подчинена распорядку дня одного человека в государстве, страх и, возможно, угрызения совести которого не давали ему уснуть до 4 часов утра.

По-видимому, нарисованная выше картина отношения советских руководителей к переводчикам не оставляет того мрачного впечатления об их культуре и нетерпимости к поданным, которое создано в головах наших юношей и девушек в связи с огульной критикой всего прошлого средствами массовой информации. Однако не надо забывать, что в любую эпоху политические деятели не были одеты в униформу. Среди

них были и те, у кого руки оказались обгарены кровью своих верноподданных, были и свои Вышинские, образованные и достаточно начитанные люди, которые создавали имидж государства и маскировали темные дела системы. Кроме того, на верхних ступенях государственной иерархии в 60-е — 70-е годы все более явственно стали понимать цену высокого профессионализма и проводить различие между низкопоклонствующими бюрократами и специалистами, которым трудно найти замену. К тому же большинству руководителей нужны и те и другие.

В целом, заканчивая эту книгу и вспоминая свою работу на фоне дежурных молодежных фестивалей и страшных памятников из человеческих черепов кровавого режима Пол Пота, в общении с тонким и умным писателем-политиком Константином Симоновым и полным трагического героизма летчиком Маресьевым, между самовлюбленной надменностью Мао Цзэ-дуна и добротой и благожелательностью Хо Ши Мина, я могу с полным основанием сказать, что моя жизнь в переводе и в обучении переводу, глубокое познание этой профессии дали мне всё, что я имею сегодня в себе и вокруг себя.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абзацно-фразовый перевод — упрощенный вид последовательного перевода, при котором текст переводится после прослушивания не целиком, а по фразам или абзацам.

Авторизованный перевод — перевод, получивший одобрение автора оригинального текста.

Адекватный перевод — воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Адекватный перевод является целью художественного перевода. Вместо термина «адекватный перевод» иногда употребляют термин «полноценный перевод».

Адресат — лицо, которому предназначено сообщение, или коммуникант, получающий информацию. Вместо термина «адресат» употребляются также термины «получатель» и «реципиент».

Аналог — слово или словосочетание в переводном тексте, имеющее в данном контексте то же значение, что и неэквивалентное ему слово или словосочетание в исходном тексте.

Антонимический перевод — прием перевода, заключающийся в замене понятия, выраженного в подлиннике, противоположным ему понятием.

Ассоциативный символ — см. *символ*.

Аудирование — восприятие на слух и понимание устной речи.

Аудитория — коллективный адресат (включающий несколько человек). В переводе различают *открытую*, *полузакрытую* и *закрытую* аудиторию.

Безэквивалентная лексика — слова исходного текста, обозначающие национальные реалии, т. е. понятия, предметы, явления, не имеющие соответствий в языке перевода.

Билингв — лицо, владеющее двумя языками.

Билингвизм — знание двух языков. Различают *естественный* и *искусственный* билингвизм. При естественном билингвизме знание двух языков приобретается при постоянном пребывании в различных языковых средах. Например, немцы в России чаще всего говорили дома на немецком языке, а в школе, на работе, в общественной жизни — на русском. Различают также *субординативный* и *координативный* билингвизм.

Буквализм — ошибка переводчика, заключающаяся в передаче формальных или семантических компонентов слова, слова, словосочетания или фразы в ущерб смыслу или информации о структуре. Примеры: *journal* (фр.) — журнал (вместо «газета»), *ich habe einen Bleistift* (нем.) — я имею карандаш (вместо «у меня есть карандаш»).

Буквальный перевод — воспроизведение в переводном тексте формальных и/или семантических компонентов исходного текста.

Буквенный символ — см. *символ*.

Вариантное соответствие — один из возможных вариантов соответствия единице исходного текста в переводе.

Вводящая конструкция — часть предложения, содержащая информацию об источнике сообщения, например: «Газета "Известия" сообщает, что...». Имеет свое обозначение в системе записи.

Вербальная память — память, при которой происходит запоминание преимущественно слов, а не образов.

Вероятностное прогнозирование — умственные действия или операции при приеме информации, заключающиеся в предугадывании слов или словосочетаний.

Вертикализм в записях — правило переводческой скорописи, предусматривающее расположение записей столбиком с закреплением постоянных мест за основными членами предложения.

Вольный перевод — перевод ключевой информации без учета формальных и семантических компонентов исходного текста.

Высказывание — оформленная в речи законченная мысль, смысл которой находится в зависимости от конкретной или воображаемой ситуации.

Выходной текст — см. *тексты в переводе*.

Генерализация понятия — прием перевода, заключающийся в переходе от видового понятия к родовому. Например, «синица» переводится как «птиц*», «виноград» — как «фрукты».

Грамматическая трансформация — один из приемов перевода, заключающийся в изменении структуры предложения или словосочетания при сохранении семантической информации.

Грамматический буквализм — сохранение грамматических структур или форм подлинника в переводном тексте.

Двусторонний перевод — последовательный перевод беседы, осуществляемый как с языка № 1 на язык № 2, так и с языка № 2 на язык № 1.

Девербализация — освобождение воспринятой информации от языковых средств, форм и структур исходного языка.

Денотат — предмет или явление, обозначаемое языком в конкретном речевом произведении.

Долговременная память — способность запоминать воспринятую информацию на продолжительный срок.

Дополнительная информация — информация, предназначенная для неподготовленного реципиента. Например: «Париж — столица Франции».

Дополнительный эстетический эффект — эстетический эффект в процессе коммуникации, достигаемый за счет особенностей структуры речевого произведения (например, размер стиха, рифма). Учитывается в некоторых видах перевода.

Дословный перевод — механическая подстановка слов языка перевода, аналогичных словам исходного языка.

Единица перевода — единица речи, требующая самостоятельного решения на перевод. В качестве постоянных (готовых) единиц перевода выступают штампы, ситуационные клише, термины, пословицы и образные выражения.

Единица речи — единица языка, наделенная производной комбинацией значения и способная выполнять коммуникативные функции.

Закономерные соответствия — слова, словосочетания или предложения исходного текста и адекватная им замена в переводном тексте. В зависимости от степени устойчивости устанавливаются три вида закономерных соответствий между единицами текстов в переводе: эквиваленты, аналоги, адекватные замены.

Закрытая аудитория — закрытая или рассредоточенная аудитория редко встречается в коммуникации с переводом в качестве адресата. Она наблюдается обычно у средств массовой коммуникации: радио, телевидение, пресса. Ее главная особенность — отсутствие непосредственной обратной связи.

Записи в последовательном переводе — вспомогательное средство памяти переводчика, заключающееся в фиксировании на бумаге наиболее важной с его точки зрения информации. То же, что и *переводческая скоропись*.

Знаковый способ перевода — одна из объективно существующих закономерностей перехода от одного языка к другому, которая выражается в переводческих операциях на формально-знаковом уровне, т. е. без осознания денотата. Знаковый способ перевода используется преимущественно в синхронном переводе.

Зрительно-письменный перевод — письменный перевод текста, воспринимаемого зрительно (традиционное название — *письменный перевод*).

Зрительно-устный перевод — устный перевод текста, воспринимаемого зрительно. В основном имеется в виду перевод с листа.

Инвариант — инвариантом в переводе называют то, что должно оставаться неизменным в результате перевода, а именно: сообщение, понимаемое как информация, предназначенная для передачи.

Инвариантная информация — информация, предназначенная для передачи. То же, что и *сообщение*.

Информативные высказывания — высказывания, смысл которых определяется семантической информацией, содержащейся в них.

Информационный запас — объем информации, ассоциируемой коммуникантом с языковым знаком или обозначенным им объектом. Различаются пять степеней информационного запаса.

Информационный запас 1-й степени есть минимальный объем информации, позволяющий соотнести предъявляемую лексическую единицу с той или иной областью жизни.

Информационный запас 2-й степени позволяет распределять обозначаемое уже не по классам предметов, явлений, а по родам, к которым оно относится.

Информационный запас 3-й степени позволяет на основе предъявленной лексической единицы выделить денотат из группы однородных предметов.

Информационный запас 4-й степени представляет собой некоторое количество систематизированных сведений о денотате.

Информационный запас 5-й степени — наиболее обширные сведения о денотате.

Информация о структуре — один из видов информации, которую источник может предназначать адресату; речь идет об особенностях стиля автора, архаизмах и неологизмах, образных выражениях, поэмах, рифме, размере стиха и других языковых средствах, создающих дополнительный эстетический эффект.

Источник — лицо, от которого исходит сообщение, коммуникант, передающий сообщение.

Исходный текст — текст, предназначенный для перевода, *оригинал* или *подлинник*.

Исходный язык — язык, с которого осуществляется перевод.

Ключевая информация — новые сведения, которые ни контекстом, ни ситуацией подсказаны быть не могут.

Ключевые слова — слова, несущие ключевую информацию.

Код — система знаков и правила их использования для передачи или приема сообщений. Различают в переводе *исходный код*, т. е. язык исходного текста, *субъективный код*, или *систему условных обозначений*, которыми пользуется переводчик в записях, *код переводного текста*, т. е. язык перевода.

Коммуникант — один из участников коммуникации, источник или адресат, лицо, принимающее участие в передаче или приеме информации. Переводчик, будучи коммуникантом, выступает как дублер источника и адресата.

Коммуникативный эффект — воздействие, произведенное на получателя в результате передачи сообщения.

Компенсация — прием перевода, восполняющий неизбежные семантические или стилистические потери средствами языка перевода, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике.

Конкретизация понятий — прием перевода, который заключается в переходе от родового понятия к видовому (например, *учащийся* переводится в зависимости от контекста как *студент* или *слушатель*).

Контекст — лингвистическое окружение слова, высказывания; содержание текста.

Координативный билингвизм — двуязычие, при котором нет доминирующего языка, а думают на том языке, на котором говорят.

Лексическая единица — единица языка (слово, устойчивое словосочетание), способная обозначать предметы, явления, их признаки и т. п.

Логическое развитие понятий — прием перевода, который заключается в замене при переводе одного понятия другим, связанным с первым как причина и следствие, часть и целое, орудие и деятель.

Метод выбора ключевых слов — один из методов смыслового анализа в переводе, при котором для запоминания или записи отбираются слова, несущие ключевую информацию.

Метод выбора рельефного слова — один из методов смыслового анализа в переводе, при котором для записи или запоминания отбирается необычное, колоритное, а потому остающееся в памяти слово.

Метод трансформации — один из методов смыслового анализа в переводе, при котором имеющиеся в исходном тексте слова или словосочетания заменяются более кратким или емким обозначением.

Механизм билингвизма — умение легко переходить с одного языка на другой, благодаря сформированному навыку переключения, функционирование которого во многом зависит от навыков речевого слуха, вероятностного прогнозирования и самоконтроля, как в исходном, так и в переводном языках.

Модальные символы — символы переводческой скорописи, используемые для выражения модальных отношений в речи.

Мотивация — потребность в том или ином поступке, в той или иной деятельности.

Навык переключения — умение автоматизированно совершать операции по переходу с одного языка на другой для перевода единиц речи.

Навык синхронизации слуховой рецепции и речи — умение одновременно совершать две важнейшие операции перевода: восприятие исходного текста и оформление перевода.

Несоответствие — некоторое количество переданной или добавленной информации, вычленяемой в виде либо непереведенного речевого отрезка в исходном тексте, либо добавленного речевого отрезка в переводном тексте.

Номинация — обозначение с помощью языка какого-либо предмета, явления.

Нулевая информация — отсутствие каких-либо сведений в единице речи.

Образная память — способность запоминать воспринятую информацию посредством образов, представлений, переживаний.

Обратный перевод — перевод текста перевода на язык оригинала.

Общая теория перевода — научная концепция о сущности и особенностях двуязычной коммуникации.

Оперативная память — произвольное, при наличии соответствующей установки, запоминание полученной информации.

Операции на формально-знаковом уровне — операции перевода, осуществляемые без идентификации денотата на основе функционирования навыка переключения.

Описательный перевод — прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия. К этому приему прибегают, если в языке перевода нет соответствующей номинации или она неизвестна переводчику.

Оригинал — исходный текст в переводе. Текст, с которого осуществляется перевод.

Открытая аудитория — открытая или контактная аудитория, наиболее часто встречающийся адресат в коммуникации с переводом. Открытая аудитория отличается наличием обратной связи (переводчик видит и слышит реакцию на свои действия) и определенной организацией.

Оформление перевода — порождение переводного текста. Оформление перевода может быть устным и письменным.

Перевод — вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель, не совпадают.

Переводимость — объективно существующая возможность передать сообщение в условиях коммуникации с использованием двух языков.

Переводоведение — наука о переводе.

Переводческая скоропись — то же, что и *записи в последовательном переводе*.

Переводческие универсалии — понятия и категории перевода, существующие независимо от условий перевода, жанрового характера текстов и контактирующих языков. К переводческим универсалиям можно отнести инвариант, сообщение, способы перевода, соответствия, единицу перевода и др.

Перевод с листа — устный перевод письменного текста в процессе его восприятия и без предварительного чтения.

Переводчик — промежуточное звено в коммуникации, необходимость в котором возникает в случаях, когда коды, которыми пользуются источник и адресат, не совпадают.

Письменный перевод — наиболее распространенный вид профессионального перевода, при котором восприятие текста осуществляется зрительным путем, а оформление перевода письменно. Этот же вид перевода в научных публикациях называют *зрительно-письменным* переводом.

Письменный перевод на слух — письменный перевод текста, воспринятого на слух. В настоящее время существует главным образом как учебный вид перевода (упражнения: перевод-диктовка, письменный перевод звукозаписи).

Повторная информация — информация, высказанная в данном тексте не в первый раз.

Полноценный перевод — исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника и полное функционально-стилистическое соответствие ему.

Полузакрытая аудитория — финальный адресат, чаще всего наблюдаемый в синхронном переводе: переводчик слышит через наушники реакцию зала, но не видит реципиентов.

Последовательный перевод — устный перевод текста после его прослушивания. Различают последовательный перевод с записью и абзачно-фразовый перевод, а также односторонний перевод (только с одного и того же языка на другой) и двусторонний перевод. Чаще всего последовательным переводом называют устный перевод на слух с записями как профессиональный вид переводческой деятельности.

Поэтема — слово или словосочетание, характерное для поэтического произведения и малоупотребительное в обыденной речи.

Предикативный символ — символ переводческой скорописи, относящийся к группе символов, замещающих в записи предикаты.

Предметная ситуация — отрезок действительности, описываемый в высказывании.

Прецизионные слова — однозначные, но, в отличие от терминов, общеупотребительные слова, не вызывающие, как правило, конкретных ассоциаций. В устном переводе вызывают определенные трудности. К прецизионным словам относятся имена собственные, названия дней недели и месяцев, числительные.

Прибавочная информация — информация, которая имеется в тексте перевода и которой нет в исходном тексте.

Прием перевода — конкретное действие или конкретные операции, вызванные возникшими трудностями в процессе перевода.

Процесс перевода — деятельность переводчика от восприятия текста оригинала до порождения текста перевода. Составляет специфику и основное звено коммуникации с использованием двух языков.

Реалии (национальные) — предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы. Реалиями также называют слова и словосочетания, обозначающие их. Большинство национальных реалий относится к безэквивалентной лексике.

Рельефное слово — неординарное, колоритное, обращающее на себя внимание слово. Используется для записей в последовательном переводе.

Реципиент — получатель текста, сообщения (информации).

Речевая деятельность — взаимосвязанные речевые действия, направленные на достижение одной цели. Перевод является одним из видов речевой деятельности наряду с письмом, чтением, говорением и т. д.

Речевая ситуация — реальная или воображаемая ситуация, провоцирующая речь. В коммуникации с переводом различается речевая ситуация № 1, во время которой сообщение принимается переводчиком, и речевая ситуация № 2 — при приеме сообщения финальным адресатом.

Речевое произведение — законченная мысль, выраженная в речи.

Речевой слух — слух, подготовленный для восприятия речи на том или ином языке.

Решение на перевод — выбор соответствия (синонимической замены) к единице речи в исходном тексте.

Семантика — раздел языкознания, исследующий проблемы значения лексических единиц.

Семантическая информация — информация, содержащаяся в высказывании и передаваемая через значения единиц речи.

Семантический буквализм — ошибка переводчика в результате передачи семантических компонентов слова, словосочетания, без учета других факторов. Например: *hotdog* — *горячая собака* (вместо *булка с сосисками*); *подполковник* — *sous-colonel* (вместо *lieutenant-colonel*).

Символ — условное обозначение, знак, используемые в переводческой скорописи для обозначения группы предметов, явлений. По способу обозначения символы системы записи подразделяются на *буквенные, ассоциативные, произвольные*.

Синонимическая замена — слово, словосочетание, наделенные тем же значением, что и другое слово, словосочетание того же или другого языка.

Синхронный перевод — устный перевод, осуществляемый одновременно со слуховым восприятием исходного текста. Один из основных видов профессионального перевода.

Система записи — вспомогательное средство памяти, включающая правила отбора и записи информации, поступающей к переводчику в последовательном переводе.

Ситуационная информация — информация, поступающая от экстралингвистических факторов, способствующих акту речи.

Ситуационное клише — стереотипное выражение, обязательное для данной ситуации. Например: «Говорит Москва!», «Добро пожаловать!». Ситуационные клише требуют отдельного решения на перевод, т. е. могут рассматриваться как единицы перевода независимо от исходного текста, в состав которого они входят.

Ситуация — совокупность компонентов реальной действительности, существующих в момент речевого действия или описываемых в высказывании. *Различают речевую ситуацию и предметную ситуацию.*

Слова-паразиты — слова в устной речи, не несущие никакой информации и затрудняющие понимание излагаемой мысли.

Смысл высказывания — содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации, результат взаимодействия семантической и ситуационной информации.

Смысловая группировка текста — выделение из текста единиц, несущих информацию различной коммуникативной ценности.

Смысловая информация — смысл речевого произведения, являющийся результатом сопоставления семантической и ситуационной информации.

Смысловая память — память, основанная на выделении и запоминании смысловых вех в речевом произведении.

Смысловый анализ — одна из важнейших операций переводчика при восприятии исходного текста. Смысловый анализ имеет своей целью определение смысла и выделение инвариантной информации. При смысловом анализе исходного текста используются известные методы смыслового анализа: *метод выбора слова с наибольшей информационной нагрузкой, метод трансформации, метод выбора рельефного слова.*

Смысловый способ перевода — одна из объективно существующих закономерностей перехода от одного языка к другому, которая имеет в виду идентификацию денотата, предваряющую поиск иноязычного соответствия.

Сокращенная буквенная запись — одно из правил системы записи, которое формулируется следующим образом: запись русских слов, содержащих более четырех букв, производится с выбрасыванием гласных из середины слова; не записываются также окончания прилагательных.

тельных или существительных, одна из двойных согласных и некоторые согласные в длинных словах.

Сообщение — информация, предназначенная для передачи. Информация может совпадать и не совпадать с содержанием речевого произведения, она может включать и информацию о структуре речевого произведения (например, о стиле автора).

Соответствие — одна из основополагающих категорий науки о переводе. Абсолютное соответствие в переводе выражается в совпадении формальных, семантических и информативных компонентов исходного и переводного текстов в переводе, что практически не может быть достигнуто. Категория соответствия проявляется в переводе в виде оппозиции «буквальный перевод — вольный перевод». Соответствием также называют один из вариантов перевода единицы исходного текста.

Специальный перевод — перевод материалов, относящихся к какой-либо отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой.

Способ **перевода** — одна из основополагающих категорий науки о переводе. Способ перевода определяется как объективно существующая закономерность перехода от одного языка к другому в переводческой деятельности. Известны два способа перевода — *знаковый и смысловой*.

Субординативный билингвизм — билингвизм, при котором наличествует *доминантный язык, язык мышления*.

Субъективно-зрительный код — внутренний язык человека, в котором отдельные слова соседствуют с образами, представлениями.

Текст — любая последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением.

Тексты в переводе — в переводе различают *исходный текст*, предназначенный для перевода (его иногда называют *оригиналом или подлинником*), и *переводной текст*, полученный в результате перевода (другое его наименование — *выходной текст*).

Тематические высказывания — высказывания, содержание которых определяется заданной ситуацией (темой) и *ситуационной информацией*.

Теория несоответствия — теория, основывающаяся на том положении, что переводной текст всегда содержит некоторое количество информации, отсутствующей в исходном тексте, и что часть информации исходного текста не представлена в переводном тексте. Сопоставительный анализ текстов в переводе на основе несоответствий дает возможность вскрыть особенности процесса перевода, выявить трудности работы переводчика, закономерности перехода с одного языка на другой.

Теория перевода — логически обоснованная модель двуязычной коммуникации. Следует различать *общую теорию перевода* и *частную теорию перевода*.

Термин — слово, наделенное качеством обозначать научное понятие, составляющее вместе с другими понятиями данной отрасли науки или техники одну семантическую систему. В тексте, предназначенном для перевода, термин требует отдельного решения на перевод, т. е. выступает как *единица перевода*.

Толковый словарь — одноязычный словарь, в котором объясняются значения слов.

Трансформация — основа большинства приемов перевода. Заключается в изменении формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи.

Уникальная информация — то же, что и *ключевая информация*.

Устный перевод — понятие, объединяющее все виды перевода, предполагающие устное оформление, в том числе такие самостоятельные виды перевода, как *последовательный перевод*, *синхронный перевод* и *перевод с листа*.

Устный перевод на слух — устный перевод текста, воспринятого на слух. Включает два важнейших профессиональных вида перевода: *последовательный перевод* и *синхронный перевод*.

Уточняющая информация — сведения, которые подразумеваются другими словами текста.

Финальный адресат (получатель) — коммуникант, замыкающий двуязычную коммуникацию, в отличие от переводчика, являющегося *промежуточным адресатом* или *адресатом-дублером*.

Фоновая информация — информация, поступающая от экстралингвистических факторов.

Формальные компоненты высказывания — звуковые или графические формы слов, грамматические формы и структуры.

Целевые высказывания — высказывания, смысл которых совпадает с целью речевых действий и определяется через соотнесение *ситуационной* и *семантической информации*.

Частная теория перевода — сопоставление двух конкретных языков с позиций задач и целей науки о переводе.

Штампы — часто повторяющиеся речевые формулы с относительной дисфункциональностью и, следовательно, со стертыми связями с денотатом. Требуют самостоятельного решения на перевод, а потому выступают в качестве единиц перевода.

Эквиваленты — постоянные равнозначные соответствия между единицами исходного и переводного текстов, не зависящие от контекста; межъязыковые синонимы. .

Язык перевода — язык, на который осуществляется перевод.

Язык-посредник — промежуточный язык между исходным и переводным текстами, как, например, записи в последовательном переводе.

ЧТО ЕЩЕ ЧИТАТЬ О ПЕРЕВОДЕ

Власов СФлоринС. Непереводимое в переводе. — М., 1978.
Гак В.Г., Григорьев Б.В. Курс перевода. Французский язык. — М., 1997.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. — М., 1973.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. — М., 1996.

Миньяр-Белоручев Р.К. Записи в последовательном переводе. — М., 1997.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. — М., 1964.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1974.

Стрелковский Г.М., Латышев Л.К. Научно-технический перевод. — М., 1980.

Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода. — М., 1979.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. — М., 1968.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. — М., 1978.

Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. — М., 1976.

Ширяев А.Ф. Пособие по синхронному переводу. Французский язык. — М., 1982.

Р.К. Миньяр-Белоручев
КАК СТАТЬ ПЕРЕВОДЧИКОМ?

Ответственный редактор *М.Я. Блох*

Редактор *О. Твердынин*
Корректор *Л. Рыжова*
Художник *Э. Зарянский*
Верстка *О. Балашова*

Изд. лицензия № 064634 от 13.06.96
Подписано в печать 10.10.99.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. 11 печ. л. Тираж 5000 экз.

Издательство «Готика». Тел.: (095) 937-65-46

Отпечатано в Московской типографии №6
Государственного Комитета РФ по печати,
109088 Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24